

ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ ИСТОРІИ СЛАВЯНЪ

ГЛАВА ВТОРАЯ*).

ВЕНЕТЫ.

I.

ДРЕВНѢЙШЕЕ НАЗВАНІЕ СЛАВЯНЪ — ВЕНЕТЫ.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами отношеній славянскаго племени къ другимъ отраслямъ арійскаго поколѣнія можно сдѣлать тотъ выводъ, что предки славянъ и литовцевъ были послѣдніе изъ осѣдлыхъ арійцевъ, покинувшіе свою родину въ средней Азіи, чтобы перейти въ Европу. Здѣсь, естественно, они должны были остаться позади народовъ, предшествовавшихъ имъ въ переселеніи. Но странно было бы думать, что арійскія племена, по мѣрѣ того, какъ приходили въ Европу, располагались въ ней тотчасъ по правильнымъ очертаніямъ какихъ-нибудь естественныхъ границъ. Въ такомъ передвиженіи невозможно, чтобы иныя колѣна не отстали или не сбились въ сторону отъ главнаго пути племени, подобно тому, какъ это случилось, на примѣръ, съ кельтскою вѣтвью киммеріевъ, которые остались на сѣверномъ берегу Чернаго моря и потомъ, оттуда гонимые, бросились частію въ Малую Азію, тогда какъ главный потокъ кельтскаго переселенія шель на западъ Европы. Могло также случиться, что нѣ-

*) См. выше. т. IV, стр. 223 — 291.

которыя колѣна опережали главную часть племени и, оставивъ ее за собою, увлекались все далѣе и далѣе впередъ. Такія явленія представляетъ намъ исторія славянъ въ VI — VIII вѣкѣ по Р. Хр., когда это племя, поднятое сильными переворотами въ своей землѣ, начало снова подвигаться на западъ и югъ Европы. Тогда нерѣдко бывали случаи, что толпы переселенцевъ-славянъ, отдѣлившись отъ своего народа, проникали въ глубь чужихъ странъ, попадались путешественникамъ того времени въ самомъ сердцѣ Германіи, шли до устьевъ Рейна или до оконечностей Греціи. Если такіе случаи были возможны въ 600-тыхъ и 700-тыхъ годахъ нашего лѣтосчисленія, — а въ то время народонаселеніе Европы уже не было незначительно и, конечно, неохотно пропускало этихъ пришельцевъ, — то какъ легко могли совершаться подобныя далекія странствованія отдѣльныхъ обществъ и колѣнъ, пока арійское поколѣніе только начинало водворяться въ нашей части свѣта. Не удивительно, что когда главные толпы переселявшихся изъ Азіи славянъ должны были остановиться позади предшествовавшихъ имъ въ Европу германцевъ, а на югѣ встрѣтили преграду въ киммеріяхъ, занимавшихъ еще побережье Чернаго моря, и въ еравійцахъ, которые, проходя черезъ Малую Азію, распространялись отъ Архипелага къ Дунаю, — нѣкоторыя славянскія колѣна зашли въ отдаленные края, гдѣ имя славянъ звучитъ странно и загадочно среди чужихъ населеній.

Какое же было имя, которымъ означались славяне въ ту пору? Самое названіе *славяне*, или какъ слѣдовало бы писать правильно, *словяне*, неизвѣстно въ древнѣйшее время. На слѣдъ имени первоначальнаго наводитъ названіе, которое придавали славянамъ окрестные народы, нѣмцы, финны, греки. До сихъ поръ въ народной рѣчи нѣмцевъ, славянинъ, въ общемъ племенномъ смыслѣ, слыветъ *вендомъ* или *виндомъ*, и это имя встрѣчается въ безчисленныхъ названіяхъ мѣстныхъ, въ безчисленныхъ памятникахъ историческихъ, по всей западной границѣ славянскаго племени, гдѣ оно соприкасается или соприкасалось съ германскимъ, отъ Балтійскаго моря до Адриатическаго. Въ старинныхъ памятникахъ, кромѣ слова *вендъ* или *виндъ*, находимъ также *венедъ* или *винидъ*.

Всѣ эти названія для славянъ свойственны собственно языку германцевъ (какъ нѣмцевъ, такъ и скандинавовъ), и если они попадаютъ у другихъ писателей, то именно у такихъ, которые слышали про славянъ отъ нѣмцевъ. Поэтому необходимо считать эти формы: *вендъ*, *виндъ*, *венедъ*, *винидъ* ¹⁾, прошедшими сквозь струю нѣмецкаго выговора, въ которомъ буква *д* замѣняла всегда воряное *т* ²⁾, такъ, что въ своемъ коренномъ видѣ названіе

это должно было звучать *вентъ* или *венетъ*, какъ писалъ правильно и Тацитъ (около 100 л. по Р. Хр.), называя венетами, *veneti* ³⁾, обширный народъ, занимавшій пространство между германцами и финнами.

Между тѣмъ, какъ нѣмецъ превращалъ букву *т* въ *д*, финны въ этомъ словѣ не могъ выговорить ни *т* ни *д* послѣ звука *н*. Имя *вентъ* или *вендъ* становилось у него *венне*. Такъ финны до сихъ поръ называютъ русскихъ веннелайсетъ, т. е. венны (славяне), Россію — веннаен-маа, т. е. венская (славянская) земля ⁴⁾.

Наконецъ, третье видоизмѣненіе это имя должно было получить отъ грековъ, потому что они не выговаривали звука *в* и обращали его, въ началѣ словъ, въ простое придыханіе, либо вовсе опускали. И дѣйствительно, въ извѣстіяхъ греческихъ, славяне, обитавшіе въ странахъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, означаются именемъ: *анты*, а на среднемъ Дунаѣ ⁵⁾, также какъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, греческими писателями упоминается народъ *энетовъ*. *Анты*, *энеты* — это ни что иное, какъ греческая форма выговора вмѣсто *ванты* и *венеты*.

Таковы древнѣйшія названія, или вѣрнѣе, видоизмѣненія одного и того же названія, которыми означаются славяне отъ Финляндіи до Дуная и отъ Балтійскаго до Чернаго моря. *Венеты*, *венеды*, *венды*, *винды*, *венны*, *банты* (въ сказаніяхъ лангобардскихъ), *анты*, *энеты*, такъ развѣтвилось въ устахъ соотечественныхъ славянамъ народовъ имя, которое въ коренной арійской формѣ своей должно было звучать *вантисъ* или *ванитисъ*.

II.

ЗНАЧЕНІЕ ИМЕНИ ВЕНЕТЫ.

Это имя не могло быть чужое славянамъ. Уже и потому, что народы, столь разобщенные другъ отъ друга, какъ греки, нѣмцы, финны, одинаково означали имъ людей славянскаго племени, невозможно допустить предположенія, будто это было прозвище, данное славянамъ иностранцами. Славяне должны были нѣкогда носить это имя сами; но по мѣрѣ того, какъ они, расселившись въ Европѣ, подчинились тутъ новымъ понятіямъ и вліяніямъ, первобытное ихъ племенное имя не только вытѣснялось изъ употребленія именами мѣстными, но и въ смыслѣ общаго названія они легко могли предпочесть ему какія-нибудь новыя прозвища, возникавшія вначалѣ у той или другой отдѣль-

пой вѣтви и съ теченіемъ времени приобрѣтавшія общую извѣстность и популярность. Сосѣди же, и вообще иностранцы, разъ узнавъ славянъ подъ древнимъ именемъ венетовъ, не имѣли повода мѣнять установившееся для нихъ названіе на какое-нибудь новое. Такъ точно и грековъ сосѣдніе народы продолжали означать этимъ именемъ, которое дѣйствительно принадлежало имъ встарину ⁶⁾, тогда какъ въ самомъ народѣ греческомъ его вытѣснили позднѣйшія и частныя названія ахеевъ, эллиновъ и т. п., такъ что имя «греки» стало впоследствии для самихъ грековъ совершенно чуждымъ.

Только одна изъ вѣтвей славянскихъ пребыла вѣрна древнему племенному названію до времени окончательнаго вступленія своего въ жизнь государственную: это была та именно вѣтвь, которая оставшись на самомъ краю славянскихъ земель въ востоку, въ отдаленнѣйшей глуши, на рубежѣ чудскихъ населеній, въ «добряхъ» ⁷⁾ около Оки, менѣе всѣхъ другихъ славянъ была доступна новизнѣ ⁸⁾; вѣтвь, сдѣлавшаяся по преимуществу родоначальницей великорусскаго народа — *вятичи*. Имя это прямо указываетъ на то, что оно было производное отъ слова *Вять* ⁹⁾, какъ, напр., русичи (въ древнихъ нашихъ памятникахъ) отъ Руси. Коренное арийское названіе Вантас или Ванптас, указываемое слichenіемъ различныхъ формъ этого слова у сосѣднихъ славянскихъ народовъ, должно было, на нарѣчій восточныхъ славянъ, когда обозначались въ немъ особенности, составившія отличительныя свойства русскаго языка, звучать именно такъ, какъ мы тутъ находимъ: *ваты* или, въ смыслѣ собирательномъ, *ваты* и *вятичи* ¹⁰⁾.

По своему значенію, это первобытное имя славянскаго племени есть то же самое, что и арјас, арийцы, т. е. «почтенные, любезные, достохвалныя». Въ языкѣ древнихъ индусовъ сохранился коренной глаголъ *ван* (а также *ванд*) въ смыслѣ *читать, выражать почтеніе, хвалить* и т. п.; отсюда *ванитас* — почтенный, любезный, возлюбленный ¹¹⁾. Кромѣ этой формы *ванитас*, употребляемой въ литературномъ языкѣ, должна была въ древнѣйшую пору существовать и другая, *вантас*, которая и осталась въ славянскихъ *вяткахъ, антахъ* по греческому, *вендахъ* или *виндахъ* по нѣмецкому выговору, тогда какъ форма *венеты, знеты* или *венеды*, соотвѣтствуетъ болѣе округленной формѣ этого слова: *ванитас*.

Чѣмъ глубже мы восходимъ въ древность арийской рѣчи, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ въ ней богатство словъ одинаковыхъ, или весьма близко сходствующихъ по значенію, и этотъ запасъ потомъ распредѣлился между арийскими племенами: у однихъ

стать предпочтительно употребляться одинъ какой-нибудь изъ этихъ старинныхъ синонимовъ, у другихъ другой. Такъ, должно полагать, у арийцевъ первоначально существовали оба однозначія слова арјас и вантас, т. е. любезные, почтенные, какъ выраженія, съ которыми человекъ обращался къ своимъ собратіямъ или къ народу и которыми затѣмъ самъ народъ арийскій сталъ означать себя въ противоположность чуждымъ. Изъ этихъ-то двухъ синонимовъ кожныя племена и часть западныхъ (индусы, персы, еракійцы и, кажется, кельты ¹²⁾) усвоили себѣ слово арјас, а славяне предпочли названіе вантас или ванптас (ваты, венеты), и это, быть можетъ, потому особенно, что первое должно бы было въ ихъ языкѣ совпасть въ звукѣ съ другимъ, совершенно противоположнымъ по смыслу словомъ, — *арий*.

Хотя древній корень *ван* сталъ выходить у славянъ изъ употребленія ¹³⁾ (что, конечно, способствовало и тому, что самое названіе венеты или ваты такъ скоро устарѣло), однако, еще въ VI вѣкѣ его значеніе не было забыто, по крайней мѣрѣ у отрасли венетовъ, занимавшей восточный уголъ верхней Италіи. Это показываетъ готскій историкъ Иорнандъ, который, говоря о взятіи Равенны готскимъ королемъ Аларикомъ, замѣчаетъ, что «обладатели этого города назывались въ старину, по преданію предковъ, *венетали*, т. е. достохвальными» ¹⁴⁾. Въ книжной своей учености Иорнандъ при этомъ думалъ, можетъ быть, о пододвигшемъ сюда по значенію греческомъ словѣ (*ἀειτός*); но, конечно, въ *преданіи предковъ*, которое онъ слышалъ, не могло быть рѣчи о такой искусственной этимологіи, и говорилось просто, что имя древнихъ жителей этого края, венеты, значило: «достохвалныя» ¹⁵⁾.

Въ древней азиатской колыбели осѣдлому народу арийскому, носившему названіе «почтенныхъ» или «любезныхъ», противополагались, какъ намъ извѣстно, люди неосѣдлые, которыхъ называли дасас — «бѣдняки» или турас — «быстро движущіеся, подвижныя» (бродники, по старинному русскому выраженію). Съ ихъ именемъ, какъ мы уже упоминали, стало соединяться въ понятіяхъ осѣдлаго арийца представленіе о какомъ-то зломъ началѣ, о враждебной сверхъестественной силѣ. Особенно ясно виденъ отпечатокъ этого перехода понятій въ языкѣ древнихъ индусовъ, которые имя кочевыхъ племенъ дасас или дасјавас (т. е. бѣдняки, отъ глагола дас — терпѣть нужду) принимали также въ общемъ значеніи враждебнаго чудовища ¹⁶⁾, а затѣмъ, въ дальнѣйшемъ развитіи этого понятія, образовали слова: дасра — чудотворный, волшебный, дасма — чудесный и, наконецъ, въ отвлеченномъ смыслѣ дасас — чудо.

При переходѣ славянъ въ Европу повторилось тоже самое. Они встрѣтили здѣсь племена, не только не знавшія земледѣлія, но стоявшія еще на низшей степени развитія, чѣмъ кочевники арійскаго поколѣнія въ степяхъ средней Азии, дасы или туры (предки скиновъ); на европейскомъ сѣверѣ славяне встрѣтили людей не арійской крови, бродячихъ лѣсныхъ жителей, звѣролововъ¹⁷⁾; и назвали они ихъ *чудью*, т. е. именемъ, которое значило тоже, что *турас* въ Азии — подвижные, быстрые: корень въ древне-индійскомъ глаголь *чуд*, чодами или чодаjami — погоняю, тороплю, привожу въ скорое движеніе¹⁸⁾. И съ этимъ именемъ соединилось понятіе о *чудовищѣ*¹⁹⁾ и о *чудѣ*, какъ явленіи сверхъестественной силы, и о *чудесахъ* волшебныхъ²⁰⁾.

Венеты или *ваты*²¹⁾, какъ названіе народа осѣдлаго, людей «почтенныхъ», и въ противоположность имъ *чудь* «подвижная», одаренная нечеловѣческими, волшебными силами, — въ этихъ двухъ именахъ заключается первый слѣдъ исторіи славянскаго племени, слѣдъ той эпохи, когда они перенесли на сѣверъ Европы понятія своей азіатской родины, съ ея «арьями» и «турами».

III.

Венеты въ Италіи. — Признаки того, что они были действительно славяне.

Подъ именемъ венетовъ извѣстенъ у писателей греческихъ и римскихъ народъ, который съ времени весьма отдаленнаго занималъ сѣверо-восточный уголъ Италіи, отъ Альпійскаго хребта до низовьевъ р. Пада (По) и Адриатическаго моря, и отъ Истрии до Гардскаго озера, — и объ этихъ-то венетахъ имѣемъ мы самыя раннія историческія свѣдѣнія. Естественно, что тѣ венеты, которые жили въ Италіи, по своему положенію ближе соприкасаясь съ образованными народами древности, сдѣлались извѣстными прежде другихъ. Но были ли эти венеты на Адриатическомъ поморьѣ действительно славяне? Хотя самое имя «венеты» (чего никто не сталъ бы оспаривать) принадлежало по преимуществу племенн славянскому, однако не могло ли оно здѣсь, въ Италіи, обозначать и какой-нибудь другой народъ?

Вопросъ разрѣшился бы самъ собою, еслибы до насъ дошелъ какой-нибудь ясный памятникъ языка древнихъ италійскихъ венетовъ. Но и тѣ немногіе его слѣды, которые сохранились, показываютъ явный обликъ славянской рѣчи, и именно въ такомъ древнемъ видѣ, какой она должна была имѣть за двѣ тысячи лѣтъ.

Главный городъ въ странѣ венетовъ назывался Патавій (Patavium, нынѣшняя Падуа), и его имя во всѣхъ древнихъ сказаніяхъ соединялось съ птицею. По одной легендѣ, онъ такъ названъ потому, что при основаніи города ворожили по полету птицъ; по другой, основатель города, Антеноръ, получилъ отъ боговъ приказаніе строить городъ тамъ, гдѣ попадетъ стрѣлою въ птицу²²⁾. Древнѣйшая форма слова «птица» была у славянъ *пать* и *пата*, остатки которой мы находимъ въ древнихъ памятникахъ, гдѣ *пѣта* употребляется въ значеніи птицы²³⁾, и которая является нынѣ въ многообразныхъ уменьшительныхъ (птица, птакъ, потка, что на сѣверѣ Россіи значить птица, птенецъ и т. д.). Хотя корень этого слова общій арійскимъ языкамъ (*пат*, летать)²⁴⁾, однако простыя производныя отъ него формы какъ *пать*, *пѣта* и т. д. для обозначенія птицы²⁵⁾, свойственны однимъ славянамъ. Пока славяне употребляли это древнее слово *пать*, они, для производства отъ него прилагательнаго въ смыслѣ «птичій», должны были, по закону языка славянскаго, сказать *патовій* (или съ древнѣйшимъ *a* вмѣсто *o* — *патавій*), какъ мы до сихъ поръ отъ слова *волъ* производимъ *воловій*, отъ *конь* — *коневій* и пр. И подобный способъ производства составляетъ исключительное свойство славянскаго языка. Такимъ образомъ древнее сказаніе, связывавшее названіе города венетовъ, Патавія съ птицею, не обманываетъ насъ. Патавій или Патавіе действительно значить «птичій», и только въ языкѣ славянскомъ могло образоваться это имя²⁶⁾.

Въ Гардское озеро съ южной стороны вдается длиннымъ и довольно узкимъ горнымъ краемъ небольшой полуостровъ, славящійся своею живописностью. Его воспѣвалъ римскій поэтъ Катувль, у котораго была на немъ дача²⁷⁾. Этотъ прелестный полуостровъ назывался *Sirmio* (нынѣ *Sirmione*). Имя явно напоминаетъ *Sirmicum* (по нынѣшнему славянскому произношенію *Срѣмъ*) на Дунаѣ, и если мы взглянемъ на положеніе дунайскаго *Sirmiuma*, то убѣдимся, что эти два сходныя имени должны были выражать одно и то же понятіе. *Sirmiumъ* на Дунаѣ представляетъ собою, въ большемъ только размѣрѣ, чѣмъ его соименникъ въ Италіи, горную полосу, вдающуюся въ видѣ полуострова между Дунаемъ и Савою и раздѣляющую клиномъ ихъ могучія воды передъ ихъ слияніемъ. Еслибы мы имѣли передъ собою только полуостровъ *Sirmio* на Гардскомъ озерѣ или *Sirmiumъ* на Дунаѣ, то можно бы было спорить о томъ, у какого народа возникло это имя; но только одинъ народъ обнималъ своими жилищами оба эти края, именно венеты, одна вѣтвь которыхъ въ Италіи простиралась до Гардскаго озера и даже нѣ-

сколько далѣе, а другая еще до времени митридатовыхъ войнъ (въ началѣ I вѣка до Р. Хр.) является въ сосѣдствѣ дардановъ²⁸), то есть именно около Срѣма на Дунаѣ. Указаніе историческое вполне подтверждается языкомъ. Слово Сирмій или Сирміе (форма древнѣйшая) или Срѣмъ (форма позднѣйшая)²⁹ имѣетъ до сихъ поръ во всѣхъ почти нарѣчіяхъ славянскихъ многочисленное родство, затемненное только тѣмъ, что нынѣшніе славяне вставляютъ тутъ, какъ обыкновенно, букву *t* между *c* и *r*, точно также, какъ мы вмѣсто *срамъ* говоримъ *страмъ*, вмѣсто *осрогъ*—*острогъ*, вмѣсто *сертити*—*острити* и т. д. У ближайшихъ къ венецамъ адриатическихъ словенцевъ стермѣти (вмѣсто сермѣти) значить «торчать», «выдаваться впередъ»; стермъ (вмѣсто сермъ) — «крутой», стермина (вмѣсто сермина) — «крутизна»; у насъ стремнина (вмѣсто сремнина), стромкій (областное) высокій, крутой; стремиться, т. е., собственно, подаваться впередъ. Множество другихъ родственныхъ славянскихъ словъ мы опускаемъ; приведенныхъ достаточно: мы видимъ, что Сирмій, Срѣмъ³⁰ означало выдающееся крутое мѣсто. Свидѣтельство, заключающееся въ этомъ названіи, какъ и имя Патавія, особенно важно потому, что слово *серм* со всѣми его развѣтвленіями для означенія чего-либо крутого и выдающегося, не есть одинъ изъ тѣхъ первобытныхъ корней, которые составляютъ общую принадлежность арійскихъ племенъ, а существуетъ исключительно только въ языкѣ славянъ³¹.

На одномъ надгробномъ памятникѣ, найденномъ въ Аквилеѣ³²), мы читаемъ, что эту гробницу сдѣлала Цервонія или Червонія Тиха (*Servonia Tiche*) при жизни своей для себя и своихъ вольноотпущенныхъ³³); затѣмъ она прибавляетъ: «*si quis hanc arcam sive hoc monument. vendere aut emere aut exacisciare volet, tum pœnæ nomine h. s. XX reip. aquil. dare debebit*», т. е.: «если кто эту гробницу или этотъ памятникъ захочетъ продать или купить или...., то онъ долженъ будетъ въ видѣ пени заплатить 20,000 сестерціевъ³⁴) обществу аквилейскому»³⁵).

Смыслъ латинской надписи совершенно ясенъ, но въ серединѣ ея мы находимъ слово неслыханное въ латинскомъ языкѣ, слово *exacisciare*, которое, очевидно, вкралось въ латинскую рѣчь аквилейцевъ изъ мѣстнаго языка. Что же это за слово? Славянскій языкъ дастъ и здѣсь разгадку. Въ нарѣчій словенцевъ (или такъ назыв. хорутанъ)—именно той вѣтви славянской, которая всѣхъ ближе къ краю древнихъ венецовъ и поселеніи которой простираются почти до самаго мѣста, гдѣ стояла Аквилея,—слово *чистити* употребляется въ значеніи «читать, уважать»³⁶). Въ аквилейской надписи мы видимъ это самое слово съ отрицательнымъ

a (т. е. не —), которое составляло исконную принадлежность арійскихъ языковъ и, хотя исчезло изъ нынѣшней славянской рѣчи (за исключеніемъ немногихъ слѣдовъ), но безъ сомнѣнія употреблялось и въ ней въ ту пору, когда существовала древняя Аквилея (разрушенная въ 452 году). Такъ составилось это слово чисто-славянское, только съ латинскимъ предлогомъ и окончаніемъ: *exacisciare*, и значило оно «оказать неуваженіе», «обезчестить», «осквернить». Надпись Червоніи Тихи гласила, что если кто захочетъ продать или купить ея памятникъ или нарушить его неприкосновенность (по-польски можно бы сказать зневажить, и составъ этого слова, *z-ne-wazhit* буквально воспроизвелъ бы выраженіе *ex-a-cisciare*), то онъ заплатитъ городскому обществу такую-то сумму. Въ томъ же совершенно смыслѣ употреблено это самое выраженіе въ другой, также аквилейской надписи, въ которой нѣкто Юлій Эпикетъ, приготовивъ гробницу для своей умершей супруги и себя самого, назначаетъ наказаніе тому, кто бы «эту гробницу открылъ или нарушилъ ее и положилъ туда другое тѣло»: *si quis post dua corpora posita* (т. е. послѣ погребенія тѣлъ Эпикета и его жены) *hanc arcam aperverit aut exacisciaverit et aliud corpus posuerit*³⁷). Также какъ названіе «птичьего города» Патавія, и слово *exacisciare* потому въ особенности важно, что тутъ является не простой только корень, который могъ бы быть общій славянамъ съ другими арійскими народами, но форма производная (*числати* отъ корня *чит*, чтить), образованіе которой носитъ на себѣ отпечатокъ исключительно славянскій.

Когда полчища гуннскаго царя Аттилы (въ 452 г.) вторглись въ Италію и прежде всего обрушились на богатую и многолюдную Аквилею, то жители этого города и его окрестностей бѣжали въ разныя стороны, и между прочимъ, ближайшимъ для нихъ убѣжищемъ былъ островокъ, возвышавшійся своими укрѣпленіями среди окружающихъ лагунъ и связанный съ матеркомъ мостовою, въ древнее время проложенною въ морѣ. Эта твердыня, этотъ островъ — крѣпость³⁸) названъ былъ Градъ (*Gradus*). Какой народъ, кромѣ славянскаго, далъ бы ему такое названіе?

IV.

Преданіе о приходе венетовъ въ Италію. — Связь съ троянской легендою.

Можно бы привести и много другихъ именъ мѣстныхъ и личныхъ, относящихся къ краю италійскихъ венетовъ и въ которыхъ слышны звуки славянской рѣчи³⁹); но, какъ мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній объ ихъ значеніи, то и толкованіе ихъ оставалось бы сомнительнымъ и не прибавило бы ничего къ тѣмъ характеристическимъ словамъ, которыя нами приведены. Достаточно и этихъ четырехъ выраженій — Патавій, Сирмій, ехасислаге и Gradus: они не оставляютъ сомнѣнія, что народъ, поселившійся на сѣверовостокѣ Италіи подъ именемъ венетовъ, были въ дѣйствительности венеты, то-есть славяне⁴⁰). Когда мы видимъ, что при возобновившемся въ VI вѣкѣ по Р. Хр. движеніи славянскаго племени, оно тотчасъ же стало проникать въ сѣверовосточный уголъ Италіи⁴¹), гдѣ удерживается отчасти и донынѣ⁴²), то тѣмъ естественнѣе было занятіе этого края славянскимъ племенемъ при первомъ расселеніи арійцевъ въ Европѣ. Сюда, въ сѣверовосточный уголъ Италіи, лежалъ прямой путь славянамъ, двигавшимся съ востока къ западу и юго-западу. Но Итальянскій полуостровъ былъ уже заселенъ другими народами, и движеніе славянъ встрѣтило здѣсь сопротивленіе. Они принуждены были остановиться, и только передовая ихъ вѣтвь нашла себѣ мѣсто на окраинѣ полуострова, въ нынѣшней Венеціанской области.

Сохранялось преданіе, что венеты, поселившіеся на Адриатическомъ поморьѣ, были пришельцы съ востока, и хотя ихъ признавали народомъ весьма древнимъ⁴³), однако помнили и то, что они были изъ послѣднихъ переселенцевъ, прибывшихъ въ Италію, и водворились въ ней силою.

Легенда о Троянской войнѣ, сдѣлавшаяся, благодаря вліянію неподражаемыхъ рапсодій іонійскихъ, средоточіемъ, къ которому греки, а вслѣдъ за ними и еще болѣе римляне, старались приурочить всё, по возможности, свои сказанія о вѣкахъ отдаленной древности, — легенда эта втянула въ свой кругъ и повѣсти о пришествіи венетовъ въ Италію. Поводъ къ тому былъ тѣмъ ближе, что нѣкогда и въ Малой Азій существовалъ народъ имъ сомнительный, и что Гомеръ приводилъ этихъ азіатскихъ энетовъ въ числѣ союзниковъ осажденной Трои⁴⁴). Не трудно было поэтамъ и историкамъ греческимъ и римскимъ, занимавшимся подборохъ и обработкою древнихъ преданій, принять пришельцевъ

съ востока, италійскихъ венетовъ, за потомковъ мало-азійскихъ, связать ихъ переселеніе на Адриатику съ разгромомъ Трои, причислить народнаго венетскаго вождя, основателя Патавія, къ героямъ троянской защиты. Понятно также, почему это толкованіе особенно понравилось въ Римѣ и сдѣлалось тамъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ историческихъ сказаній. Римляне сами, съ того времени, какъ они вошли въ сношенія съ греческимъ міромъ, старались примкнуть свою древность къ троянской; затѣмъ покореніе Греціи еще болѣе утвердило въ нихъ вѣру, что Римъ произошелъ отъ переселенцевъ изъ Трои, завѣщавшихъ своему потомству въ Италіи мечь за вѣроломное разрушеніе ихъ родного города. При такомъ взглядѣ, каждая черта, соединявшая Италію съ Троею, была дорога римлянамъ, и они должны были съ радостью ухватиться за представлявшійся случай породнить съ троянцами одинъ изъ извѣстнѣйшихъ народовъ Италіи и особенно такой, какъ венеты, которые издавна и постоянно были союзниками и друзьями Рима и оказали ему однажды, въ минуту наибольшей опасности, услугу неоцѣнимую.

Но прежде, чѣмъ будемъ разбирать историческую основу применутаго такимъ образомъ къ Троѣ сказанія о пришествіи венетовъ въ Италію, мы должны уяснить себѣ, кто такіе были эти мало-азійскіе венеты, которыхъ выдавали за ихъ предковъ.

V.

Колонія венетовъ въ Малой Азій.

Гомеръ, поименовывая союзниковъ Трои (исчисленіе которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, обнимаетъ почти всё вѣтви еракійскаго племени, европейскія и азіатскія, въ противоположность осаждавшимъ Трою народамъ племени греческаго), говоритъ, между прочимъ, что «Пафлагоновъ вель Пилемень, храброе сердце, изъ энетовъ, откуда порода дикихъ лошаковъ: они же владѣли Киторомъ и обитали вокругъ Сесама, имѣли славные дома по рѣкѣ Партенію, населяли Кромну, Эгіаль и высокіе Эритины.»

Партеній (т. е. Дѣвичья рѣка), орошающій «дрѣтнестый край»⁴⁵), гдѣ энеты имѣли свои «славные дома», это нынѣ рѣка Бартанъ, впадающая въ Черное море въ Кастамунійской области. Тутъ же лежатъ упоминаемые Гомеромъ города энетовъ: Киторъ, что нынѣ Кидросъ, Сесамъ, позднѣе сдѣлавшійся цитаделью города Амастриса (нынѣ Амассера), Кромна, нынѣ развалины по сосѣдству этого послѣдняго⁴⁶); Эгіаль (что значитъ бе-

режь)—такъ называлась и деревня близъ Амастриса и вся тамошняя береговая полоса, въ 100 стадій (отъ 15 до 20 верстъ) длины⁴⁷), доходившая до мыса Карамбиса (Керемби); наконецъ «высокіе Эритины», это — мѣсто замѣчательное двумя красными скалами, недалеко отъ Амастриса⁴⁸). Такимъ образомъ, все пространство, отводимое Гомеромъ энетамъ, составляетъ крошечный участокъ Малой Азіи, сѣверозападный уголъ области, которая извѣстна была въ древности подъ именемъ Пафлагоніи⁴⁹), а нынѣ составляетъ лишь часть Кастамунійскаго элета.

Точность выраженій, которыми Гомеръ опредѣляетъ положеніе энетовъ, устраняетъ всякій поводъ къ сомнѣнію, что тамъ дѣйствительно находилось такое племя, тѣмъ болѣе, что все вообще показанія его о народахъ Малой Азіи, ему хорошо извѣстной, оказываются вполне вѣрными. Впослѣдствіи одинъ изъ сподвижниковъ Александра Македонскаго, извѣстный Каллистенъ, повѣрявшій свидѣтельства Гомера объ этихъ краяхъ, нашелъ энетовъ на восточномъ берегу Партенія. Когда Александръ Македонскій проходилъ чрезъ Пафлагонію, то энеты присоединились къ его войску⁵⁰). Но спустя триста лѣтъ послѣ походовъ Александра, когда писалъ свою географію Страбонъ, энетовъ тутъ уже не было⁵¹).

Кромѣ окрестностей нынѣшняго Бартана, слѣды энетовъ являются въ двухъ другихъ мѣстахъ Малой Азіи, дальше къ востоку, на берегу Чернаго моря, около Самсуна, и среди материка, близъ границъ Арменіи. Писатель VI вѣка до Р. Х., Гекатей называлъ *Энетой* (*Ενετι*) городъ Амисосъ⁵²), нынѣшній Самсунъ (на востокъ отъ Синопа). Что въ этой вообще мѣстности, т. е. въ приморской части Каппадокіи (нынѣшнемъ Самсунскомъ и Амазійскомъ краѣ), жили въ древности энеты, на это указывалъ одинъ изъ писателей, изъ которыхъ Страбонъ почерпалъ свои свѣдѣнія⁵³), а Плиніи помѣщалъ тутъ же племя генетовъ (*Genetae*)⁵⁴). Другой римскій географъ I-го вѣка по Р. Х., исчисляя племена, жившія на западъ отъ Арменіи, въ средиземной части Каппадокіи, называетъ между ними венетовъ (*Venetae*)⁵⁵).

Всѣхъ этихъ мало-азійскихъ энетовъ или венетовъ мы считаемъ переселенцами славянскаго племени, попавшими случайно въ тотъ край. Впослѣдствіи мы увидимъ, что когда славяне, въ VI и VII вѣкѣ по Р. Х., стали распространяться на югъ отъ Дуная и за Балканы, то цѣлыя толпы ихъ переходили въ Малую Азію и селились тамъ, и даже проникали въ Сирію. Еще легче было зайти туда, съ востока, черезъ Кавказъ, ка-кимъ-нибудь, сбившимся съ пути семьямъ славянскимъ во время

передвиженія всего племени изъ Азіи въ Европу. Извѣстно, что часть киммеріевъ, жившихъ нѣкогда на сѣверномъ берегу Чернаго моря, ушла этой дорогой въ Малую Азію и заняла здѣсь, между прочимъ, мѣстность, гдѣ потомъ возникъ городъ Синопъ⁵⁶). Той же дорогой черезъ Кавказскій край⁵⁷) и изъ той же страны, а можетъ быть даже и вмѣстѣ съ киммеріями⁵⁸) перешли сюда, по всей вѣроятности, и славянскіе переселенцы. Существовало даже положительное сказаніе, что тѣ энеты, которые жили въ Каппадокіи, были товарищами киммеріевъ въ ихъ походахъ⁵⁹). Армянскій историкъ, писавшій въ V вѣкѣ нашего лѣтосчисленія (Моисей Хоренскій), говоритъ намъ о переселенцахъ «Булгара Венда», водворившихся въ Басіанѣ, въ Араратской области⁶⁰). Судя по его выраженіямъ и по имени болгаръ, тутъ встрѣчающемуся, нельзя думать, чтобы эти поселенія возникли ранѣе того времени, въ какое жилъ Моисей Хоренскій; но они ясно указываютъ путь, каковымъ славяне попадали въ Малую Азію и въ прежнее время.

Очевидно однако, что это были одинокія колоніи, мелкіе выселки славянскаго племени, занесенные случайно въ среду чужихъ народовъ. Уже въ выраженіи Гомера, когда онъ говоритъ, что пафлагонцевъ велъ на помощь Тронъ Племень *изъ энетовъ*, владѣющихъ Капторомъ и т. д., мы видимъ, что энеты, обитавшіе въ Пафлагоніи, составляли нѣчто особое отъ настоящихъ пафлагонцевъ. Эта чужестранность энетовъ и объясняетъ, почему они такъ скоро исчезли въ Малой Азіи. Уже прежде Р. Хр., когда писалъ Страбонъ, самъ уроженецъ края, сосѣдняго съ Пафлагоніей, для него было вопросомъ, что за народъ были эти энеты⁶¹). Если бы они принадлежали къ одной изъ туземныхъ народностей Малой Азіи, то тамошнему уроженцу Страбону не могло бы и представиться подобнаго сомнѣнія; а коль скоро дознано, что мало-азійскіе энеты, или венеты, какъ писалъ латинскій географъ, или венда, какъ писалъ историкъ армянскій, были тамъ переселенцы изъ чужого племени, то къ кому ихъ причислить, какъ не къ племени венетскому, какъ не къ славянамъ?

При незначительности и одинокомъ положеніи этихъ славянскихъ колоній въ Малой Азіи, онѣ не приобрѣли никакого значенія. Венеты мало-азійскіе прожили незамѣтно для исторіи и незамѣтно слились съ окружающими населеніями⁶²). Но все же намъ нельзя было не остановиться на нихъ, какъ на первыхъ изъ славянъ, о которыхъ осталась историческая память. Если бы славяне склонны были гордиться своими предками и своимъ прошлымъ, какъ многіе другіе народы, то они могли бы дорожить

тѣмъ, что люди славянскаго племени и «храброе сердце» ихъ вождя воспѣвались Гомеромъ между защитниками Трои.

VI.

Значеніе легенды о троянскомъ происхожденіи венетовъ.—Свидѣтельство Арріана о движеніи ихъ съ востока.

Отъ такихъ дробныхъ, одинокихъ колоній, какими являются съ самаго начала венеты въ Малой Азій, не могли очевидно произойти венеты сѣверной Италіи, составлявшіе, какъ намъ извѣстно, народъ довольно значительный. Несомнѣнно, что въ сказаніяхъ о переходѣ венетовъ изъ-подъ Трои въ устьямъ По соединились двѣ вещи: истинное, жившее въ народной памяти самихъ италійскихъ венетовъ, событіе, именно, что они пришли въ Италію съ востока, и догадка грековъ и римлянъ, читавшихъ Гомера, что пришедшіе съ востока въ Италію венеты были тѣ самые, которые сражались подъ Троєю.

Весьма знаменательно извѣстіе, уже разъ нами упомянутое, которое записалъ одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ историковъ древности, Арріанъ, жившій во II-мъ вѣкѣ по Р. Хр., но пользовавшійся прежними источниками и особенно занимавшійся исторією азійскихъ народовъ⁶³). Арріанъ говоритъ⁶⁴), что энеи пострадали отъ войны съ ассирійцами; это заставило ихъ удалиться въ Европу, и тогда они поселились на рѣкѣ Падѣ (По). Къ несчастію, это извѣстіе дошло до насъ въ отрывочной выпискѣ, такъ что мы не знаемъ ни источника, откуда Арріанъ его заимствовалъ, ни обстоятельство, съ которыми онъ его связывалъ. Но если бы можно было, — какъ намъ кажется, позволяетъ общій характеръ этого писателя, весьма положительнаго и разборчиваго въ передаваемыхъ имъ свѣдѣніяхъ, — считать его слова основанными на дѣйствительномъ сказаніи, которое онъ или нашелъ въ какомъ-нибудь старинномъ памятникѣ, или, что болѣе вѣроятно, слышалъ самъ при объѣздѣ черноморскаго края⁶⁵), то это освѣтило бы намъ всю древнѣйшую исторію славянскаго племени. Мы знаемъ, что предки славянъ жили нѣкогда въ Средней Азій. Достоверно также, что въ отдаленную эпоху, предшествовавшую развитію арійскихъ народовъ, ассирійцы (племя семитическое, на верхнемъ Тигрѣ, гдѣ нынѣ Мосуль съ близлежащими развалинами ихъ знаменитой столицы Нинивіи) составляли могущественное царство, простиравшее свои завое-

ванія, между прочимъ, далеко на востокъ въ Прикаспійскія страны. Они покорили западную часть Ирана (землю мидянъ и персовъ) и ихъ войска проникали, по нѣкоторымъ сказаніямъ, даже въ Балтрію. Эти ассирійскіе походы и завоеванія, о которыхъ свидѣлствуютъ не только преданія, записанныя греками, но и недавно открытыя надписи царей нинивійскихъ, начались, какъ полагаютъ, съ XIII вѣка до Р. Хр.⁶⁶) и продолжались съ разными перерывами до VIII вѣка. Къ этому-то періоду относилось бы, на основаніи извѣстія Арріана, переселеніе славянскаго племени въ Европу. Это согласовалось бы и съ выводомъ, нами сдѣланнымъ по другимъ признакамъ, что славяне послѣдніе изъ осѣдлыхъ племенъ арійскихъ покинули свою родину въ средней Азій. Побѣды ассирійцевъ не могли не взволновать арійскаго населенія нынѣшней Персіи и сопредѣльныхъ краевъ средней Азій, они не могли не произвести движенія въ племенахъ, которымъ тогда въ первый разъ приходилось встрѣтиться съ иностраннымъ завоевателемъ, испытать еще небывалое для нихъ иго государственной власти. Это именно движеніе, — такъ слѣдовало бы заключить, если бы мы рѣшились вполне положиться на приведенное Арріаномъ сказаніе, — это движеніе дало толчокъ къ выселенію предковъ славянъ, побудило ихъ пойти по слѣдамъ другихъ арійскихъ семей, прежде ихъ удалившихся на западъ. Если, такимъ образомъ, выходъ славянскаго племени въ Европу совпадалъ съ завоеваніями ассирійцевъ, то мы знали бы приблизительно и время этого событія, именно 1200 — 900 года до Р. Хр. То была пора, въ которую зарождалась историческая жизнь Греціи и къ которой относятся преданія о Троянской войнѣ. Въ ту самую пору, мы могли бы полагать, на сѣверъ Европы прибывали послѣдніе переселенцы арійскіе, славяне, и занявъ земли около Днѣпра и Вислы и подвигаясь вдоль Карпатскихъ горъ и вверхъ по Дунаю, отдѣляли отъ себя вѣтвь, которая направилась на югъ, въ долины восточныхъ Альпъ и къ Адриатическому морю. Альпы въ своемъ восточномъ изгибѣ не составляли такой неодолимой преграды, какъ сѣверная и западная часть хребта. Здѣсь, черезъ восточныя Альпы былъ древнѣйшій путь нашествіемъ въ Италію⁶⁷). Спускаясь съ высотъ, пришельцы видѣли передъ собой гладкую равнину, орошенную многочисленными рѣками и ручьями, на берегахъ ихъ лѣса дубовъ, тополей, южной сосны и ели⁶⁸); кое-гдѣ холмы; просторные и тучные луга, а за ними тихія воды лагуны, усѣянныхъ островами. Они вступали въ одну изъ благодатнѣйшихъ странъ Европы.

VII.

Стояновеніе венецовъ съ туземцами Италиі. — Сказанія объ Антенорѣ.

Въ Италиі венецовъ встрѣтилъ, по словамъ древняго преданія, вооруженною рукой туземный народъ эвганеевъ, который занималъ страну между Альпами и моремъ, съ своимъ царемъ Велесомъ. Но венецы остались побѣдителями, выгнали туземцевъ и основались въ странѣ, которой дали свое имя; тутъ вождь ихъ, по указанію отъ птицы, основалъ городъ Патавіи⁶⁹⁾. Такова сущность разсказовъ о прибытіи венецовъ въ Италию. Народная славянская основа преданія проглядываетъ и въ имени царя, побѣжденнаго венецами. По своему чисто-славянскому звуку, названіе Велесъ, довольно употребительное у этрусковъ⁷⁰⁾ и которое, быть можетъ, дѣйствительно носилъ одинъ изъ вождей туземнаго населенія въ борьбѣ съ пришельцами — венецами, могло вѣзаться въ память этихъ послѣднихъ. Даже имя народа, прогнаннаго венецами и принадлежавшаго, мы полагаемъ, къ тому же племени, что реты, этруски и другіе населенія при-альпійскаго края⁷¹⁾, — это имя, мы говоримъ, весьма похоже на славянское. Эвганей, кажется, ничто иное, какъ древняя форма произношенія слова Угоны⁷²⁾, составленнаго точно также какъ названіе «Ускоки», сдѣлавшееся въ позднѣйшихъ вѣкахъ столь извѣстнымъ на Адриатическомъ побережьи. Эвганей значило, въ такомъ случаѣ, просто «прогнанные» и было лишь прозвище, данное славянами туземному племени, ими вытѣсненному къ Альпамъ и за Гардское озеро. Любопытно, что знаменитый географъ древности, Птолемей (во II-мъ вѣкѣ по Р. Хр.), исчисляя подробно всѣ племена Италиі, пропускаетъ эвганеевъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ были города эвганеевъ (за Адиджью и на сѣверной сторонѣ Гардскаго озера), приводитъ какое-то племя Бехуновъ (*Βεχουνοί*⁷³⁾), никѣмъ кромѣ его неупоминаемое. Не слѣдуетъ-ли читать, вмѣсто бехуны — *блуты*, и не было ли это названіе просто синонимомъ имени эвганеевъ?

Какъ называли венецы вождя, который привелъ ихъ въ богатые края Италиі, который сражался съ царемъ Велесомъ и выгналъ эвганеевъ, мы не знаемъ навѣрно; но, по всей вѣроятности, и они, подобно многимъ другимъ племенамъ, олицетворяли въ немъ свой народъ и придавали ему имя, которое принадлежало самому народу. Какъ витичи на востокѣ имѣли своего героя-первоименника (эпонима) въ лицѣ Вятка, такъ, должно полагать, и у древнихъ собратій ихъ на Адриатическомъ поморьѣ былъ такой же вождь-

родоначальникъ, котораго именовали Венетомъ или Вантомъ и котораго мы, въ нашему нынѣшнему произношенію, назвали бы Вяткомъ. На это указываетъ одинъ изъ римскихъ писателей, приводя извѣстіе, что изъ Иллирика пришелъ какой-то царь Энетъ (или по другому чтенію Бенетъ), который и овладѣлъ венецкимъ краемъ, получившимъ отъ него свое названіе⁷⁴⁾. По это извѣстіе единственное, въ которомъ венецкій вождь сохраняетъ свое народное имя и приходитъ изъ Иллирика, откуда венецы дѣйствительно должны были спуститься при вторженіи въ Италию. Во всѣхъ другихъ сказаніяхъ этотъ праотецъ венецовъ облеченъ уже въ классическій покровъ троянца Антенора.

Въ Иліадѣ Антеноръ является чистымъ троянцемъ, и съ энетами не имѣетъ ничего общаго. Это — родственникъ царя Приама, одинъ изъ стариковъ, народныхъ совѣтниковъ, по преклонности лѣтъ уже неспособныхъ къ битвамъ, но говорящихъ красно. «Подобно кузнечикамъ, которые въ лѣсу, на деревѣ, вуютъ сладкимъ голосомъ», сидятъ они, и между ними мудрый Антеноръ, на городской башнѣ и вмѣстѣ съ женщинами смотрятъ на сраженіе, происходящее подъ стѣнами города⁷⁵⁾. Таковъ былъ Антеноръ, какъ его изображала подлинная легенда троянская⁷⁶⁾, и въ герои, вожди народа, онъ, конечно, не годился. Если его потомъ превратили въ народнаго вождя и героя, то причина тому заключалась въ самомъ его имени: *Анте-норъ* могло быть истолковано по-гречески *антскій человекъ*, а слово *антъ* было, какъ мы знаемъ, произнесенное по-гречески названіе славянъ, вмѣсто *вантъ*, тоже, что *вендъ* или *венецъ*. Такимъ образомъ, подъ имя Антенора, «антскаго человека», подходилъ тотъ народный герой венецовъ, который привелъ ихъ съ востока въ Италию, назывался ли онъ Венетомъ, Вантомъ или какъ-нибудь иначе. Вотъ, очевидно, какимъ путемъ греческіе трагики и между ними Софокль⁷⁷⁾ (въ V-мъ вѣкѣ до Р. Хр.), черпавшіе изъ троянской легенды предметы для своихъ произведеній, желая связать Гомеровскихъ энетовъ съ знаменитымъ въ ихъ время венецкимъ народомъ въ Италиі, пришли къ тому, чтобы сдѣлать троянца Антенора предводителемъ энетовъ, замѣнившимъ, будто бы, ихъ царя Пилемена, убитаго въ сраженіи, и превратили безоружнаго старца, какимъ Антеноръ изображенъ у Гомера, въ смѣлаго плователя и полководца, который счастливо довелъ энетскую дружину изъ Малой Азіи къ берегамъ Адриатики. Но у грековъ эта сказка еще не укоренилась и считалась только догадкою нѣкоторыхъ поэтовъ, и хотя, конечно, гений такого художника, какъ Софокль, могъ доставить ей блестящую извѣстность, однако она не пользовалась большимъ до-

вѣрнемъ⁷⁸). Другое дѣло римляне. Они, какъ было нами упомянуто, имѣли особенные поводы дорожить связью италійскихъ венетовъ съ Троею, и выдумка Софокла приплась имъ какъ нельзя болѣе кстати. Для нихъ басня о троянскомъ Антенорѣ, какъ предводитель венетовъ, сдѣлалась непреложною истиною, и между прочими Титъ Ливій, которому, какъ уроженцу венетскаго Патавіа⁷⁹), особенно льстило, что онъ могъ соединить колыбель римлянъ съ колыбелью своего родного племени, — Титъ Ливій начинаетъ свою величественную исторію Рима повѣствованіемъ о томъ, какъ Антеноръ съ энеатами покинулъ развалины Трои и нашелъ новое отечество въ Италіи⁸⁰).

При такомъ значеніи, данномъ Антенору въ отношеніи къ венетамъ понятно, что и другія народныя ихъ сказанія стали приписываться тому же герою. Вѣроятно венеты тому вождю, который привелъ ихъ съ востока и водворилъ въ землѣ изгнанныхъ эгидеевъ, приписывали и построение своего главнаго, древнѣйшаго города Патавіа. По толкованію римлянъ, основателемъ Патавіа былъ признанъ тотъ же Антеноръ. Въ этомъ городѣ праздновались, чрезъ каждыя тридцать лѣтъ⁸¹), какія-то старинныя игры, которыя назывались, какъ кажется, *четищами*, отъ древняго славянскаго слова *чета*, принимавшагося первоначально не въ томъ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ мы его употребляемъ, а въ общемъ значеніи правильнаго собранія или отряда⁸²). Игры эти, сопровождавшіяся пѣніемъ, которое напоминало трагедіи грековъ, соединялись, повидимому, съ памятью основателя Патавіа; у римлянъ, ихъ учредителемъ считался опять-таки троянецъ Антеноръ⁸³).

VIII.

Сказанія о Фэтонѣ и янтарѣ.

Говоря о поэтическихъ именахъ и сказаніяхъ, которыя творческая фантазія грековъ связала съ венетами, необходимо упомянуть знаменитую между мѣрами классической древности басню о Фэтонѣ. Рассказъ греческихъ поэтовъ заключался въ томъ, что сынъ Солнца, Фэтонъ, т. е. *свѣтлицій*, рожденный отъ Климены, т. е. *смыной*, дочери Океана, — чтобы разбить сомнѣніе въ своемъ божественномъ происхожденіи, взошелъ на небо и вступилъ во дворецъ, гдѣ передъ зарею воссѣдало солнце, сталъ просить удостовѣренія, что оно его родитель. Солнце, пригнѣтствовавъ сына съ нѣжною любовью, погляделъ удостовѣрить его чѣмъ онъ только пожелаетъ. Самонадѣянный юноша попросилъ, чтобы

отецъ далъ ему на одинъ день своихъ огненныхъ коней и колесницу, которою онъ освѣщаетъ вселенную. Нехотя солнце отдало ему свое мѣсто и вручило возжи. Кони, чуя непривычно легкую руку, понесли по небу непроложенными путями, много обожгли Африку и жителей ея сдѣлали черными. Взолилась земля отъ невыносимаго жара и ее услышавъ верховный владыка неба, Зевесъ, собралъ тучи, освѣжилъ землю дождемъ и вынулъ молніей въ неосторожнаго возницу. Фэтонъ упалъ безжизненнымъ трупомъ въ рѣку Эриданъ. Собрались на берегъ рѣки его сестры и плакали надъ нимъ, плакали, пока не приросли къ тому мѣсту, превращенныя въ тополи, и слезы ихъ продолжали капать, но уже янтаремъ, въ рѣку; а братъ Фэтона, оглашавшій берега Эридана своими воплями, превратился въ постояннаго его обитателя, бѣлаго лебедя⁸⁴).

Фэтонъ, какъ олицетвореніе жгучей силы солнца, извѣстенъ былъ въ греческой мифологіи и въ древнѣйшую пору⁸⁵); но связывать его съ какою-то протекающею въ венетской землѣ рѣкою и съ находимымъ въ этой рѣкѣ янтаремъ стали только позднѣе, какъ кажется, не прежде V вѣка (до Р. Хр.), т. е. съ того же времени, какъ начали приурочивать къ венетамъ и ихъ народному герою сказаніе объ Антенорѣ троянскомъ.

«Эриданомъ, говоритъ Геродотъ, называется у варваровъ рѣка, текущая въ море, что лежитъ къ сѣверу и откуда доставляется янтаръ»⁸⁶). Очевидно, что тутъ разумѣлась рѣка, впадающая въ Балтійское море, южный берегъ котораго составляетъ, какъ извѣстно, главное мѣсто добычи янтара. Можетъ быть, такъ дѣйствительно называлась въ то время Одра или Висла; можетъ быть, «Эриданъ» было только общее поэтическое прозвище, которое венеты придавали своимъ большимъ рѣкамъ на сѣверѣ, такъ какъ Эриданъ значить, кажется, просто «быстрая, ярая рѣка»⁸⁷). Объ этомъ-то Эриданѣ и о загадочномъ произведеніи тамошняго края, янтарѣ, которому приписывались особыя дѣйствительныя силы⁸⁸), пошли между греками разныя сказанія, и главнымъ ихъ источникомъ были, естественно, италійскіе венеты, потому что они, пользуясь племенными связями съ жителями Балтійскаго поморья, могли сосредоточить въ своихъ рукахъ привозъ янтара съ сѣвера, и такимъ образомъ сдѣлались поставщиками его для южныхъ странъ⁸⁹). Самое свойство янтара, обозначенное въ его древнемъ названіи и греческомъ и славянскомъ, элементръ, латырь (т. е. *свѣтлицій*) или свалатырь (*самосвѣтъ*)⁹⁰) и до сихъ поръ выражаемое въ русскихъ народныхъ заговорахъ, гдѣ говорится о «бѣломъ горючемъ камнѣ *алатырь*», — свойство это не могло не сроднить его съ солнцемъ, въ которомъ, замѣ-

тнмъ, славяне боготворили не только свѣтящую, но и жгучую силу, какъ видно изъ того, что солнце называлось у нихъ и Дажьбогомъ, т. е. Жгучимъ-Богомъ⁹¹). Но янтарь, который связывали такимъ образомъ съ солнцемъ, происходитъ изъ воды, онъ капаетъ какъ смола. По всему этому легко было въ сказочныхъ представленіяхъ объяснить его рожденіе «горючими» слезами, капавшими въ сѣверную венецкую рѣку Эриданъ. Въ такомъ видѣ, безъ сомнѣнія, сказка объ янтарѣ перешла къ грекамъ, и они приурочили ее къ своему Фаэтону, бывшему у нихъ символомъ жгучей силы солнца.

Сказка эта была способна къ богатому поэтическому развитію, и ее полюбили драматическіе писатели аѳонскіе⁹²), знакомство которыхъ съ венецкими преданіями намъ уже извѣстно по легендѣ объ Антенорѣ. Но свѣдѣнія тогдашнихъ грековъ о положеніи венецкаго края были еще весьма неопредѣленны. Слыша, что Эриданъ течетъ въ землѣ венецовъ (т. е. славянъ), что янтарь рождается въ Венецкомъ (т. е. Балтійскомъ) морѣ, они воображали, что это тѣ венецы, которые были извѣстны въ Италиі и которые дѣйствительно торговали янтаремъ. Въ ихъ понятіяхъ, Эриданомъ сдѣлалась р. По; острова, на которыхъ море выбрасываетъ янтарь, они сочли за острова венеціанскихъ лагунъ, Янтарное море — за Адриатику⁹³), и этотъ взглядъ такъ укоренился, что греки продолжали называть рѣку По — Эриданомъ даже тогда, когда болѣе близкое знакомство съ Италией доказало, что родина янтара вовсе не тамъ⁹⁴).

У венецовъ, недалеко отъ Патавіа, были ключи горячей минеральной воды, и теперь еще довольно значительные, хотя ихъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе засыпало⁹⁵); въ древности же эти ключи, называвшіеся Апономъ⁹⁶) (нынѣ Абапо), составляли одни изъ самыхъ знаменитыхъ цѣлебныхъ водъ въ мірѣ, гордость и славу венецкой земли⁹⁷). Извѣстность ихъ восходила къ отдаленнѣйшей древности⁹⁸). Изъ-подъ скалъ невысокаго пригорка, принадлежавшаго къ цѣпи такъ назыв. Эвганейскихъ холмовъ, били эти сѣрнистые ключи, kloчущіе какъ кипятокъ⁹⁹) и покрытые столбами пара. Стекая ручьями горячей воды, они образовали озеро, голубое и прозрачное, надъ которымъ паръ носился облакомъ¹⁰⁰). Замѣчали, что на днѣ озера росла трава¹⁰¹). Изъ озера излишекъ воды, уже холодной, уходилъ каналомъ, орошая сосѣднія поля и сливаясь съ Бренною¹⁰²).

Весьма естественно, что эти кипящіе ключи могли соединиться, въ представленіяхъ жителей, съ тѣмъ жгучимъ божествомъ, которое греки перешменовали въ Фаэтона. Въ томъ видѣ,

какъ слышалъ сказку о Фаэтонѣ и венецкомъ янтарѣ Аристотель или авторъ приписываемой ему книги о разныхъ чудесныхъ явленіяхъ природы, Фаэтонъ былъ низринуть не въ рѣку Эриданъ, а въ находящееся близъ нея горячее озеро (т. е. въ озеро Апонское). Янтарь, по этому сказанію, есть смола, которая капаетъ изъ тополей, окружающихъ чудесное озеро. Издаетъ оно зловредные пары и тяжелый запахъ. Никакое животное изъ него не пьетъ, и птица не смѣетъ летѣть черезъ озеро: пролетая надъ нимъ, она падаетъ мертвая¹⁰³).

Такъ раскрасила доходящая до Греціи молва простые горячіе ключи сѣрнистой воды въ землѣ венецовъ. Потомъ, когда узнали ближе эту страну, когда приглядѣлись къ ключамъ Апоны и стали ѣздить даже издалека, чтобы ими пользоваться отъ болѣзней, — дѣйствительность разсѣяла эти фантастическія представленія. Но не такъ легко было разстаться съ завѣщаннымъ древностью сказаніемъ. И вотъ, мы находимъ у грековъ позднѣйшей эпохи (т. е. временъ римскаго владычества и полного знакомства съ Италией) повтореніе той же самой басни о чудесномъ озерѣ, испаренія котораго убиваютъ пролетающую птицу: но это озеро перенесено отъ венецовъ при Адриатикѣ; его помѣщаютъ на сѣверѣ, въ Сарматіи¹⁰⁴), т. е. въ странѣ, которая въ ту пору обнимала собою, какъ мы увидимъ впоследствии, края венецовъ (славянъ) сѣверныхъ, прибалтійскихъ и приднѣпровскихъ.

Мы видимъ тутъ другой примѣръ такого же смѣшенія италійскихъ венецовъ съ ихъ сѣверными соплеменниками, какъ въ сказаніи объ янтарныхъ островахъ, которые помѣщались греками на Адриатическомъ морѣ: но только въ этомъ случаѣ смѣшеніе произошло въ обратномъ смыслѣ. То, что относилось сперва въ венецамъ въ Италиі, было потомъ присвоено сѣвернымъ краямъ славянскимъ.

Чтобы покончить съ преданіями о венецкомъ янтарѣ, нужно упомянуть еще объ одной баснѣ, въ которой янтарь ужъ вовсе не связывается съ миамами о сынѣ солнца. Именно, Софокль выдавалъ янтарь за слезы сестеръ Мелеагра, неутѣнно оплакивавшихъ гибель этого знаменитаго героя сѣверозападной Эллады. Превращенныя въ птицъ¹⁰⁵), утверждалъ Софокль, онѣ проливаютъ эти слезы гдѣ-то за Индіей¹⁰⁶). Очевидно, что тутъ скрывается названіе земли *индовъ*, т. е. тѣхъ же венецовъ (славянъ), только въ другой (преимущественно германской) формѣ произношенія этого имени; но когда названіе «Виндія» дошло до грековъ, оно было принято за Индію, ошибка, другой примѣръ которой мы увидимъ потомъ у римскаго писателя Корнелія Не-

пота, рассказывавшаго про *Индосъ*, запесенныхъ бурюю на берегу Нѣмецкаго моря.

IX.

Положеніе венецовъ въ Италиі. — Вліяніе этрусковъ.

Изъ всѣхъ этихъ сказаній, не смотря на ихъ поэтическую и часто баснословную оболочку и на чуждыя имена, мы можемъ вывести нѣсколько положительныхъ свѣдѣній. Мы можемъ признать за несомнѣнное, что въ весьма древнюю пору, но позднѣе другихъ племенъ, составившихъ коренное населеніе Италиі, съ сѣверо-востока, черезъ Альпы, туда проникла вѣтвь венецовъ, т. е. племени славянскаго; что они встрѣтили сопротивленіе мѣстныхъ жителей (по всей вѣроятности, родственныхъ этрускамъ) и принуждены были ограничиться краемъ между Гардскимъ озеромъ, низовьями По и Адриатическимъ моремъ; что у этихъ венецовъ сохранялись преданія о герояхъ-родоначальникахъ, который привелъ ихъ съ востока и почитался основателемъ ихъ главнаго города Патавія, т. е. Птичьаго, и котораго греческая поэзія переименовала потомъ въ Антенора; что у нихъ были связи съ сѣверомъ, съ дальнимъ Балтійскимъ побережьемъ, откуда они доставали янтарь и гдѣ, по свидѣтельствамъ древнихъ писателей, жителями были тоже венецы, т. е. такіе же славяне; и что какъ главнымъ, вѣроятно, основаніемъ такихъ связей служила соплеменность славянскаго поселенія на Адриатикѣ съ славянами Балтійскаго побережья, такъ эта самая ихъ соплеменность подала грекамъ поводъ считать край венецовъ въ Италиі за мѣсторожденіе янтара, добывавшагося у венецовъ же, но только на Балтійскомъ поморьѣ.

Кромѣ того, приведенное выше извѣстіе Арріана, позволяетъ намъ догадку, что приходъ венецовъ въ Италию совершился при общемъ движеніи славянскаго племени, когда оно, вслѣдъ за другими аріійскими племенами, выселялось изъ средней Азіи въ Европу, и что это переселеніе славянъ можно съ нѣкоторою вѣроятностью отнести ко времени между XIII-мъ и X-мъ столѣтіемъ до Р. Хр.

Мы указали приблизительно границы, которыя заняло славянское племя въ Италиі. Къ западу предѣломъ венецкихъ поселеній было, мы сказали, Гардское озеро, къ югу—низовье По. Однако нельзя полагать, чтобы при первомъ напорѣ вторгшихся на югъ славянъ, эти границы тотчасъ опредѣлились. Венецы проникли и далѣе на югъ за По, какъ можно догадываться по

существовавшему преданію¹⁰⁷), что они нѣкогда владѣли Равенной; но за тѣ городъ Атрія или Адрия, на сѣверной сторонѣ главнаго рукава По, знаменитый въ глубокой древности своею пристанью, остался въ рукахъ этрусковъ¹⁰⁸). Къ западу, поселенія венецовъ распространялись и за Гардское озеро и вытекающую изъ него р. Минчій¹⁰⁹). Вообще, западная граница Венецкаго края представляется чѣмъ-то колеблющимся¹¹⁰). Ни одинъ изъ древнихъ писателей не обозначаетъ ея совершенно точно, и вѣтъ, кажется, сомнѣнія, что вся полоса отъ р. Адиги до р. Клузія (нынѣ Къезіо), притока Ольо, — полоса, пересѣкаемая пополамъ теченіемъ Минчія, — заключала въ себѣ смѣсь венецкихъ поселеній съ туземцами. Такимъ образомъ Верона, лежащая на самой Адиги¹¹¹) (въ древности *Athesis*, *Atagis*, или *Atison*¹¹²), оставалась въ рукахъ этрусковъ (или реговъ) и эвтанеевъ¹¹³), а Мантуа, находящаяся гораздо далѣе къ юго-западу, на Минчій, имѣла населеніе смѣшанное изъ венецовъ и этрусковъ¹¹⁴). Знаменитый уроженецъ Мантуи, поэтъ *Виргилій*, считался венецомъ по происхожденію¹¹⁵). Въ этой смѣшанной полосѣ венецы, какъ видно, получили съ теченіемъ времени преобладающее вліяніе и наложили свою печать на прочія стихіи тамошняго населенія¹¹⁶).

На сѣверѣ венецы встрѣчались съ суровыми и дикими племенами альпійскими¹¹⁷); къ востоку ихъ сосѣдями были истры¹¹⁸), крайняя съ этой стороны вѣтвь еракійская, а за ними тянулся рядъ народовъ того же, по всей вѣроятности, еракійскаго племени, которыхъ обнимали общимъ именемъ иллирійцевъ и которые владѣли всѣмъ восточнымъ берегомъ Адриатики и прилегающимъ къ нему островами: то были яподы, либурны, далматы и далѣе къ югу иллиры въ собственномъ смыслѣ. Если и существовали тамъ какія-нибудь поселенія славянъ, какъ на то указываетъ повидимому своимъ именемъ городъ Слупы (*Σλοβλι*), т. е. Стлупи или по нашему Столпы, и община Стлупины (*Stlupini*)¹¹⁹) въ землѣ либурновъ, гдѣ-то въ средней части нынѣшней Далмаціи, то это могли быть лишь мелкія, оторванные отъ своего корня, колоніи, занесенныя въ среду чуждаго племени. Весь восточный (такъ называемый Иллирійскій) берегъ Адриатическаго моря, отъ Истріи до предѣловъ Греціи, былъ въ древности чуждъ славянамъ¹²⁰). Его населили племена горцевъ, для которыхъ главнымъ ремесломъ была война и морскіе разбои. Рассказываютъ про этихъ дикарей, что они, какъ и всѣ вообще иллиры и еракіицы, расписывали себѣ, для украшенія, тѣло узорами¹²¹). Походъ характеромъ совершенно на своихъ потомковъ, нынѣшнихъ албанцевъ, эти иллирійскія племена, въ своемъ дробленіи на мелкія

колѣна, были мало опасны для другихъ народовъ и только изрѣдка, когда нѣсколько такихъ колѣнъ соединялись подъ однимъ вождемъ, рѣшались они на какия-нибудь значительныя предпріятія; но ихъ всегдѣшніе разбои дѣлали ихъ постоянными врагами ихъ сосѣдей. По замѣчанію Страбона, Иллирійскій берегъ, не смотря на его природныя богатства и превосходныя его гавани, былъ, въ прежнія времена (т. е. до завоеванія римлянами), мало посѣщаемъ по причинѣ дикости жителей и ихъ разбойничьихъ нравовъ¹²²).

Имѣя на сѣверѣ и востокѣ такихъ дикихъ сосѣдей, какими были тогдашніе жители Альпійскихъ горъ и восточнаго берега Адриатики, венецы, поселившись въ богатыхъ равнинахъ верхней Италіи, должны были естественно примкнуть ближе къ своимъ западнымъ и южнымъ сосѣдямъ, болѣе мирнымъ и образованнымъ народамъ италійскимъ. Въ началѣ, быть можетъ, они еще не были совсѣмъ оторваны отъ своихъ соплеменниковъ славянъ, населявшихъ въ ту пору Норикъ, какъ мы покажемъ въ своемъ мѣстѣ; они могли соприкасаться съ ними непосредственно на сѣверо-востокѣ своихъ владѣній. Но въ послѣдствіи Норикъ завоеванъ былъ Кельтами (вѣроятно между 450 и 400 г. до Р. Хр.)¹²³), и ближайшими сосѣдами венецовъ къ сѣверо-востоку сдѣлался гальскій народъ карновъ¹²⁴), занявшій пространство между ретами (въ нынѣшнемъ Тиролѣ) съ одной стороны и истрами и яподами (въ нынѣшней Истріи и приморской Хорватіи) съ другой, т. е. приблизительно нынѣшнюю Кранну и, вѣроятно, отчасти также Горіцкій и Удинскій края¹²⁵). Такимъ образомъ путь, по которому венецы пришли въ Италію и на которомъ лежали единственныя для нихъ возможныя точки соприкосновенія съ остальнымъ славянскимъ племенемъ, былъ отрѣзанъ. Къ тому же на этомъ пути стояла грань Альпійская, заслоняя венецовъ, ее переступившихъ, отъ жителей сѣвера. Связи, торговля, сношенія, конечно, были возможны и черезъ Альпы и черезъ земли, покоренныя кельтами; мы уже указали на несомнѣнные признаки такихъ связей; но единство жизни и историческаго развитія между вѣтвью славянъ въ Италіи и остальными частями славянскаго племени стало невозможнымъ. Все разобщало эту южную вѣтвь славянскую отъ ее соплеменниковъ на сѣверѣ, все втягивало ее въ кругъ народовъ итальянскаго полуострова. Со стороны Италіи всѣ условія благоприятствовали общенію: равнинный край, судоходныя пути р. По и его притоковъ, наконецъ, тѣ, указанныя нами, поселенія, въ которыхъ венецы непосредственно смѣшались съ своими италійскими сосѣдами. Эти сосѣди были этруски и умбры. И тѣ, и другіе достигли уже въ глубокой древности значительнаго разви-

тія, въ особенности этруски, знаменитые своею роскошью, славившіеся своею старинною образованностью даже передъ греками¹²⁶).

Если и въ наше время славяне кажутся самымъ молодымъ народомъ Европы и такъ легко поддаются вліянію странъ, ихъ опередившихъ въ своемъ развитіи, то можно по этому судить, что должно было произойти 2500 лѣтъ тому назадъ, когда отъ славянскаго племени, находившагося въ совершенномъ младенчествѣ, отдѣлилась одна вѣтвь и попала въ страну, уже кипѣвшую политическою жизнію, въ сосѣдство народа, какъ этруски, который уже имѣлъ свое полное, законченное устройство гражданское и религіозное. Въ новой обстановкѣ должно было наступить у венецовъ быстрое развитіе. Этому особенно способствовала благодатная природа края, имъ доставившагося на долю, одной изъ плодороднѣйшихъ и лучшихъ по климату странъ въ Европѣ. Богатство земли венецкой славилось издревле. Греческій писатель IV вѣка до Р. Хр. писалъ¹²⁷), что это страна превосходная и плодороднѣйшая, такъ что скотъ тамъ рождаетъ двойни; не бываетъ ни снѣга ни зимы, во воздухъ постоянно влажный. Древній географъ Страбонъ точно также говоритъ о богатствѣ венецкаго края, съ его удивительно плодородными холмами и обильными водою низовьями Пада, которые онъ сравниваетъ съ нижнимъ Египтомъ по множеству протоковъ и сдѣланныхъ рукою человѣческою канавъ и дамбъ, окаймляющихъ пахатныя поля¹²⁸). Въ такой странѣ могли скоро накопиться избытки, умножиться населеніе, преуспѣть всѣ матеріальныя стороны жизни. И дѣйствительно, за много вѣковъ до того времени, когда у другихъ славянъ начались первыя попытки гражданственности и образованія, венецы въ Италіи успѣли сдѣлаться народомъ богатымъ, торговымъ, промышленнымъ, успѣли поровняться съ наиболѣе образованными народами тогдашней Европы; но скороспѣлость этого развитія совершенно убивала, какъ видно, ихъ народный духъ и во всемъ древнемъ мірѣ не оказалось народа менѣе самостоятельнаго въ политическомъ отношеніи, охотнѣе склонившагося подъ чужую власть и легче утратившаго свое бытіе.

X.

Извѣстiе Геродота о венецахъ.

О первыхъ вѣкахъ пребыванiя венецовъ въ Италии не сохранилось историческихъ свѣдѣнiй, но въ эту первую пору, предшествовавшую 400-му году до Р. Хр. ¹²⁹⁾, должно было утвердиться между венецами влiянiе этрусской образованности, слѣдствiемъ котораго остаются надписи, находимыя въ странѣ венецовъ ¹³⁰⁾, и знатнѣйшiя родовыя ихъ имена ¹³¹⁾. Въ V-мъ столѣтiи до Р. Хр. они были уже настолько извѣстны, настолько занимали вниманiе грековъ, что великiе творцы греческой драмы старались, какъ мы знаемъ, связать происхожденiе этого народа съ знаменитою повѣстью Троянской войны. Римъ въ то время казался еще такъ ничтожнымъ, что тогдашнiй историкъ Геродотъ даже не упоминаетъ объ его существованiи: онъ приводитъ, какъ народы, которымъ принадлежала средняя и сѣверная Италия, только этрусковъ ¹³²⁾, умбровъ и венецовъ. Къ сожалѣнiю, подробное описанiе этихъ народовъ не входило въ планъ его исторiи, сосредоточенной около борьбы грековъ съ персами и касающейся только тѣхъ племенъ, которыя имѣли къ ней прямое или косвенное отношенiе. На счетъ венецовъ Геродотъ упоминаетъ мимоходомъ лишь объ одномъ обычаѣ, въ которомъ онъ замѣтилъ у нихъ сходство съ тѣмъ, что дѣлали вавилоняне. Какъ онъ слышалъ по рассказамъ, у венецовъ въ каждомъ селенiи разъ въ году собирали и выводили вмѣстѣ всѣхъ дѣвушекъ, достигшихъ возраста, чтобы выходить замужъ; кругомъ становились мужчины, и вѣстникъ, начиная съ самой красивой изъ дѣвицъ, выкликалъ ея цѣну; когда нашелся охотникъ дать большiя деньги, чтобы имѣть ее женою, глашатай переходилъ по очереди къ другой, занимавшей второе мѣсто въ ряду красавицъ, и такъ далѣе; а когда всѣ невѣсты, за которыхъ стоило дать деньги, были разобраны, наступала очередь безобразныхъ и калѣкъ, имъ обращались въ приданое деньги, полученныя за красавицъ, и глашатай, начиная въ этомъ случаѣ съ самой непригожей, спрашивалъ, кто ее возьметъ съ самой меньшей приплатой. Такъ пишетъ Геродотъ. Не заключается ли въ его нѣсколько замысловатомъ рассказѣ та простая основа, что у венецовъ, какъ мы это находимъ и у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ народовъ въ древнее время, да какъ вообще дѣлалось у многихъ первобытныхъ племенъ, за невѣсту давалъ *отно женихъ*, и что ихъ браки совершались въ одинъ день, при какомъ-нибудь праздникѣ или *пиршествѣ*? Таковъ былъ, мы знаемъ,

первоначальный обычай и у разныхъ вѣтвей славянскихъ на Руси; и замѣчательно, что потомки венецовъ, позднѣйшiе венецианцы, долго наблюдали правило вѣнчать всѣ свадьбы въ одинъ день въ году ¹³³⁾.

XI.

Вторженiе кельтовъ въ сѣверную Италию. — Столкновенiе ихъ съ венецами. — Венецы способствуютъ спасенiю Рима.

Вскорѣ послѣ того времени, когда писалъ Геродотъ, венецы итальянскiе были вдругъ подняты изъ бездѣйствiя. Имъ пришлось обороняться отъ свирѣпаго завоевателя и вмѣстѣ съ тѣмъ сослужить великую службу народу, которому суждено было сосредоточить въ своихъ рукахъ судьбы древняго человечества.

Кельты, которые, безъ сомнѣнiя, первые изъ арiйцевъ двинулись на западъ и водворились въ Европѣ, первые тоже окрѣпли и размножились въ ней настолько, что могли начать обратное движенiе къ востоку и предпринять въ этомъ направленiи обширныя завоеванiя ¹³⁴⁾. Это первое завоевательное движенiе кельтовъ, и именно галльской ихъ отрасли, занимавшей нынѣшнюю Францiю, произошло, какъ должно полагать, двумя путями: сѣверомъ, вдоль Дуная и обходя Альпы съ востока, къ восточнымъ берегамъ Адриатическаго моря и въ Иллирiйскiе края, и югомъ — въ верхнюю Италию ¹³⁵⁾. Тѣ галльскiя дружины, которыя пошли этимъ послѣднимъ путемъ, однимъ натискомъ захватили нынѣшнiй Пиемонтъ и Ломбардiю, находившiеся во власти этрусковъ. Распространяясь и на югъ отъ р. По, они покорили большую часть страны умбровъ между этою рѣкою и Апеннинскимъ хребтомъ и до Адриатики. Такимъ образомъ они и съ запада и съ юга облегли венецовъ. Одновременно съ этими завоеванiями въ Италию ¹³⁶⁾, галлы налетѣли на края къ сѣверу и востоку отъ Альпъ и съ этой стороны также овладѣли, какъ уже нами было упомянуто, ближайшими къ венецамъ странами, Карнiей, Норикомъ; они водворились и между яподами въ сѣверо-восточномъ углу Адриатики ¹³⁷⁾. Отовсюду налегаль на венецовъ «врагъ невиданный и неслышанный, поднявшiйся войною отъ океана и съ оконечности земли», какъ выражался Титъ Ливiй о галльскихъ завоевателяхъ ¹³⁸⁾. Но венецы устояли ¹³⁹⁾. Дѣло не обошлось, конечно, безъ борьбы, и хотя ея ходъ и событiя, ее ознаменовавшiя, намъ совершенно неизвѣстны, однако мы можемъ судить, какого напряженiя сила она потребовала отъ венецовъ, по тому, что рассказываетъ тотъ же историкъ о жителяхъ главнаго венецкаго

города Патавія, котораго онъ былъ уроженцемъ. «Постоянно держали ихъ подъ оружіемъ сосѣдніе галлы»¹⁴⁰), говоритъ Титъ Ливій, и притомъ по поводу случившагося въ 303 г. до Р. Хр. нечаяннаго нападенія на венецкій край со стороны моря, нападенія, которое имъ удалось тотчасъ же отразить именно благодаря тому, что они всегда стояли во всеоружіи для отпора галламъ. Таково было ихъ положеніе, повторяемъ, въ 303 году, т. е. сто лѣтъ спустя послѣ занятія галлами верхней Италіи, а въ то время въ галлахъ уже успѣлъ остыть первый завоевательный пылъ, они успѣли расположиться какъ дома въ покоренной странѣ, да и силы ихъ были надломлены внутренними раздорами¹⁴¹). Какова же была для венецовъ опасность въ началѣ, когда въ галлахъ была во всей силѣ стремительность перваго порыва, какою испокон и до нашихъ дней отличалось кельтское племя! Какую стойкость нужно было имъ противопоставить!

Въ 390 году, галлы, владѣя уже всею сѣверною Италіею, кромѣ «угла венецовъ»¹⁴²), предприняли походъ на югъ отъ Апеннинскихъ горъ и столкнулись съ войсками маленькой въ то время римской республики. Они разбили ихъ на-голову въ вѣчно памятный римлянамъ день 18 іюля, день аллійскаго пораженія, заняли городъ Римъ и осадили его крѣпость (Капитолій). Но тогда случилось нѣчто такое, что отвлекло ихъ въ другую сторону: венецы вторглись въ ихъ владѣнія¹⁴³).

Это побудило галловъ согласиться на миръ, за который они, какъ извѣстно, взяли съ римлянъ тысячу фунтовъ золота, и оставить ихъ городъ. Галлы удалились, пошли сражаться съ венецами, и Римъ могъ вновь собрать свои силы и возстановить свое первенство въ латинскомъ племени¹⁴⁴).

Таково свидѣтельство древнѣйшаго и наиболѣе достовѣрнаго изъ историковъ, писавшихъ объ этихъ событіяхъ, Полибій. Онъ прямо приписываетъ спасеніе Рима своевременному вмѣшательству венецовъ.

Хотя, въ послѣдствіи, народная гордость римлянъ не позволяла имъ сознаваться въ такой услугѣ и они изобрѣли причины избавленія ихъ города, болѣе лестныя для ихъ славы¹⁴⁵), однако съ этого, повидимому, времени установился между Римомъ и венецами союзъ, который уже не прекращался¹⁴⁶). Галлы оставались врагомъ одинаково опаснымъ и для венецовъ и для Рима. Ихъ связывалъ общій интересъ. Венецы немало помогли Риму въ низложеніи галловъ, служившихъ главною опорою всѣмъ противникамъ его первенства и владычества въ Италіи, и сами послѣдшія признали это владычество.

Съ другой стороны, венецы, какъ народъ, по самому своему

положенію призванный къ торговой дѣятельности, къ посредничеству между странами заальпійскими и юго-востокомъ Европы, зависѣли въ своемъ благосостояніи отъ безопасности плаванія по Адриатическому морю. По природѣ вещей, они становились друзьями всякаго, кто могъ ее обезпечить. Мы знаемъ, какимъ страшнымъ врагомъ для плавающихъ по Адриатикѣ судовъ были прибрежныя племена на восточной сторонѣ этого моря, отъ Истріи до границъ греческихъ, племена, которымъ морскіе разбой служили издревле главнымъ промысломъ и почти единственнымъ источникомъ обогащенія¹⁴⁷). Въ началѣ IV вѣка до Р. Хр. влатель (тираннъ) сиракузскій Діонисій попытался было освободить Адриатическое море отъ разбойниковъ: для этого онъ вмѣшался въ междоусобія иллирскихъ и эвиротскихъ племенъ и устроилъ (около 385 г.) греческія колоніи, Лиссъ на Иллирійскомъ берегу и Фаръ на одномъ изъ Далматинскихъ острововъ¹⁴⁸). Естественно предполагать, что для венецовъ это былъ желанный союзникъ, и мы дѣйствительно находимъ намекъ на сношенія ихъ съ сицилійскимъ тиранномъ¹⁴⁹). Впослѣдствіи Римъ, ставъ во главѣ Италіи, принялъ на себя очищеніе Адриатики отъ разбойниковъ и приложилъ къ этому дѣлу свою систематическую государственную силу. Вотъ другой существенный интересъ, который, вмѣстѣ съ общою опасностью отъ галловъ, привязывалъ венецовъ къ Риму. Политическій переворотъ, замѣнявшій на Италійскомъ полуостровѣ раздробленную жизнь общинъ и колѣнъ крѣпкимъ единствомъ римской власти, былъ для венецовъ сопряженъ съ прямою торговою выгодною.

ХП.

Нападеніе спартацевъ.

Мы уже ссылались на рассказъ Ливія о событіи, случившемся въ 303 году и свидѣтельствующемъ о постоянной готовности венецовъ взяться за оружіе для обороны отъ сосѣдей-галловъ. Случай этотъ былъ слѣдующій. Спартаецъ Клеонимъ, изъ царскаго рода, собравъ до 5000 человекъ, охотниковъ подраться и пограбить (въ ту пору упавшая нравственно и политически Греція выставяла немало такихъ дружинъ), переправился съ ними въ южную Италію, гдѣ его хотѣли нанять противники Рима; дѣло не состоялось, съ римлянами Клеонимъ побоялся вступить въ бой, и отплылъ въ Адриатическое море. Но западный берегъ не представлялъ удобнаго пристанища, а на восточномъ пришлось бы

встрѣтятся съ иллирами, либурнами и пистрами, народами дикими и которые сами, по большей части, промышляли морскимъ разбоемъ. Клеонимъ разсудилъ направиться къ берегу венецовъ. Онъ высадилъ нѣсколько человѣкъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Ему донесли, что за узкою полосой берега идутъ болота, наполняющіяся морскою водою (лагуны). За ними тотчасъ видны воздѣланныя поля; въ отдаленіи холмы. Тутъ же увидали они устье большой рѣки, видѣли, какъ въ нее вводились корабли на безопасную стоянку. Рѣка эта была Медуакъ (нынѣ Brenta, что у Венеціи)¹⁵⁰. Сюда велѣлъ Клеонимъ грести. Но какъ для большихъ его кораблей тутъ было слишкомъ мелко, то онъ остался съ ними поодаль отъ берега и отрядилъ впередъ суда менѣе тяжелыя, съ вооруженными людьми для высадки. Отрядъ этотъ направился къ населенному мѣсту, гдѣ находились три приморскія селенія, принадлежавшія къ Патавію. Тутъ греки причалили, вышли на берегъ, оставивъ нѣсколько человѣкъ для охраненія судовъ, захватили селенія, зажгли дома, забрали скотъ и людей и, увлеченные поживою, стали отдаляться отъ своихъ кораблей. Какъ скоро извѣстіе объ этомъ пришло въ Патавію, тамошніе жители, которые, какъ приведено было выше, всегда готовы были къ отраженію непріятеля, раздѣлили свою молодежь на два отряда. Одинъ долженъ былъ идти на выручку въ мѣста, гдѣ происходили грабежи, другой направиться окольною дорогою къ стоянкѣ кораблей, находившейся въ 14-ти миляхъ (около 20 верстъ) отъ города. Тутъ они легко справились, убили людей, оставленныхъ при корабляхъ, и заставили испуганныхъ гребцовъ переправить свои суда къ противоположному берегу рѣки. Другой отрядъ имѣлъ такой же успѣхъ. Убѣганъ передъ нимъ къ кораблямъ, греки наткнулись на венецовъ, завладѣвшихъ ихъ судами. Окруженные отовсюду, они были убиты или забраны въ плѣнъ; плѣнные указали, гдѣ находится Клеонимъ, стоявшій съ своими большими кораблями въ 3-хъ миляхъ (около 4 верстъ) отъ этого мѣста. Венецы, оставивъ плѣнныхъ подъ присмотромъ въ ближайшемъ селеніи, сѣли частью на плоскодонныя суда, нарочно приспособившіяся у нихъ къ плаванію по лагунамъ, частью на захваченныя у грековъ, и направилась къ флоту спартанскаго царевича, окружили его корабли, которые стояли неподвижно, какъ отъ овладѣвшаго всѣмъ испуга, такъ еще болѣе отъ незнакомства съ мѣстностью. Не смѣя вступить въ битву, греки старались уйти въ открытое море, но венецы преслѣдовали ихъ, захватили и сожгли корабли, которые въ послѣдственности бѣгства сѣли на мель. Клеонимъ спасся едва съ пятою частью своихъ кораблей. Корабельные носы доставшихся венецамъ судовъ и доспѣхи

спартанцевъ помѣстили въ Патавіи въ старинномъ храмѣ богини, которую римляне означали именемъ Юоны: «еще въ живыхъ многіе, прибавляетъ Титъ Ливій, которые ихъ видѣли, а память морскаго сраженія ежегодно празднуется, въ день битвы, торжественнымъ состязаніемъ кораблей на рѣкѣ среди города»¹⁵¹).

Таковъ первый обстоятельный разсказъ, въ которомъ славяне являются передъ нами какъ живыя дѣйствующія лица, гдѣ мы видимъ въ живомъ образѣ славянскую страну съ ея пашнями, селами, городомъ, съ ея храмомъ и праздникомъ. Записанный Титомъ Ливіемъ разсказъ носитъ на себѣ явный отпечатокъ сочувствія, которое онъ, уроженецъ Патавіи, хотя уже вполне римлянинъ по духу и образу мыслей, питалъ къ своему родному племени. Къ сожалѣнію, разсказъ этотъ, какъ-то случайно внесенный имъ въ римскую исторію, остался единственнымъ, и свѣдѣнія наши о внутреннемъ состояніи и бытѣ этихъ древнихъ славянъ ограничиваются немногими отрывочными чертами и указаніями, которыя мы съ трудомъ отыскиваемъ въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей большею частію такого времени, когда венецы, войдя въ составъ римскаго государства, уже утрачивали свои народныя особенности.

XIII.

Бытѣ венецовъ. — Развитие городской жизни. — Судходство. — Торговая дѣятельность.

Разсказъ Ливія, какъ бы ни сѣтовали мы на его краткость и отрывочность, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что у венецовъ общественная жизнь была довольно развита. Народъ, который въ своемъ городѣ держитъ постоянно въ сборѣ готовую вооруженную силу; народъ, который способенъ на своихъ корабляхъ состязаться не безъ успѣха съ лучшими въ то время мореходцами, греками, и устраиваетъ *регаты* (гонки судовъ), подобно тому, какъ это дѣлала потомъ Венеція въ лучшіе вѣка своего процвѣтанія, — такой народъ, очевидно, не былъ чуждъ гражданственнаго общежитія. Вообще древніе писатели, отсылающіеся о другихъ народахъ сѣверной Италіи, именно о кельтахъ и лугурахъ, какъ о грубыхъ дикаряхъ и разбойникахъ, ничѣмъ не намекаютъ, чтобы венецы въ образованности уступали этрускамъ, умбрамъ, латинамъ и прочимъ образованнымъ народамъ Италійскаго полуострова. Мы уже указывали на тѣ вліянія, которыя должны были вызвать такъ рано развитіе гражданственности у этой древней отрасли славянъ. Жившій въ IV вѣкѣ до

Р. Хр. писатель греческій изображаетъ цвѣтущее состояніе венетовъ чертами, которыя кажутся даже преувеличенными. У венетовъ, по его словамъ, было пятьдесятъ городовъ¹⁵²), а населеніе страны, въ которой они жили, простиралось до полутора милліона¹⁵³). На это древнее процвѣтаніе венетовъ указываетъ и то, что говоритъ извѣстный географъ Страбонъ (жившій около времени Р. Хр.) о значеніи, какое имѣлъ въ прежнее время ихъ главный городъ Патавій. По словамъ его, Патавій въ старину выставлялъ въ поле 120.000 человекъ войска¹⁵⁴). Если и должно полагать, что въ этомъ извѣстіи Страбона разумѣлось войско не изъ одного города Патавія, но изъ всей вообще страны венетской, которой Патавій былъ главою, то, во всякомъ случаѣ, оно свидѣлствуетъ объ огромномъ накопленіи силъ у этого народа: ибо и въ наше время Венеціанская область, совпадающая приблизительно съ землею древнихъ венетовъ, при самомъ большомъ напряженіи, едва ли могла бы ополчить болѣе многочисленную рать. А что извѣстіе о стотысячномъ войскѣ венетовъ не могло быть выдуманно и преувеличено, въ томъ удостовѣряютъ событія: не будь у нихъ дѣйствительно весьма большой вооруженной силы, развѣ бы они, въ своей плоской, открытой съ запада странѣ, могли отразить натискъ такихъ многочисленныхъ и стремительныхъ дружинъ, какъ галльскія, сокрушившія разомъ этрусковъ, а за ними и римлянъ, и перейти даже къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ этого страшнаго врага, когда онъ держалъ Римъ въ своихъ рукахъ?

Гражданское обществѣ у венетовъ, какъ и у этрусковъ, умбровъ, латиновъ, приняло преимущественно складъ городской. Городской бытъ преобладалъ въ венетскомъ краѣ, насколько мы можемъ судить, по крайней мѣрѣ начиная съ IV в. до Р. Хр. Конечно, это не лежало въ коренномъ народномъ характерѣ венетовъ, ибо славянское племя вообще отличалось всегда, сколько извѣстно, предпочтеніемъ къ земледѣлію и сельскому быту. Но могли ли они сохранить свой народный бытъ среди тѣхъ вліяній, которыя ихъ окружали? Притомъ, кромѣ вліянія сосѣднихъ народовъ, нельзя сомнѣваться, что преобладаніе городской жизни вызывалось тутъ естественно развитіемъ торговли. Нѣтъ во всей Италиі края, по природѣ своей столь благоприятнаго для дѣятельности торговой, какъ сѣверо-восточный уголъ полуострова. Изрѣзанный рѣками, несущими въ море снѣга альпійскаго хребта, и многочисленными протоками, на которые раздѣляется р. По въ своемъ низовьи и которые легко было превратить въ цѣлую сеть каналовъ¹⁵⁵), венетскій край съ своею широкою полоскою берега, наводненаго морскими «лагунами», долженъ былъ вос-

питать населеніе судостроителей и мореходцевъ. И тогда уже нѣкоторые изъ венетскихъ городовъ, подобно нынѣшней Венеціи, выстроились среди воды и стояли въ ней какъ острова¹⁵⁶). Сообщенія шли по всей странѣ водою¹⁵⁷). «Большая часть венетскаго края, мы читаемъ въ одномъ древнемъ извѣстіи¹⁵⁸), производитъ всѣ сношенія на лодкахъ, какъ напримѣръ Равенна и Альтинумъ, гдѣ и звѣриная ловля и охота за птицами и хлѣбопашество производится на лодкахъ». Плиній дополняетъ это слѣдующею чертою, свидѣлствующею, между прочимъ, и о развитіи между венетами пчеловодства: «Гостилія (Hostilia), говоритъ онъ, село, омываемое Падою. Его жители, когда въ окрестности не достанетъ корму (для пчелъ), ставятъ ульи на суда и каждую ночь поднимаются съ ними вверхъ по рѣкѣ тысячъ на 5 шаговъ. На разсвѣтѣ пчелы вылетаютъ и потомъ возвращаются, ежедневно мѣняя мѣсто, пока грузъ судна покажетъ, что ульи наполнены; тогда везутъ ихъ обратно и вынимаютъ медъ»¹⁵⁹).

Суда строились частью скороходныя¹⁶⁰), для перевозки путешественниковъ, частью грузныя, для товаровъ. Суда эти носили разныя названія, которыя дошли до насъ только въ римской передѣлкѣ: celoces, holcades, lintres; послѣднія были лодки, выдолбленныя изъ одного дерева¹⁶¹). Для рѣчного судоходства имѣлись сборныя мѣста, какъ-то Арилика (у нынѣшней Пескьеры) у выхода р. Минчія изъ Гардскаго озера, гдѣ существовало братство лодочниковъ¹⁶²), и въ вышеупомянутой Гостиліи ниже впаденія того же Минчія въ Юю¹⁶³). Венетскіе гребцы содержали сообщенія и внѣ своего края, напр. по Тичину въ нынѣшней Ломбардіи¹⁶⁴). Что у венетовъ, кромѣ рѣчныхъ, были и большія мореходныя суда, приспособленныя къ плаванію по лагунамъ, мы видѣли изъ приведеннаго выше разсказа Тита Ливія.

Этотъ народъ судостроителей и мореходцевъ, владѣя краемъ, составляющимъ удобнѣйшій спускъ отъ альпійскаго хребта къ морю, былъ естественнымъ посредникомъ сѣверо-восточной Европы съ Италіею и вообще странами около Адриатики¹⁶⁵). Тому же способствовала и родственная ихъ связь съ главнымъ племенемъ сѣверо-востока Европы. Мы уже говорили о торговлѣ венетовъ лянтаремъ. Но торговая дѣятельность ихъ этимъ не ограничивалась. Ее изображаетъ намъ Страбонъ, но описаніе его относится къ тому времени, когда первенствующимъ складочнымъ мѣстомъ торговли между Адриатикою и сѣверо-восточной Европой успѣлъ сдѣлаться новый городъ, Аквилея, заложенный римлянами на восточномъ краю венетской земли, у самаго сѣвернаго угла Адриатическаго моря. Аквилея, говоритъ Страбонъ, служитъ рынкомъ для иллирійскихъ народовъ около Дуная¹⁶⁶). Они снабжаются

тамъ предметами морского привоза, а также виномъ, которое они въ деревянныхъ бочкахъ нагружаютъ на воза, и деревяннымъ масломъ, а сами доставляютъ рабовъ, скотъ и мѣха ¹⁶⁷).

Чѣмъ стала Аквилея подъ римскимъ владычествомъ, тѣмъ былъ прежде, безъ сомнѣнія, старинный городъ венетовъ, Патавій. Примыкая къ покрытымъ виноградниками холмамъ ¹⁶⁸), Патавій сообщался съ моремъ нижнимъ теченіемъ р. Медуака (нын. Брента) и лагунами, въ которыя она впадаетъ ¹⁶⁹). Что тутъ было нѣкогда главное средоточіе венетской торговли, на это указываетъ извѣстіе Страбона объ огромномъ значеніи этого города въ древнее время. Но еще и въ ту пору, когда писалъ Страбонъ, Патавій считался лучшимъ городомъ верхней Италиі ¹⁷⁰) и вель съ Римомъ обширную торговлю, поставляя туда множество разныхъ товаровъ и въ особенности предметы одежды ¹⁷¹). Въ самомъ Патавіи, по словамъ Страбона, производились издѣлія изъ шерсти ¹⁷²), драгоценныя ковры, мехнатыя съ одной и съ обѣихъ сторонъ сукна и разныя ткани. Этой промышленности, конечно, способствовало овцеводство, особенно процвѣтавшее въ венетскомъ краѣ ¹⁷³).

Послѣ Патавіи, важнѣйшимъ городомъ у венетовъ былъ, кажется, Альтинумъ ¹⁷⁴) (такъ называли его римляне), лежавшій у лагуны при устьѣ р. Плависъ (Piave), недалеко къ сѣверу отъ нынѣшней Венеціи ¹⁷⁵), и имѣвшій важное торговое значеніе. Вся окрестность этого города славилась своимъ богатствомъ ¹⁷⁶). Въ исходѣ I вѣка по Р. Хр. римскій писатель уподоблялъ ее усѣянному великолѣпными виллами берегамъ Неаполитанскаго залива ¹⁷⁷). Юанѣ Альтинума, пристани въ лагунахъ были Эдронъ и Брундулумъ ¹⁷⁸).

Внутри страны венеты имѣли города: Атесте (нын. Este)—къ югу, Вѣкетія (Veicetia, нынѣ Vicenza) ¹⁷⁹) и Тинумъ (Tiene) къ сѣверо-западу, Акелумъ (Asolo) къ сѣверу отъ Патавіи, дальѣ къ востоку Опитергіумъ (Oderzo); на сѣверѣ, подъ Альпамъ Беллунумъ (Belluno), Кѣлина или Цѣлина (Casilina, нынѣ Zelina, деревня въ Фріульскомъ краѣ) и др. ¹⁸⁰). Наконецъ, въ составъ Венетскаго края входила также Адрія, древнѣйшая, какъ кажется, пристань на Адриатикѣ, основанная еще этрусками на главномъ рукавѣ Пада и сохранявшая, какъ кажется, этрусское населеніе ¹⁸¹). Сосѣдніе города умбровъ на южной сторонѣ Пада, Спина, Бутриумъ, Равенна, находились, по сообщенію кавалами, въ тѣсной связи съ венетскимъ краемъ и имѣли, кажется, отчасти венетское населеніе ¹⁸²).

Но какъ бы сильно ни развилась у венетовъ городская жизнь, мы можемъ полагать, что въ нихъ не совсѣмъ изгладились свой-

ства первоначальнаго ихъ народнаго быта, что городъ, по крайней мѣрѣ пока венеты не утратили своихъ племенныхъ особенностей подъ объединяющимъ дѣйствіемъ Рима, не приобрѣлъ у нихъ такого полного преобладанія надъ селомъ, какъ у другихъ италійскихъ народовъ или у грековъ. Это замѣтилъ историкъ Полибій (жившій во II вѣкѣ до Р. Хр.). Онъ говоритъ про венетовъ, что народъ этотъ обычаями и образомъ жизни мало отличается отъ кельтовъ; а что особенно поражало грека Полибія въ кельтахъ, было то, что они живутъ въ деревняхъ, не огороженныхъ стѣнами, и что, кромѣ войны, главное ихъ занятіе составляетъ земледѣліе ¹⁸³). Отъ писателя древнѣе Полибія (Феопомпа, жившаго въ IV в. до Р. Хр.) мы узнаемъ чергу, относящуюся къ земледѣльческому быту венетовъ, а именно, что они, трижды перепахавъ поле и приступая къ посѣву, клали на землю какіе-то пироги и лепешки изъ муки, старательно умѣшенной ¹⁸⁴). Эти лепешки и пироги были, какъ увѣрять Феопомпъ, приношенія галкамъ ¹⁸⁵), чтобы ихъ умилостивить—не выклевать изъ земли посѣянныхъ зеренъ. Положивъ свое жертвоприношеніе на-земь, они отходили. Тогда птицы, которыхъ стаи уже собирались и поджидали по близости, высылали сперва впередъ двоихъ или троихъ; прилетѣвъ на мѣсто и осмотрѣвшись, эти соглядатаи возвращались къ своимъ и подавали вѣсть. Венеты наблюдали, и если оказывалось, что галки вкушали ихъ дара, то они считали это предвѣстіемъ мирнаго года; въ противномъ случаѣ, ожидали непріятельскаго нашествія.

Быть можетъ, привычкамъ сельскаго быта, столь свойственнаго всѣмъ славянамъ, венеты въ Италиі были обязаны тѣмъ, что они признавались лучшими въ древнемъ мірѣ коневодами. Слава венетскихъ коней относится къ V и IV вѣкамъ до Р. Хр.; потомъ она стала исчезать, конечно, по мѣрѣ того, какъ венеты, отдаваясь болѣе и болѣе городскимъ промысламъ, теряли охоту къ коневодству вмѣстѣ съ другими преданіями сельской жизни ¹⁸⁶).

Впослѣдствіи, у другихъ славянъ, мы увидимъ, что разныя племена или колѣна, на которыя въ древности дѣлились славяне, въ свою очередь подраздѣлялись на общества, состоявшія изъ болѣе или менѣе значительнаго числа селеній (такъ-назыв. *верхи* или *жупы*). Каждое подобное общество, или, чтобы выразиться болѣе наглядно, волость, имѣло свое средоточіе, городъ, т. е., какъ это было въ началѣ, огороженное мѣсто, безъ постоянного населенія, но гдѣ жители составлявшихъ общество селеній сходились для общихъ дѣлъ, для совѣщаній, богослуженія и торга, а въ случаѣ непріятельскаго нападенія находили для себя и стадъ своихъ убѣжище и оборону. Съ теченіемъ вре-

мени, въ городѣ, когда положеніе его было выгодное, водворились постоянные жители, а гдѣ особенно благоприятствовали обстоятельства, тамъ городъ получалъ значеніе преобладающее, дѣлался не только средоточіемъ, но и господиномъ селеній своего округа. Такой ходъ дѣлъ, примѣрами котораго изобилуетъ исторія славянъ, совершился, вѣроятно, и у венетовъ послѣ переселенія ихъ въ Италію, по мѣрѣ развитія между ними городской жизни. Сколько можно судить по скуднымъ указаніямъ, до насъ дошедшимъ, деревни у нихъ считались какъ бы принадлежностью городовъ¹⁸⁷); города съ своими деревнями составляли отдѣльные общества, тамъ что, напримѣръ, городъ Атесте спорилъ о границахъ съ одной стороны съ Патавіемъ, съ другой — съ Вѣнетіей¹⁸⁸). Эти города находятся въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, что тутъ не могло быть рѣчи о межахъ городской земли, а споръ шель, очевидно, о границахъ округовъ, принадлежавшихъ названнымъ городамъ. Но какая была форма правленія у этихъ венетскихъ обществъ—о томъ нѣтъ никакого извѣстія. Только можно, во всякомъ случаѣ, предполагать, что общей государственной власти, а тѣмъ менѣе власти монархической, венеты не имѣли; иначе присоединеніе ихъ къ римской республикѣ не могло бы совершиться, какъ это случилось, безъ всякаго сопротивленія и переворота.

XIV.

Религія венетовъ. — Ихъ семейный вѣтъ.

Вѣрованія, которыя венеты принесли съ собою въ Италію, были, конечно, столь же неопредѣленны, столь же далеки отъ догматической системы, какъ и у другихъ славянъ въ древнюю языческую пору и у всѣхъ первобытныхъ аріидцевъ вообще. Древняя религія славянъ, не чуждая понятія объ единомъ высшемъ Богѣ, заключалась, однако, во вседневной жизни, въ поклоненіи разнымъ явленіямъ или силамъ природы. Онѣ олицетворялись какъ особыя божества, но еще не изображались истуканами, имъ не воздвигали храмовъ. Славяне искали присутствія своихъ боговъ въ таинственной тѣни лѣса или у какаго-нибудь родника и т. п. Ярвый отпечатокъ такого именно поклоненія носить на себѣ святилище венетовъ, описанное Страбономъ. Это замѣчательное, по словамъ Страбона, святилище называлось Тимавомъ¹⁸⁹). Въ самой глубинѣ крайняго къ сѣверу залива, образуемаго Адриатическимъ моремъ, были изъ-подъ горы семь род-

никовъ, которые, сливаясь по близости, широкимъ и глубокимъ потокомъ несли свою воду въ море. Эти родники почитались у жителей источникомъ и матерью моря¹⁹⁰). По близости было озеро и двѣ рощи, посвященныя богинямъ, которыхъ греки принимали одну за Геру (Юнону), какъ ее обожали въ Аргосѣ, т. е. за олицетвореніе плодородной силы природы, другую—за Артемиду (Диану), какъ ей поклонялись въ Этоліи, гдѣ она была представительницею холоднаго свѣта луны, богинею дѣвственной чистоты и свободной жизни въ горахъ и лѣсахъ¹⁹¹). Въ этихъ рощахъ, уѣзжали жители, и дикіе звѣри становились смиренны, волки собирались въ дружное стадо съ оленями и человекъ могъ подходить къ нимъ и ихъ трогать руками, собаки оставались въ своей травлѣ, когда звѣрь уходилъ въ священную рощу¹⁹²). Съ этимъ таинственнымъ святилищемъ венетовъ греческій писатель соединяетъ имя Диомеда: ему, говоритъ Страбонъ, было посвящено Тимаво (*τὸ Τιμαύον*); венеты воздавали ему почести и приносили въ жертву бѣлаго коня¹⁹³). Диомедъ, вмѣстѣ съ Улиссомъ, были, какъ извѣстно, тѣ два греческіе героя Иліады, странствованія которыхъ связывались съ Италіей; какъ Улисса усвоили себѣ преимущественно жители западнаго побережья полуострова, такъ Диомедъ сдѣлался героемъ сказаній, относящихся къ восточнымъ берегамъ Италіи, и въ особенности къ Умбріи¹⁹⁴). Въ понятіяхъ грековъ, а потомъ и римлянъ, имя Диомеда столь же тѣсно соединилось съ умбрами, какъ имя Антенора съ венетами. Отъ Умбріи легенда о Диомедѣ легко могла быть перенесена на сосѣдній съ нею венетскій край. Венеты, по словамъ Страбона, утверждали, что Диомедъ у нихъ кончилъ жизнь свою и сдѣлался богомъ¹⁹⁵). Очевидно, что въ этомъ подразумѣвался какой-нибудь народный герой или полубогъ венетовъ, которому они поклонялись въ своемъ тимавскомъ святилищѣ и приносили въ жертву коня (дѣйствительно, и у другихъ славянъ конь считался существомъ особенно любимымъ богами); а имя Диомеда также случайно приложено къ этому полубогу или герою тимавскаго святилища, какъ имя Антенора къ баснословному родоначальнику венетовъ и основателю Патавіи¹⁹⁶).

Свопившимся въ городъ людямъ уже негдѣ поклоняться своимъ богамъ въ таинственныхъ лѣсахъ; обликъ каждаго божества становится опредѣленнѣе и требуетъ себѣ изображенія. Сооружаются кумиры и имъ строятъ храмы. Это стали дѣлать греки и народы италійскіе; венеты не могли не послѣдовать ихъ примѣру. Титъ Ливій, какъ читатель вспомнитъ, даетъ намъ положительное указаніе, что венеты еще во время своей независимости имѣли въ Патавіи старинный храмъ, и богиню, которой

посвященъ былъ этотъ храмъ, отождествляетъ опять-таки съ Юноной¹⁹⁷), какъ Страбонъ именемъ той же Юноны, т. е. Геры Аргивской, означаетъ одну изъ богинь тимавскаго святилища. Есть также извѣстіе, что на «Янтарныхъ островахъ» Адриатическаго моря, — подъ этимъ именемъ, какъ мы знаемъ, греки въ древнюю пору разумѣли острова венецкаго края, — находились два истукана, на подобіе лежачаго человѣка, одинъ мѣдный, другой оловянный. Работа ихъ была стариннаго образца или, по крайней мѣрѣ, казалась такою грекамъ и поэтому, вѣроятно, греки приписывали ихъ происхожденіе Дедалу, родоначальнику художества въ эллинской мифологіи.

Первобытная религія арійцевъ, а между ними и славянъ, не нуждалась въ особыхъ жрецахъ; старшій въ семьѣ приносилъ жертву Богу или богамъ и возглашалъ слова молитвы. Но коль скоро возникалъ храмъ, ощущалась вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность въ богослуженіи болѣе опредѣленномъ и торжественномъ, и долженъ былъ явиться жрецъ. Жрецы были, безъ сомнѣнія, и у венецовъ¹⁹⁸); были прорицатели¹⁹⁹) и даже открылся у нихъ оракулъ, пользовавшійся большою славою около времени Р. Хр. Оракулъ этотъ находился вблизи Патавія у знаменитыхъ минеральныхъ ключей апонскихъ, о которыхъ мы уже говорили. Гаданье состояло въ томъ, что въ воду Афона бросали игральныя кости²⁰⁰). Бросали также въ Апонское озеро копыя, для гаданья ли или въ видѣ жертвоприношенія²⁰¹). Свѣдѣнія наши о существованіи оракула при Апонскомъ источникѣ относятся только ко времени римскаго владычества; потому можно бы предполагать, что оракулъ образовался подъ влияніемъ греческихъ и римскихъ понятій, когда венецы уже утратили свою независимость²⁰²); но нѣтъ сомнѣнія, что само мѣстное населеніе, которое, какъ было упомянуто выше, связывало эти ключи съ сказаніями о низвергнутомъ сынѣ Солнца, приписывало водѣ Афона какую-то таинственную силу и способность отрывать людямъ загадочное. Если кто-нибудь обвинялся въ покражѣ скотины, то испытаніе производилось кипяткомъ Апонскаго источника: жители вѣрили, что имъ не ошпаривалась шкура у краденаго животнаго²⁰³). Вѣроятно, изъ какихъ-нибудь религіозныхъ представленій возникла также мысль не допускать женщинъ къ купанью въ струяхъ Афона: думали, что это купанье, освѣжающее и крѣпительное для мужчинъ, напротивъ, жгло тѣло женщины²⁰⁴).

О семейномъ бытѣ венецовъ²⁰⁵) мы, послѣ приведеннаго уже разсказа Геродота о способѣ заключенія ихъ браковъ, не находимъ никакихъ прямыхъ извѣстій²⁰⁶). Слова Геродота мы объяснили себѣ въ томъ смыслѣ, что невѣсты покупались жени-

хами и что браки совершались одновременно, на какихъ-нибудь «игрищахъ между селами», какъ это бывало и у другихъ славянскихъ племенъ въ древности. Но изъ этого не слѣдуетъ выводить, будто нравы венецовъ были распутны или семейный союзъ у нихъ слабъ. Нѣтъ, мы можемъ положительно сказать противное. Во времена римскихъ императоровъ, среди самаго глубокаго разврата, овладѣвшаго всеми слоями общества въ Италіи, венецкій городъ Патавія славился чистотою своихъ нравовъ, патавинскія женщины почитались образцомъ строгости²⁰⁷), застычивость патавинскихъ дѣвушекъ вошла въ пословицу²⁰⁸). Конечно, не подъ римскими влияніями могли образоваться такіе нравы. При Тиберіи, Неронѣ и Домцианѣ главный городъ венецовъ далъ Риму семейство, которое въ трехъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ олицетворяло собою святыню супружеской любви и самоотверженія. Дѣятельность этого доблестнаго патавинскаго²⁰⁹) семейства, Арріи старшей, умѣвшей простереть преданность своему мужу до героизма²¹⁰), ея дочери, младшей Арріи, и зятя, знаменитаго мужествомъ гражданскимъ и добродѣтелью Трасен Пэта²¹¹), наконецъ внучки Фаннии, «святой и цѣломудренной женщины, достойной своего отца Трасен», какъ выразился о ней современникъ²¹²), — дѣятельность этихъ людей не относится къ нашему предмету, потому что жизнь ихъ протекла въ Римѣ, среди римскаго общества, въ составѣ котораго народность венецовъ въ ту пору уже исчезала. Но хотя это семейство жило въ Римѣ и дѣйствовало въ римскомъ обществѣ, однако по духу своему оно еще принадлежало своей провинціи²¹³), своему старому венецкому корню. Конечно и самая развращенная среда (а въ тогдашнемъ Римѣ, растлѣніе нравовъ дошло до размѣровъ, едва-ли когда-либо виданныхъ въ мірѣ) можетъ произвести какія-нибудь отдѣльныя исключительныя личности, которыя въ собственной силѣ духа находятъ точку опоры, чтобы устоять во всеобщемъ нравственномъ крушеніи. Но когда, въ такое время, образецъ нравственной чистоты и доблести представляется какъ бы наслѣдственно одной семьей въ трехъ поколѣніяхъ, то очевидно, что тутъ дѣйствовала не одна только личная энергія, но и сила семейнаго союза, семейнаго преданія. Только въ такой средѣ, гдѣ еще живъ и свѣжъ былъ духъ семейный, могли выработаться преемственно въ трехъ поколѣніяхъ подобныя характеры, и только такая среда могла уберечь, въ эпоху Нероновскаго разврата, чистоту нравовъ, которую прославляютъ въ патавинскихъ женщинахъ и дѣвушкахъ римскіе писатели, подкрѣпляемые въ своемъ свидѣтельствѣ живымъ примѣромъ Арріи старшей и ея дочери и внучки. Нѣтъ

сомнѣнія, семейная жизнь была чиста, семейная связь сильна у древнихъ венецовъ.

Рабство существовало у нихъ. Хотя это намъ извѣстно только по свидѣтельству, относящемуся до времени римскаго владычества, однако нельзя предполагать, чтобы и въ пору независимости своей венецы остались чужды учрежденія, которое было такъ сильно вкоренено у этрусковъ и другихъ народовъ въ ихъ содѣйствѣ. Развитие городской жизни, накопленіе богатствъ, торговая дѣятельность, всѣ эти условія, при господствовавшихъ въ древнемъ мірѣ понятіяхъ и привычкахъ, порождали спросъ на рабовъ и облегчали ихъ приобрѣтеніе. Но единственное дошедшее до насъ извѣстіе, въ которомъ идетъ рѣчь о рабахъ у венецовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о добрыхъ отношеніяхъ между ними и ихъ господами. Именно, одинъ римскій писатель рассказываетъ, что когда въ Италіи, послѣ убіенія Юлія Цезаря, кипѣла междоусобная война и одинъ изъ вождей республиканской партіи, Азиній Полліонъ, занявъ городъ Патавіи (венецы были на сторонѣ приверженцевъ Цезаря), то онъ сталъ требовать отъ жителей выдачи денегъ и оружія; а какъ хозяева вслѣдствіе этого попрятались, то Полліонъ обѣщалъ свободу и награжденіе рабамъ, которые укажутъ своихъ господъ; и не нашлось между патавинскими рабами ни одного, который бы, польстясь на это, выдалъ своего господина²¹⁴): — черта нравовъ, вполне согласная съ тѣмъ, что мы знаемъ о семейномъ бытѣ венецовъ.

XV.

Связи венецовъ съ Римомъ. — Они добровольно подчиняются его государственной власти.

Римляне, послѣ долгой борьбы съ самнитами за обладаніе среднею Италіею, послѣ многихъ войнъ съ галлами, часто помогавшими самнитамъ, одолѣвъ тѣхъ и другихъ и упрочивъ свое господство на южной сторонѣ Апенниновъ, въ началѣ III вѣка до Р. Хр. перенесли войну за этотъ хребетъ, въ самыя владѣнія галловъ. Они покорили ближайшіе ихъ края и, прогнавъ или истребивъ тутъ галльское населеніе, устроили на берегу Адриатическаго моря колоніи: Сеногалію (нынѣшн. Синигалья) въ 283, Ариминумъ (Римини) въ 268 г. Такимъ образомъ границы римскаго государства приблизились къ венецкой землѣ. Между венецами и владѣніями Рима оставался теперь только край галльскаго колѣна боіевъ, обнимавшій города Парму, Мутину (Мо-

дена), Бононію (Болонья). Начались съ ними столкновенія. За боіевъ вооружились другія галльскія колѣна и въ особенности сильнѣйшее изъ нихъ, инсубры, владѣвшіе нынѣшней Ломбардіей. Венецы помогали римлянамъ²¹⁵), и замѣчательно, что въ этихъ войнахъ, вмѣстѣ съ венецами сторону Рима принимали и ближайшіе сосѣди ихъ къ западу, кеноманы, галльское колѣно, водворившееся около Гардскаго озера и по обѣимъ сторонамъ Минчія: объясняется ли дружба эта тѣмъ, что кеноманы успѣли уже смѣшаться съ венецами, какъ полагаетъ историкъ Моммзенъ²¹⁶), или какими-нибудь другими обстоятельствами, мы не знаемъ.

Въ 238 г. боіи, уже прежде испытавшіе на себѣ силу римскаго оружія, возобновили съ ними войну, призвавъ помощь отъ заальпійскихъ галловъ. Война велась нѣсколько лѣтъ; наконецъ, инсубры и боіи собрались нанести Риму рѣшительный ударъ. Римъ, заблаговременно отправивъ посольство къ венецамъ и кеноманамъ, обезпечилъ себѣ ихъ содѣйствіе. Они собрали 20,000 человекъ войска, готоваго вступить въ предѣлы боіевъ, такъ что галлы принуждены были оставить дома часть своихъ силъ для защиты. Остальное, вторгнувшееся въ римскія владѣнія, войско потерпѣло совершенное пораженіе (225 г.). Римляне перенесли войну въ собственные предѣлы галловъ, утвердились въ землѣ боіевъ и за тѣмъ перешли и за р. По. Миланъ и Комо, главные города инсубровъ, были заняты (222 г.); венецы сдѣлались непосредственно сосѣдями римскаго государства. Въ то же время Римъ приступилъ къ дѣятельнымъ предпріятіямъ для уничтоженія пиратовъ, гнѣздившихся на берегахъ Далмаціи и Иллиріи (нынѣ Албанія) и состоявшихъ подъ покровительствомъ, часто даже на службѣ, тамошнихъ князей. Въ 229 г. римлянамъ удалось сломить силу значительнѣйшаго изъ этихъ разбойническихъ князей, Скодрскаго (Скодра — нынѣ Скадаръ или Скутари, въ сѣверной Албаніи). Условія мира, наложенныя Римомъ, отняли у владѣльцевъ Скодры средства вредить торговлѣ на Адриатикѣ. Вскорѣ потомъ римляне предприняли (221 г.) походъ противъ истровъ²¹⁷), чтобы также положить конецъ ихъ разбоямъ. Мы уже указывали на то, какъ подобныя дѣйствія должны были привлекать венецовъ къ Риму. Походъ въ Истрію былъ бы невозможенъ, если бы римляне не имѣли точкою опоры землю венецовъ, и не распоряжались вполне ея средствами. Это первое предпріятіе противъ истровъ не повело еще однако къ завоеванію ихъ края. Въ то время надъ самымъ Римомъ скоплялась гроза. Ему приходилось защищать свое собственное бытіе отъ смѣлаго предпріятія Ганнибала. Инсубры, боіи, впоследствии и самниты

и всѣ недавніе соперники Рима въ Италіи, присоединились въ геніальному кареагенскому вождю; вепеты, а съ ними и кеноманы, остались непоколебимы. Они не только поддерживали дѣло Рима въ сѣверной Италіи, но вепеты доставляли, какъ вѣжеться, и вспомогательные отряды римскому войску²¹⁸).

Страшная борьба, называемая второю пуническою войною, кончилась, какъ извѣстно, полною побѣдою римлянъ (201 г.) и измѣненіемъ всѣхъ политическихъ отношеній. Римъ, поставившій себя цѣлю только обладаніе Италіей, сталъ теперь первенствующею державою міра²¹⁹) и непредназначенно, нехотя, одною силой вещей, долженъ былъ подчинить себя поочередно всѣ страны вокругъ Средиземнаго моря.

При самомъ исходѣ пунической войны, когда главное войско Рима сражалось въ Африкѣ, галлы сѣверной Италіи, служившіе передъ тѣмъ точкою опоры Ганнибалу, сдѣлали новую попытку къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Рима. Къ боимъ и инсургамъ присоединились въ этотъ разъ и кеноманы. Кроваво-плотная война (201—193) привела къ совершенному истребленію боіевъ и къ пораженію всѣхъ кельтскихъ колѣнъ въ сѣверной Италіи. «Такъ кончилась,—повторимъ слова современника, грека Полибій,—война съ кельтами: война, по отвагѣ и мужеству соперниковъ, по значительности битвъ и множеству людей въ нихъ сражавшихся и погибавшихъ, не уступающая ни одной изъ извѣстныхъ въ исторіи, но, что касается до задуманнаго плана и способа исполненія, совершенно безсмысленная; ибо не въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, но постоянно и вообще все, что дѣлають галлы, внушается страстью болѣе чѣмъ разсудкомъ»²²⁰).

Какъ скоро владычество Рима, съ покореніемъ боіевъ и инсургровъ и другихъ галльскихъ колѣнъ, распространилось до р. По, Гардскаго озера и Альпъ,—вепеты сами собою вошли въ составъ римскаго государства. Это совершилось такъ легко и, можно сказать, такъ естественно, что присоединеніе ихъ прошло вовсе незамѣченнымъ. Ни однимъ словомъ не упоминается о приобрѣтеніи Римомъ столь важной и богатой области, даже въ подробномъ и часто мелочномъ разсказѣ Тита Ливія. Если бы какая-нибудь борьба или какой-нибудь переворотъ ознаменовали паденіе независимости вепетовъ, то менѣе всѣхъ патавинцевъ Ливій оставилъ бы ихъ безъ вниманія. Изъ хода его разсказа очевидно, что распространеніе римской государственной власти на вепетскій край не потребовало никакихъ особенныхъ распоряженій и усилій, и что въ 186 г., т. е. не болѣе какъ 7 лѣтъ спустя послѣ покоренія галльскихъ владѣній въ Италіи, вепеты состояли уже подъ управленіемъ римскаго начальника. Вотъ случай, который это обнару-

живаешь. Въ 186 г., по извѣстію Ливія, галлы сдѣлали новую попытку перейти изъ-за Альпъ въ Италію. Въ этотъ разъ они шли черезъ восточную часть Альпъ (вѣроятво изъ Норика или Карній) въ Адриатическому морю и шли уже не завоевателями, а мирными переселенцами. Никого не трогая, вступили они въ землю вепетовъ и расположившись въ пустой мѣстности, гдѣ потомъ возникла Аквилея, стали тутъ обстроиваться. Римскій сенатъ, при первомъ извѣстіи объ этомъ, отправилъ посольство, съ жалобою и угрозами, къ тому галльскому племени за альпами, отъ котораго вышли переселенцы. «Какъ смѣли они, говорили между прочимъ послы, прийти безъ спросу въ Италію, нарушивъ неприкосновенность альпійской границы, и безъ позволенія римскаго начальника, правившаго областью, строить городъ на чужой землѣ²²¹)!...» Дѣло кончилось тѣмъ, что Римъ выпроводилъ мирнымъ образомъ непрошенныхъ колонистовъ обратно изъ вепетскаго края за Альпы.

Итакъ, въ 186 году земля вепетовъ была уже римскимъ владѣніемъ. Римляне были до того увѣрены въ добровольной покорности вепетовъ, что не сочли даже нужнымъ обезмечить ихъ послушаніе устройствомъ колоній въ ихъ землѣ, подобно тому, какъ они это дѣлали среди всѣхъ другихъ племенъ Италіи. Колонія, которую Римъ съ перваго же раза отправилъ въ эту сторону, не только не имѣла значенія угрозы для вепетовъ, а напротивъ, могла существовать только при ихъ опорѣ и предназначалась для дѣйствій противъ прилегающихъ къ вепетамъ съ востока и сѣвера враждебныхъ племенъ истровъ и карновъ. Эта колонія была Аквилея, устроенная, по выраженію Страбона, для обороны отъ жившихъ за вепетскимъ краемъ варваровъ²²²), въ той самой мѣстности, гдѣ хотѣли поселиться пришедшіе изъ-за восточныхъ Альпъ галлы. Она была основана тотчасъ послѣ ихъ удаленія, въ 183 году²²³). За тѣмъ и всѣ дальнѣйшія извѣстія о вепетскомъ краѣ подтверждаютъ полную зависимость его отъ Рима. Такъ, подъ 174 годомъ, разсказывается, что въ Патавіи произошелъ между жителями города раздоръ, дошедшій до кровопролитія. Патавинцы тотчасъ отправили посольство съ донесеніемъ объ этомъ въ Римъ, и сенатъ поручилъ консулу Марку Эмилию ѣхать на мѣсто и разобрать дѣло²²⁴). Были также у вепетовъ, какъ нами упомянуто, споры между разными городами о границахъ ихъ округовъ: городъ Атесте спорилъ съ Патавіемъ и Вѣкетіей. Постановленія римскаго сената разрѣшили эти тяжбы, и римскіе проконсулы (въ 141 и 135 гг.) утвердили межи и поставили граничные знаки: три такихъ камня, съ высѣченными на нихъ надписями на латинскомъ языкѣ, уцѣлѣли понынѣ²²⁵).

XVI.

ВЕНЕТЫ ИСЧЕЗАЮТЪ ВЪ РИМСКОЙ НАРОДНОСТИ.

Ни одинъ, даже изъ незначительнѣйшихъ народовъ Италіи, не отказался отъ своей независимости, не покорился Риму такъ легко и просто, какъ это сдѣлали венеты. Всѣ, и этруски, и умбры, и самниты, и лигуры, и кельты, даже мелкія колѣна латинскія, упорно, а нѣкоторыя до совершеннаго истощенія силъ, защищали свою свободу; добровольно, какъ венеты, никто изъ нихъ ею не жертвовалъ. Изъ новѣйшихъ историковъ иные объясняли это малодушіемъ или изнѣженностью со стороны венетовъ; другіе, не допуская возможности, чтобы они безъ борьбы подчинились чужой власти, предполагаютъ, что извѣстія объ этой борьбѣ какъ-нибудь пропущены древними писателями. Но такой пропускъ былъ бы слишкомъ невѣроятенъ, и особенно трудно ожидать его отъ патавинца Ливія²²⁶). А что венеты, хотя природа и климатъ ихъ страны и считались располагающими къ нѣгѣ²²⁷), не были лишены мужества и, когда хотѣли, умѣли храбро защищаться, доказываетъ ихъ стойкость противъ галловъ, ихъ образъ дѣйствій противъ спартанца Клеонима. Дѣло тутъ не въ малодушіи, не въ отсутствіи личной доблести, а въ общественной неразвитости. Отдѣлившись отъ славянскаго племени въ такое время, когда его политическая жизнь еще не начиналась, венеты не могли принести съ собою въ Италію никакихъ задатковъ для самостоятельнаго устройства государственнаго. Отъ галловъ, отъ спартанскихъ пиратовъ они оборонялись, потому что тѣ врывались къ нимъ какъ грабители; но когда они увидѣли передъ собою римлянъ, съ ихъ стройнымъ государственнымъ порядкомъ, съ ихъ твердыми правительственными учрежденіями, венеты поспѣшили къ нимъ на встрѣчу, добровольно къ нимъ пристали, безпрекословно поддались ихъ правленію.

Съ этого времени судьба италійскихъ венетовъ перестаетъ принадлежать славянскому міру. Венеты весьма скоро усвоили себѣ и латинскій языкъ и всѣ признаки римской народности. Уже въ 141 г. латинскій языкъ, какъ показываютъ надписи о разграниченіи между венетскими обществами, былъ тамъ языкомъ правительственнымъ. И въ преемное уже время, мы видѣли, городская жизнь начинала преобладать у венетовъ надъ сельскою. Венеты были, такимъ образомъ, совершенно подготовлены принять образъ жизни и учрежденія римлянъ. Наконецъ, и религіозныя представленія венетовъ легко было приладить къ мнѳологіи рим-

ской или заимствованной римлянами греческой. Только главный народный богъ венетовъ, Бѣлинъ, который, вѣроятно, подобно Бѣль-богу у другихъ славянъ, былъ олицетвореніемъ свѣта, — сохранилъ до нѣкоторой степени значеніе отдѣльнаго мѣстнаго божества, хотя и его старались слить съ греческимъ и римскимъ Аполлономъ²²⁸), да кромѣ того припоминались еще извѣдка имена другихъ туземныхъ боговъ, какового-то «добраго бога Бронтона», въ которомъ находили сходство съ Юпитеромъ²²⁹), какового-то бога Гаута-отца²³⁰), бога Огня и какой-то богини, которая называлась, кажется, Бал и соотвѣтствовала, быть можетъ, римской Фортунѣ²³¹); но, за исключеніемъ этихъ немногихъ, теперь для насъ загадочныхъ, остатковъ народной мнѳологіи, божествами венетской земли сдѣлались римскіе Юпитеръ, Янусъ, Плутонъ, Діана, Венера, Сильванъ, Нимфы и т. д.

Всего болѣе ускорило сліяніе венетовъ съ римскою народностью то, что они рано получили право римскаго гражданства. Извѣстно, какія огромныя преимущества связаны были въ римскомъ государствѣ съ этимъ правомъ. Венеты заслужили его, конечно, своею преданностью Риму, но этой мѣры стало требовать Юлій Цезарь (въ 68 г.) изъ личныхъ видовъ, въ противодѣйствіе аристократической, консервативной партіи римскаго сената, и когда онъ достигъ господства, то осуществилъ это на дѣлѣ (49 г.). За то венеты и ихъ сосѣди, потомки римскихъ колонистовъ, занявшихъ галльскія области верхней Италіи, и смѣшавшихся съ ними туземцевъ, были главною точкою опоры Цезаря какъ для поворенія Галліи за Альпами, такъ и для завоеванія верховной власти въ римскомъ государствѣ; въ этой странѣ набиралъ онъ свои легіоны. И какая была преданность ему въ венетскихъ населеніяхъ! Вотъ тому примѣръ: въ началѣ войны съ Помпеемъ, отрядъ новобранцевъ изъ венетскаго города Опитергія (нынѣ Одерцо), плывшихъ на плохомъ суденушкѣ моремъ на соединеніе съ войсками Цезаря, случайно наткнулся на эскадру кораблей Помпеевыхъ; окруженные отовсюду непріателемъ, они все-таки не хотѣли сдаться и оборонялись цѣлый день, падая одинъ за другимъ подъ непріятельскими копьями и стрѣлами; наконецъ, когда наступила ночь, немногіе, оставшіеся въ живыхъ, наложили на себя руку, и такъ они погибли до единого²³²).

Послѣдствіемъ принятія венетовъ въ число гражданъ Рима было то, что знатнѣйшіе изъ нихъ дѣлались членами римскаго сената²³³) и чрезъ то вступали въ ряды римской аристократіи; другіе, менѣе знатные, но достаточно богатые, причислялись къ сословію римскихъ всадниковъ. Въ одномъ городѣ Патавіи, при народосчисленіи, бывшемъ около времени Рождества Христова,

было сочтено до 500 человекъ, имѣвшихъ по цензу право на званіе всадниковъ, т. е. имѣвшихъ состояніе не менѣе 400,000 сестерцій (около 20,000 р. на наши деньги) ²³⁴). Но, получая римское гражданство, «провинціалъ» римскаго государства подчинялся всѣмъ условіямъ и обязательствамъ римскаго права, не только въ общественномъ, но и въ семейномъ быту, онъ обыкновенно принималъ римское имя и фамилію и считалъ бы для себя униженіемъ не быть вполне римляниномъ, сохранять какія-нибудь примѣты своего не-римскаго происхожденія ²³⁵). Конечно, въ низшихъ слояхъ населенія, народные обычаи, вѣрованія и языкъ не могли скоро исчезнуть. Память о венецахъ, какъ особой народности, жила еще долго и долго еще проявлялись ея признаки подъ оболочкою римскихъ формъ ²³⁶). Вліяніе Рима шло сверху внизъ. Римъ всегда сманивалъ къ себѣ сначала мѣстную знать своихъ провинцій и вообще высшій классъ народа, и черезъ него держалъ въ рукахъ остальное населеніе, мало по малу распространяя и въ немъ латинскій языкъ и формы римской жизни. Коль скоро высшій классъ успѣлъ сдѣлаться римскимъ, вся страна была упрочена за Римомъ и казалась принадлежащею латинской народности. Такимъ образомъ, уже полтора-ста лѣтъ послѣ присоединенія венецкаго вѣя къ римскому государству, географъ Страбонъ писалъ: «тамошніе жители называются венецами, но они римляне» ²³⁷). Явились въ это время изъ среды венецовъ люди замѣчательные, знаменитые: великій поэтъ Виргилій, уроженецъ Мантуи, венець по происхожденію ²³⁸); историкъ Титъ Ливій, патавинскій уроженецъ; Трасеа Пѣтъ, осмѣлившійся хранить честность свободнаго гражданина подъ правленіемъ Нерона и имъ умерщвленный, Трасеа, уроженецъ того же Патавія и о которомъ, также, какъ о доблестномъ его семействѣ, мы уже упоминали. Это семейство и самъ Трасеа, идеалъ мужества соединеннаго съ кротостью, и поэтъ Виргилій, и историкъ Титъ Ливій, всѣ они принадлежали римскому міру; ихъ мѣсто въ римской исторіи ²³⁹).

Наконецъ, когда, послѣ шестисотъ лѣтъ процвѣтанія и постепеннаго упадка въ составѣ римскаго государства, земля венецкая сдѣлалась добычею сѣверной орды гунновъ и воинственныхъ дружинъ нѣмецкихъ, ругіевъ, готовъ, лангобардовъ, и потомки древнихъ венецовъ, спасаясь отъ насилія и истребленія, укрылись среди приморскихъ лагунъ и основали здѣсь общину рыбаковъ и мореходцевъ, которая превратилась со временемъ въ великолѣпную царицу Адриатики, — въ этомъ новомъ росткѣ венецкаго племени, въ этихъ венеціанцахъ не оставалось слѣда славянскаго происхожденія. Люди эти по языку, по духу, по

всѣмъ преданіямъ и стремленіямъ стали уже въ полномъ смыслѣ латинцами, и когда имъ впоследствии приходилось имѣть дѣло съ славянскими народами, то они были имъ такіе же чужіе, какъ и прочіе жители Италіи ²⁴⁰).

А. Гильфердингъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹) Были и другія второстепенныя видоизмѣненія этого названія, напр., гвнники, виведи, венады, венопод и т. п. Исчисленіе ихъ можно найти въ «Славянскихъ Древностихъ» Шафарика.

²) Коренное *t* у германцевъ сперва переходило въ *th* (какъ въ готскомъ языкѣ), а потомъ въ *d* (какъ въ древне-нѣмецкомъ), но очень часто уже и въ готскомъ языкѣ являлось *d*. См. Grimm. Gesch. des deutsch. Spr. I, 289. Schleichner, Compendium der vergl. Gram. 327 (2-е изд.). Въ названіи, насъ занимающемъ, встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ и формы съ *th*, соответствующія готскому произношенію, напр. у Павла Діака. I, 13: *Anthair, Banthair*, о которыхъ будетъ сказано впоследствии.

³) Tac. Germ. 46. Во всѣхъ рукописяхъ читается *Venetī*, если же въ нѣкоторыхъ изданіяхъ печатается *Venedī*, то это произвольная и неумѣстная поправка.

⁴) Другія сходныя финскія формы этого имени см. у Шафарика (Слав. Др., пер. Водянскаго I, 1, 154).

⁵) Въ сосѣдствѣ трибалловъ и дардавовъ, народовъ восточнаго пограничья, замѣчательныя пинышныя Сербію. См. Appian. de bello Mithrid. 55. *Kai Sallas tēn en toisai de aghian diatithēmenos, Evetois kai Darđanias kai Sintonis, perioika Makedonon Iθnē, sunexōs es Mazedonias euzallontes, epion epōrthei*. Eusebius. ad Pind. β 852 *h̄n de kata tōn anagragōra tōn Iθnikōn kai Iθnos para Triballois Evetoī*. Въ греческихъ книгахъ имя это пишется двояко: *Evetoī* и *Evetoī*.

⁶) По Аристоклею, народъ додонскій назывался въ древности *греками*; но это имя употреблялось и въ болѣе общемъ смыслѣ: *Γραικες δὲ παρὰ Ἀλλήων αἱ τῶν Ἑλλήνων μήτερες καὶ παρὰ Σοφοκλέϊ ἐν Ποιμένει*. Steph. Byz. Евстацій (ad П. XII. 20 р. 890) указываетъ также, что Софокль, слѣдуя древнимъ, и Ликофронъ употребляли имя грековъ въ это званіе (*τῶν Γραικῶν... οὗς ἢ μὲν συνίθεια, καὶ Σοφοκλῆς δὲ πῶν κατὰ τοὺς παλαιοὺς, καὶ ὁ Ανθόφρων δὲ διὰ τοῦ ἐν ἀρχῇ γ προσφέρουσι ἐπὶ Ἑλλήνων, οἱ βάρβαροι δὲ Ραικούς φασὶ δίχα τοῦ γ*). Замѣтимъ, что это имя употребляется не только римлянами, вѣянами, славянами, но и ближайшими сосѣдми эллиновъ, албанцами: гъркъ или грек.

⁷) Ср. древнюю форму имени вятицкаго города Брянска (Орловской губерніи) — Дбрянскъ.

⁸) Вятичи, какъ видно изъ первыхъ русскихъ свидѣтельствъ, были единственное, въ древнюю пору, славянское племя, жилища котораго принадлежали вполне бассейну Волги (т. е. Ока и другія ея притока). Медленность историческаго развитія вятичей выказывается, между прочимъ, въ томъ, что они долѣе всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ на Руси оставались въ сторонѣ отъ возникшей въ ней государственной жизни, долѣе сохраняли свою мѣстную особенность и свое племенное имя и послѣдніе изъ русскихъ славянъ обратились въ христіанство.

⁹) Мы изумляемся тому, какъ до сихъ поръ даже самыми серьезными исто-

риками нашли (см. между прочимъ Соловьева, Исторія Россіи, т. I, издан. 4-е, стр. 61) повторяется, какъ историческій фактъ, сказаніе древнѣйшаго русскаго летописца о двухъ братьяхъ, Радимѣ и Вятичѣ, какъ родоначальникахъ радимичей и вятичей и о томъ, что племена эти пришли «отъ ляховъ»,—тогда какъ въ наше время никто уже не рѣшился бы выдать за историческій фактъ, легенду о происхожденіи греческихъ племенъ отъ братьевъ Дора и Эола, сыновей ессалийскаго царя Элина, и племянника ихъ Иона. Г. Соловьевъ утверждаетъ даже, что «мы не имѣемъ никакаго права заподозрить это преданіе»—о происхожденіи радимичей и вятичей отъ ляховъ. Спрашивается только: есть ли какаа-либо возможность, чтобы самое восточное изъ славянскихъ племенъ на Русѣ, какъ вятичи, происходили отъ одной изъ крайнихъ къ западу вѣтвей славянскихъ, какъ ляхи? Есть ли малѣйшая вѣроятность къ передвиженію двухъ славянскихъ вѣтвей съ запада на дальній востокъ, когда, напротивъ, вся исторія показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, до IX вѣка переселеніе славянъ шло всегда съ востока на западъ? Наконецъ, даже если бы какаа-нибудь вѣтвь ляховъ предприняла движеніе въ обратномъ смыслѣ, то не отодвинула ли бы она скорѣе другія, ближайшія къ ней племена, вмѣсто того, чтобы пройти вширь всю славянскую землю и поселиться на краю ея? Нельзя же вятичей и радимичей, племена, занимавшія своимъ жилищемъ столь обширныя пространства (нѣсколько пинѣйскихъ губерній), принять за какаа-нибудь подвижныя дружины искателей приключеній.

¹⁰ Пока въ произношеніи восточныхъ славянъ еще удерживались носовые звуки (сохранившіеся доселѣ у поляковъ и отчасти у болгаръ), слово вятичи выговаривалось, вѣроятно, какъ-нибудь въ родѣ вантчи или унтчи, и въ этомъ видѣ мы находимъ это имя у баварскаго землеписца (см. Шафарикъ, Слав. Древн., прилож. стр. 70): *Sebbirozi, Unlizi* (читай *Unlizi*), т. е. сѣверцы, вятичи. О вятичахъ землеписецъ прибавляетъ замѣчаніе, что это «народъ многочисленный», *populus multus*. Впрочемъ, объ этомъ памятникѣ, который Шафарикъ, повидимому, совершенно основательно относитъ къ концу IX вѣка, будетъ говорено впоследствии.

¹¹ Несмотря на близкое созвучіе, имя вяти и т. п. не имѣетъ ничего общаго съ словомъ вящій. Въ первомъ коренная согласная *m*, въ послѣднемъ *k*. Вящій замѣняетъ коренную форму въ къшій (въ глагольск. памятникахъ ми и читаемъ, напр., векше *vi. вяще*; сравн. польск. *wieści*), соответствующую точь-въ-точь древне-индійскому *baṅkṣājas*, сравнит. степеніи слова *бахула*—густой, толстый, большой. Корень словъ *вякъшій*, *вящій* и *банкṣājas* заключается въ древне-индійск. *баху*—обильный и, какъ нарѣчіе (очень, вполнѣ), въ древне-болгарск. памятникахъ *бъхъ*: вполнѣ, совершенно и др.

¹² Фракіицы звали свою землю *Аріей*, Steph. Byz. *Θράκη: ἔστι δὲ ἡ Θράκη χώρα, ἣ Πέρση ἐκαλεῖτο καὶ Αρία*. Что касается кельтовъ, то, по мнѣнію Пикте, имя *Эрпнъ* (Ирландія), иры и т. д. происходитъ отъ корня *арја*.

¹³ Остатки его представляются еще въ нарѣчій штирійскихъ словенцевъ; именно въ край около рѣкъ Песияци, Щавяци и Дравы, въ юго-восточномъ углу Штиріи, словенцы употребляютъ выраженія: «на мой ванъ, на твой ванъ, на ванъ Божья», въ смыслѣ: ради меня пль любя меня, ради тебѣ, «на волю Божью». (Novice 1859 г., № 14). Къ этому же корню относятся слова, сохранившіеся въ памятникахъ древне-болгарскихъ: *оунпги*, *оунж*—предпочитать; *оуній*, *оунъши*—лучшій (собств. предпочтительный), *оуне*—предпочтительно, *оунъшина*—лучшее.

¹⁴ Jord. 29. cuius (urbis Ravennae) dudum, ut tradunt maiores, possessores Venetii (по другому чтенію *Enetii*), id est laudabiles, dicebantur. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ вмѣсто *Venetii* ставится греческое слово *Λίετοί*; но это произвольная поправка, неуклюжесть которой очевидна.

¹⁵ То же преданіе перешло къ Павлу Діаконову (Hist. Langob. II, 14) и въ древнюю венеціанскую летопись, известную подъ названіемъ *Chronicon Altinate* (Archivio sto-

rico italiano, appendice, V, 103): «Tote iste quas supra diximus civitates... edificaverunt ipsi Troiani, qui cum Enea illorum princeps, quos antea gentiles fuerunt, venientes de illa antiqua magna Troia. Que modo, ab Enea nomine, Adreata (читай: Adreata) Enetici nuncupantur. Enetici namque laudabiles dicuntur».

¹⁶ Въ этомъ отношеніи сохранилось оно и у славянъ: чешское *дясъ* или *дясель*—злой духъ, чортъ (въ *Mater. Verb. das: genus; въ старинныхъ чешскихъ памятникахъ дъсъ*—чудоупищій зміи, *leviathan*), откуда *дъсити*—устрашать, ужасать и т. д. Замѣтимъ, что по формѣ своей чешское *дясъ* соответствуетъ древне-индійскому *дасю*, съ переходомъ смягченія въ первый слогъ, а форма *дясель* (родит. *дясла*) представляется тоже слово *дасю* въ расширенномъ видѣ, *дасява*, при чемъ конечное *в* перешло въ *з*, какъ весьма часто бываетъ у славянъ.

¹⁷ Бродячими звѣроловами описываютъ финскія племена всѣ древнѣйшія свѣдѣтельства, см. въ особенноти Тацита, Germ. 46.

¹⁸ Въ языкѣ древне-индійскомъ, подлѣ глагола *чуд*, *когонать* и т. п., стоитъ совершенно однокло слово *чѣдъям*, изумленіе, удивленіе. Если это слово дѣйствительный обломокъ старинна, а не какае-нибудь позднѣйшее книжное порожденіе, то можно бы подумать, что названіе *чудл*, какъ синонима *туровъ* или *дасовъ*, существовало уже въ азіатской родинѣ арийцевъ и тамъ соединилось съ понятіемъ о сверхъестественной силѣ, и что славяне перенесли это, уже готовое, названіе на европейскіхъ своихъ сосѣдей финскаго поколѣнія.

¹⁹ Таково было первое, матеріальное значеніе слова *чудо*, какъ показываетъ беспословное *чудо-юдо*, то есть, слово въ слово, «чудоище, водяное животное»: юдо соответствуетъ древне-индійскому *jādas* (средн. рода: *родит. jādasas*) водяное животное.

²⁰ Не слѣдуетъ причислять сюда слова *чужой* и другихъ, принадлежащихъ къ одному съ ними корню. Корень слова *чудо* и неразрѣзанаго съ нимъ названія *чудъ* есть *куд*, какъ показываетъ русское кудесникъ и присутствіе звука *ч* какъ въ древне-индійскомъ глаголѣ *чуд*, такъ и въ формахъ древне-болгарской (*чудо*, *чудитися*, *удивлятися*), сербской (*чудо*, *чудитисе*), и словацкой (*чудъ*, *чудовати-са*). Между тѣмъ, корень слова *чужой*—*тюд*, и *ч* тутъ свойственно только русской рѣчи, а въ древне-болгарскихъ памятникахъ это слово звучитъ *штуждъ*, *щуждъ* (форма *чуждъ* есть позднѣйшій русизмъ), но-сербски—*тудъ*, но-словацки *чузъ*, но-чешски *чиза* (древнѣе *кюзъ*, *кузъ*). Поляки правильно по законамъ своего нарѣчія, образовали форму *чудзи* (*чужой*) изъ корня *тюд*, смѣшали съ нимъ и слово *чудо*, изъ котораго сдѣлали *чудъ*; но это исключительная и случайная неправильность. Къ тому же корню *тюд*, отъ котораго происходитъ слово *чужой*, относится и встрѣчаемое въ древне-болгарскихъ памятникахъ выраженіе *штудъ*, *щудъ* въ смыслѣ ислонлицъ (*yivias*); хотя иногда встрѣчается и форма *чудъ*, но это опять-таки позднѣйшій русизмъ, и нима это не должно быть смѣшиваемо съ словами *чудо* и *чудъ*; о происхожденіи его мы скажемъ впоследствии.

²¹ Читай: *Вантис*.

²² Servius in Aen. I, 242: Antenor—urbem Patavium condidit, id enim responsi assererat eo loco condere urbem, quo sagittis avem petisset, ideo ex avis petitas auspicio Patavium nominatum. Idem in Aen. I, 247: Patavium autem dictum vel à Padi vicinitate, quasi Padavium (это этимологія, придуманная, какъ видно, самимъ комментаторомъ, и недѣлая тѣмъ болѣе, что р. Падъ течетъ совсѣмъ не близко отъ Патавіи); vel *ἀπὸ τοῦ πέτα σθαι*, quasi Petavium, quod captato augurio dicitur conditum; vel quod avem telo petisse dicitur et eo loco condidisse civitatem. Комментарій Виргилія, приводя сказанія о происхожденіи имени Патавіи отъ птицы, старается подвести ихъ подъ какаа-нибудь этимологію изъ греческаго или латинскаго языка и изобрѣтаетъ названіе *Petavium* вмѣсто *Patavium*, чтобы оно подходило подъ слово *πέτασθαι*

(летать) или ретере (цѣлать), по очевидно, что это искусственный оборотъ, данный народной легендѣ.

²³⁾ См. словарь Востокова подъ словомъ пъта. Что была и соответствующая форма въ мужскомъ родѣ, пать или пътъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, производное пътишти, т. е. птенецъ: пътишти орлы, птенцы орлиные, въ Сборникѣ 1073 года.

²⁴⁾ Въ языкѣ древне-индѣйскомъ пат, патами, греч. *πέτασμα*.

²⁵⁾ Во всѣхъ другихъ языкахъ мы находимъ производныя болѣе сложныя, напр. древне-индѣйск. патага-с или патанга-с и паттрии, древне-бавтр. (зендск.) перенни (вмѣсто натрении), греч. *πεταίνος*, латышск. путнис.

²⁶⁾ Другой «птичій» городъ, Петовій (Petovium, Psetovium, Petovio), находится въ Панноніи, на границѣ Норика, въ странѣ тоже издремле населенной славянами, какъ мы ниже увидимъ. Это нынѣшній Ретцаи въ Штиріи. Тамошніе словенцы называютъ этотъ городъ Птуй, сосѣдніе хорваты Онтуй (вмѣсто Пзтуй), сокративъ окончаніе овій точно также, какъ вмѣсто воловій мы читаемъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ волуй.

²⁷⁾ Satull. Carm. 31. Peninsularum, Sirmio, insularumque
Ocelle.....

Salve, o venusta Sirmio, et hero gaude n. t. d.

Другія свидѣтельства см. у Филиаса, *Memorie storiche de' Veneti primi e secondi*, 2-е изд. I, 165 и слѣд.

²⁸⁾ См. выше, прим. 5.

²⁹⁾ Извѣстно, что славяне переставляли гласную, раздѣлявшую *у* отъ предыдущей согласной въ началѣ словъ, и что перестановка эта происходила въ эпоху, относительно, довольно позднюю, такъ что ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно прослѣдить по письменнымъ памятникамъ.

³⁰⁾ Не удивительно, что собственное имя Срѣмъ сохранило чистую форму безъ вставотнаго *м*, вкраивагося во все принадлежащія къ этому корню слова. Имена собственные медленнѣе подвергаются звуковымъ измѣненіямъ, чѣмъ нарицательныя. Мы говоримъ теперь *перенять* вмѣсто *перяеть*, но городъ продолжаемъ называть *Перяславомъ*.

³¹⁾ Въ языкѣ древне-индѣйскомъ мы находимъ первоначальный, обще-арійскій корень сар въ смыслѣ двигаться, идти, течь и т. под., и производное отъ него отвлеченное слово сарма—ходъ, движеніе. Это-то второбразное слово обращено, уже исключительно въ языкѣ славянскомъ, въ новый корень, который намъ здѣсь указать.

³²⁾ Аквилей была римская колонія, основанная въ 183 г. до Р. Хр. на восточномъ краю венетской земли и сдѣлавшаяся впоследствии самымъ значительнымъ и многочисленнымъ городомъ на Адриатическомъ поморьѣ. Нынѣ это Оглея (по-славянски) или Амгарь, мѣстечко на западъ отъ Триеста.

³³⁾ Таковъ былъ обычай римскій, что прахъ вольноотпущенныхъ клали въ одну гробницу съ ихъ прежнимъ господиномъ или госпожею.

³⁴⁾ Около 1000 рублей на наши деньги.

³⁵⁾ Вотъ полный текстъ этой замѣчательной аквилейской надписи:
CERVONIA. TICHE.

V. F. SIBI. ET. LIB. LIBQ. POSTQ. EOR
SI. QVIS. HANC. ARCAM. SIVE. HOC
MONUMENT. VENDERE. AVT. EMERE
AVT. EXACISCLARE. VOLET
TUM. POENAE. NOMINE. H. S. XX
REIP. AQUIL. DARE. DEBEBIT

³⁶⁾ Такъ и слово число въ этомъ нарѣчій значить не только число, какъ у насъ,

но и уваженіе: корень *чим*—читать, почитать и считать. Какъ примѣръ употребленія глагола *числати* въ словенскомъ нарѣчій, приведемъ заглавіе статейки, напечатанной въ Люблинскихъ «Новицахъ» 1858 года № 9: «kako Slovenci krub čislatjo», т. е. «какъ словенцы чтуть хлѣбъ».

³⁷⁾ Текстъ надписи слѣдующій:

ATILIAE. ONESIMENI
CVM. QVA. VIXI. ANNIS. XV
CONIVGI. CARISSIMAE
C. IVLIVS. EPICLETVS. QVI
ET. FATO. VIVVS. POSVIT. ET. SIBI
SI. QVIS. POST. DVA (sic). CORPORA
POSITA. HANC. ARCAM. APERVERIT
AVT. EXACISCLAVERIT. ET. ALIVT
CORPVS. POSVERIT. IN. F. L. EL. CO. NS. MN.

Въ концѣ послѣдней строки, по замѣчанію издателя, буквы стерты и неправильно прочтены; по его предположенію, было написано: «inferet roenae nomine», и затѣмъ сдѣлаво обозначеніе самой суммы пенн, которое не уплыло. Издатель этотъ, напечатавшій въ первый разъ какъ эту надпись, такъ и другую, которая приведена выше, былъ монсеньоръ Филиппъ дель-Торре (въ Monumenta veteris Aetii etc. Romae, 1700, стр. 356). Въ то время, а также когда писалъ каноникъ Бертоли (Le antichità di Aquileja profane e sacre. Venezia, 1739), назывались Червоици Тихи стояли на площади построеннаго на развалинахъ древней Аквилей мѣстечка, а камень съ надписью Эпиклета служилъ покрывкою гробницы какихъ-то монаховъ въ церкви монастыря близъ Аквилей. Куда дѣвался впоследствии первый памятникъ, неизвѣстно; второго намъ также не удалось отыскать. Надпись Червоици Тихи воспроизведена во многихъ изданіяхъ: у Муратори (MXXVIII, 2), Катанчича (Istri adcolarum Geogr. vetus I, 199), Завдонати (Guida storica dell'antica Aquileja, стр. 203). Слово *exacisciare* останавливало ученыхъ издателей, Филиппа дель-Торре и Муратори; они производили этотъ «варварскій» глаголъ (barbaricum verbum: Муратори) отъ латинскаго *ascia* (топоръ, а также каменщикъ лопатка), уменьшительное отъ котораго *asciola*, будто бы, по глоссамъ Изидора, произносилось также *acisculum* или *aciscium*, откуда *aciscularius* каменщикъ. То же объясненіе повторяетъ, но также бездоказательно, Фабретти въ своемъ пофѣйшемъ Glossarium Italicum, стр. 35 и 373. Переходъ *asciola* въ *acisculum* кажется слишкомъ неестественнымъ и самое существованіе подобной формы весьма сомнительно; во всякомъ же случаѣ отъ слова, обозначающаго каменщикью лопату, не могъ бы произойти глаголъ, смыслъ котораго соответствовалъ бы выраженію *exacisciare* въ двухъ приведенныхъ надписяхъ.

³⁸⁾ Constant. Porphyrog. de themat. 7. Подробности объ этомъ укрѣпленномъ островѣ (Gradense castrum; Gradus, — altis moenibus decorata и т. и.) читатель найдеть у Филиаса (Memorie de' Veneti т. III гл. II) и у Романни (Storia documentata di Venezia I, 33 и слѣд.); тамъ же помѣщены и выписки изъ источниковъ.

³⁹⁾ Напримѣръ Аропиусъ, такъ назывался источникъ горячей минеральной воды близъ Падуи (нынѣ Abano); древніе писатели называютъ его димнѣи (Аропиусъ simifer. Lucan. VII, 139), влокощущимъ и извергающимъ густые пары (Cassiodor. Var. Ep. II, 39.... salutiferi Aropi.... caeruleum fontem vidimus concavis hiatus astantem, et fornaces anhelantium aquarum, quae calidae nebrosos vapores exhalant и проч.). Въ этомъ смыслѣ, названіе Аропиусъ есть ничто иное, какъ славянское слово апио, употребляемое нынѣ, онягъ-таки у словенцевъ (хорутать), въ значеніи известъ (сербск. яино или вапно, польск. вапно, древне-болг. ваньво и т. д.). Имена рѣкъ: Плавиъ (нынѣшняя Piave; замѣтимъ при этомъ названіе одной мѣстности у р. Плавы—Duplavilis; складъ этой формы, съ предлогомъ *do* въ началѣ и оконча-

нием на ил, совершенной славянской); *Timavus* — сравн. древне-болг. тймѣно и тймѣне — грязь, болото. Тймавомъ называлась цѣлая болотистая мѣстность, съ озеромъ, родниками и рѣкою, такъ что объясненіе этого имени изъ корня тймъ — древн.-пад. тпм, быть мокрымъ, тѣланам, сырость, откуда Тймъ, мѣстное названіе въ Россіи, тймѣно и т. д., кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Но венецкій Тймавъ славился также двумя священными родами, и потому можно бы связать его и съ словомъ тьмавъ, темный, употребительнымъ у хорутанъ, чеховъ и др. — Города: *Velanum*, сравн.: Велунъ, Волянъ, весьма древнее и распространенное названіе городовъ славянскихъ; *Tergeste*, — т. е. Тръгѣште, Торжаште; *Ozorus* (имя города или селенія лежавшаго на скалистой горѣ, см. Физіаси I, 404); названіе происходитъ очевидно отъ глагола осипать; *Ravenna*, — Равенна; *Ateste*, — сравн. корень от — отецъ; *Coelina*, — сравн., хорутанск. цѣлина, terra non avata; въ одной Кроаціи насчитываютъ пять мѣстностей съ названіемъ Цѣлине. — Одна изъ устроенныхъ римлянами, для переправы лошадей, станцій близъ Аквилеи носитъ названіе *viam Belojo* (*Itiner. Anton.*); не слышится ли въ этомъ словѣ, особенно въ окончаніи его *oio*, славянская форма прилагательнаго, хотя трудно рѣшить, какъ слѣдуетъ возстановить эту форму: бѣлою, или, согласна съ вѣнскими надѣжкомъ женскаго рода латинскаго *viam*, читать бѣажь, съ ощущеніемъ носовымъ звукомъ? Къ этимъ примѣрамъ, которыхъ можно бы набрать и больше, слѣдуетъ прибавить въ особенности *Ravium*, *Sirmio* и *Gradus*, упомянутые выше. Вообще нельзя не замѣтить, что число именъ городовъ и селеній, отъ которыхъ славянскимъ происхожденіемъ, сравнительно гораздо значительнѣе въ венецкомъ краѣ, чѣмъ число такихъ же именъ рѣкъ, ручьевъ и протоковъ. Это совершенно понятно, такъ какъ венецы были здѣсь завоевателями, занявшими мѣсто прежнихъ жителей; а извѣстно, что за рѣками обыкновенно остаются названія, давая имъ первоначальными обитателями страны, тогда какъ города или селенія, возникающія вновь, получаютъ имена отъ новыхъ поселенцевъ, а тѣ, которые существовали прежде, нерѣдко ими переменовываются. Также явленіе представляютъ намъ мѣстныя имена въ земляхъ задунайскихъ, которыми славяне овладѣли въ VI и VII столѣтіяхъ, также какъ и въ средней и сѣверной Россіи, гдѣ славянское населеніе вѣнчало финское.

Возвращаясь къ венецкимъ именамъ, приведемъ еще нѣсколько собственныхъ именъ лицъ: *Milino* (женщина: падуанская надпись, *Katanesich*, I, 179); *Priata* (тоже; тамъ же 191); *Visena* (женское имя, четыре раза повторяющееся въ одномъ семействѣ; аквилейская надпись, тамъ же 221); *Hebdanus* (мальчикъ; падуанская надпись, тамъ же 191); *Licovius* и *Grains Venzoi filius* (на аквилейской надписи, тамъ же 203) и мн. друг. — Замѣтимъ наконецъ, что до насъ дошло одно древне-венецкое названіе растенія; именно Плиній пишетъ: «*Nalus autem, quod Galli sil vocant: Veneti cotoneam* (по другому чтенію *cotonia* или *cotoniam*), medetur lateri, item renibus convulsisque et ruptis; similis est cunilae bubulae, cacuminibus thymo, dulcis et sitim sedans, radicis alibi albae, alibi nigrae (*Hist. Nat. XXVI, 7*). Но это слово не прибавляетъ ничего опредѣленнаго къ нашимъ свѣдѣніямъ о древнихъ венецахъ, потому что не вполне извѣстно, о какомъ растеніи тутъ идетъ рѣчь. «Всего вѣроятнѣе (извлекаемъ изъ замѣтки, обязательно доставленной намъ барономъ Э. Р. Остенъ-Сакеномъ), что *cotonia* есть губоцвѣтное растеніе (*labiata*), а именно *Satureja rugosa* (*corniela* по итальянски); по это растеніе не имѣетъ у славянъ особеннаго народнаго названія; всего ближе подходитъ къ нему *Satureja hortensis*, называемая въ южной Россіи чаберъ. Есть одно губоцвѣтное растеніе, *Nepeta cataria*, котораго народное русское названіе — котовикъ — казалось бы родственнымъ венецкой *cotonea*; но его отличительные признаки не совсѣмъ сходятся съ растеніемъ, которое описываетъ Плиній». Другое венецкое слово есть *geva*, какъ названіе коровы: *Columella de rust. IV, 24*. *Melius etiam in hoc usus* (т. е. для вскармливанія теллятъ). *Alitinae vaccae*

parantur, quas eius regionis incolae Gevas (другое, какъ намъ кажется, менѣе правильное чтеніе *Sevas*) *appellant*. *Eae sunt humilis staturae, lactis abundantes etc.* Это слово впрочемъ не можетъ служить признакомъ для опредѣленія народности венецовъ, ибо оно, очевидно, есть ничто иное, какъ общее арійское названіе для рогаго скота, *gao* или *go*, къ которому принадлежитъ и славянская уменьшительная форма гов-адо и т. д. — Не въ венецкаго ли языка заимствовало названіе тймавской рыбы *lapeus*, которое приводитъ Марціалъ и надъ которымъ ломалъ себѣ голову комментаторы (XIII, 89)?

Lapeus Euganei lupus excipit ora Timaci — *aequoreo dulces cum sale pastus aquas*. Изъ этихъ словъ видно, что *lapeus* была рыба хищная, входившая изъ морской воды въ рѣчную. Не знаетъ, соответствуетъ ли она рыбѣ линъ, какъ называется у русскіхъ и хорватовъ *Surginus tinea*.

По указанію Физіаси (III, 404), венеціанцы въ старину устроивали мельницы на особыхъ баркахъ, которые могли передвигаться по каналамъ и ставиться тамъ, гдѣ теченіе было довольно сильно, чтобы приводить въ дѣйствіе мельничное колесо. Эти барки имѣли особое названіе — *sandoni*. Не есть ли это — славянское слово сждъно, наше судно, въ которомъ у замѣняетъ первоначальный носовой звукъ *sm*?

Другое чисто-славянское слово мы находимъ въ названіи *bagene*, которымъ, по свѣдѣтельству того же Физіаси (II, 232), означался болота съ соляной водою, прилегающія къ лагуны и окрестности древняго Альтинума. До сихъ поръ въ нарѣчій словенцевъ *bara* и *барана* значить болото; у чеховъ *барина* употребляется въ томъ же смислѣ; у сербовъ мы находимъ *бара* въ значеніи лужа, а также (въ Хорватіи) лугъ, такъ что слово это, очевидно, коренное славянское.

Въ немногихъ названіяхъ, сохранныхъ древними изъ края венецовъ, можно замѣтить по крайней мѣрѣ одно отличительное свойство славянской рѣчи, а именно склонность приставлять звукъ *v* къ словамъ, начинающимся съ гласной: Плиній пишетъ: (*ostium*) *Volane*, quod ante *Olane* vocabatur; онъ же говоритъ: «*portus qui Vatreii dicitur* и *Vatrenus amnis*», но тамъ же продолжаетъ «*Atrianorum paludes... nobili portu oppidi Tuscorum Atriae a quo Atriacum mare ante appellabatur, quod nunc Adriaticum*».

49) Уже Шафарикъ предполагалъ славянство италійскихъ венецовъ (Слав. Древн. перев. Водянк. I, 2, 138 — 140), хотя, къ сожалѣнію, не отвелъ имъ того мѣста въ древней исторіи славянъ, какого они заслуживаютъ. Большая же часть историковъ, и особенно нѣмецкіе, не давая себѣ труда возникнуть въ вопросъ, повторяютъ до сихъ поръ другъ за другомъ фразу, что «венецы были племя иллирійское». Это основываютъ на одномъ словѣ Геродота, который, называя венецовъ, замѣчаетъ, что они «изъ иллирійцевъ» (*Иллирійск. Венетовъ*. I, 196). Но нельзя винить Геродота въ этомъ ошибочномъ опредѣленіи, потому что онъ самъ же объясняетъ, что не пыталъ никакъ и къ свѣдѣнію о народахъ, обитавшихъ за еракійцами, что земля за Дунаемъ казалась ему «пустынною и безконечною», и что онъ успѣлъ получить свѣдѣнія объ одномъ только народѣ тамъ обитавшемъ, называвшемся ситлиннами и прострѣвшемся до венецовъ на Адриатикѣ (V, 9). Въ такомъ же мракѣ находились, для Геродота, сами иллирійцы, о которыхъ онъ упоминаетъ только мимоходомъ, не дѣлая имъ никакой характеристики, тогда какъ всякій разъ, когда рѣчь зайдетъ о народѣ ему сколько плбудъ извѣстномъ, Геродотъ на имя останавливается и старается изобразить его подробно. Удивительно ли, что при совершенномъ отсутствіи свѣдѣній и объ иллирійцахъ и обо всѣхъ вообще странахъ и народахъ, которые находились къ сѣверозападу отъ Греціи, онъ могъ причислить венецовъ къ иллирійцамъ, которые были ихъ сосѣдями? Но на этомъ одномъ выраженіи Геродота тѣмъ менѣе слѣдовало остановиться, что никто другой изъ писателей древности его не подтверждаетъ и даже не повторяетъ.

41) Письмо папы св. Григорія I, іюля 600 г. «*de Sclavorum gente conturbor, quia per Histriae aditum jam ad Italiam intrare coeperunt*» (Erben, Reg. Boh. 1).

въ связи съ образованиемъ тѣхъ поселеній венетовъ или генетовъ; Каппадокии, о которыхъ упоминають Страбонъ, Помпоний, Мела и Плиний. Но прочтеніи армянскаго историка нельзя, кажется, не прийти къ убѣжденію, что въ орчиалѣ Марья-Ашасъ-Катини говорилось просто о прибытіи царя Вахаршакъ въ Ісіану, слова же, что послѣдствіи этотъ край заняты были переселенцами Булгара-Вуда и т. д., приписаны Монсеемъ Хоренскимъ, ибо все это мѣсто имѣетъ вполнѣ характеръ вѣснителяго примѣчанія, вставленнаго въ текстъ.

61) Страб. XII, 3 § 8: *ζητοῦσι δὲ, τίνας λέγουσι τοὺς Ἐνετοὺς ὁ ποιητὴς... οὗ γὰρ θεῖον ὄνομα φασὶ τῶν Ἐνετοῦς ἐν τῇ Παφλαγονίᾳ; οἱ δὲ κἀμὴν ἐν τῷ Ἰουλιῷ φασὶ δεκά σχοίνους ἀπὸ Διδάστρου διεχούσαν* и проч. Изъ послѣднихъ словъ видно, что въ этой послѣдней деревнѣ (см. выше, примѣч. 47) всегдо-лѣе удерживалась память объ энецахъ.

62) Можно бы указать, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жили эти энецы или венеты, насколько имѣли, напоминающихъ славянскіе звуки, какъ напр. гомеровскую *Κρομμυ*, *Ζαῦρον* (*Záurou*, *Záurou*) въ Пафлагоніи (вышъ гора Загра на югъ отъ Кидроса), *Βλανα*, названіе плодородной мѣстности въ Пафлагоніи у подошвы горы Омассея, Страб. XII, 3, § 40, (ср. в. слав. корецъ *блана*, *блѣна*, *равнина*) и т. д., но нельзя рѣшительно, не принадлежали ли эти слова и какому-либо изъ туземныхъ арійскихъ нарѣчій. Также слѣдуетъ опасно бы было относить къ славянскому корню тѣ имена, которыя доидійскихъ энецахъ (см. выше, примѣч. 53). «Съ этимъ обстоятельствомъ (т. е., что энецы вѣсегда жили въ Каппадокии), говоритъ онъ, согласуется по видимому то, что вся Каппадокиа близъ Галлеа (нынѣшняго Кизиль-Ирмакъ), сопредѣльная съ Пафлагоніей, употребляеть оба языка и позна пафлагонскихъ именъ, какъ-то Багасъ и Біасасъ и Айниатесъ, и Ратотесъ и Зардокесъ и Тибіосъ, и Гасисъ и Олгасисъ и Манесъ». Здѣсь Страбонъ, очевидно, принималъ древнихъ жителей Пафлагоніи, энецовъ, за коренныхъ пафлагонцевъ и доказывалъ преждее присутствіе энецовъ въ Каппадокии тѣмъ, что тамъ, кромѣ каппадокійскаго языка (принявшаго, вѣроятно, какъ кажется, къ семитическому корню), употреблялась и пафлагонскій. Дѣйствительно, у разныхъ народовъ ераійскаго племени, въ составъ котораго входили, безъ сомнѣнія, и пафлагонцы; впрочемъ, въ вѣкоторыхъ изъ этихъ именъ, бытъ можетъ, слышится и славянскій звукъ.

63) Онъ написалъ, кромѣ вѣстныхъ намъ его сочиненій о походахъ Александра Македонскаго и объ Индіи, книги о царевнахъ (*Παρθικά*), объ аганахъ (*Αλακικά*), о Влоини (*Βιθυνικά*). Самъ онъ былъ родомъ изъ Никомидіи и при императорѣ Адрианѣ правилъ Каппадокію.

64) Евстацій въ примѣчаніяхъ къ Дионисію Периегету (стх. 378): *τὴν δὲ ῥηθεῖσαν Ἐνετίαν τὴν μὲν Βενετίαν φασὶν, καθότι καὶ Ἀρριανὸς φησὶν διὰ τὸ Ἐνετοὶ πονήσαντες ἐν μάχῃ κατὰ Ἀσσυρίους καὶ ἀποπεράσαντες εἰς Ἑβρώπην, φησὶσθησαν πρὸς Πάδω τῷ ποταμῷ, καὶ τῇ ἐπιχωρίῳ γλώττῃ Βενετοὶ ἐς τοῦτο ἐπὶ ἀντὶ Ἐνετῶν κληθίσονται... φασὶ δὲ αὐτοὺς ἐξ Ἐνετῶν τινῶν ἀσσυρίων καταγεσθαι, οἱ πονήσαντες, ὡς ἐρρέθη ἐν τινὶ πολέμῳ, εἰς τὴν Ἑβρώπην ἔφυγον. Ἄλλοι δὲ ἐκ τῶν κατὰ Παφλαγονίαν Ἐνετῶν αὐτοὺς τὴν τοῦ γένους ῥίζαν ἔλκειν φασὶ, τρέφοντάς ἐξ ὀλογοῦ πλανηθέντος μετὰ τὴν Τροίας ἄλωσιν* и проч.

65) Онъ объѣзжалъ берега Чернаго моря и отдавалъ о своемъ плаваніи отчетъ императору Адриану; онъ старался между прочимъ собирать, въ видахъ политическихъ, свѣдѣнія о Восточномъ царствѣ по случаю кончины тамошняго цара Котиса (въ 132 г.). Вотъ, кажется, прямой источникъ свѣдѣній Арріана о венетахъ и о сказаніяхъ, существовавшихъ на счетъ перехода ихъ изъ Азіи въ Европу.

66) 1270 годъ считается началомъ, 744 годъ концомъ великаго завоевательнаго

государства ассирійскаго: см. между прочимъ: *Essay on the Chronology and history of the great Assyrian empire*, въ приложеніяхъ къ I-му тому Раулинсона *паданія Геродота*. Его же: *The five great monarchies of the ancient eastern world*.

67) *Lucan. Pharsal. I. . . Quoties Romam fortuna iacessit, Nas iter est bellis.*

Западнне Альпы, какъ извѣстно, считались непроходимыми до вторженія галловъ.

68) Объ изобиліи лѣсовъ въ венетскомъ краѣ еще во времена римскаго владычества см. *Elliasi, Memorie storiche de' Veneti primi e secondi*, т. II, стр. 30 и слѣд. У Филіаса приведены всѣ свѣдѣтельства о разныхъ древесныхъ породахъ, упоминаемыхъ древними авторами въ этой странѣ.

69) *Servius ad Aen. I, 242. Capto Illo Menelaus memor se et Ulixen beneficio Antenor's servatos cum repetentes Helenam ab eo essent suscepti, ac pene a Paride alitibus que juvenibus interemptis essent, param gratiam reddens inviolatum dimisit, qui cum uxore Theano et filijs Helicaone et Polidamide ceterisque sociis in Illyricum pervenit et bello exceptus ab Euganeis et rege Veleso, victor urbem Patavium condidit; id enim responsi acceperat и проч.*, (см. выше примѣч. 21)—*Liv. I, 1. Casibus variis Antenorem cum multitudine Venetum, qui, seditione ex Paphlagonia pulsus, et sedes et ducem, rege Pylaemene ad Troiam amisso, querebant, venisse (constat) in intimum maris Adriatici sinum; Euganeisque, qui inter mare Alpesque incolebant, pulsus, Henetos Troianosque ens temisse terras; et in quem primum egressi sunt locum, Troia vocatur, pagoque inde Troiano nomen, est; gens universa Veneti appellati. Sil. Ital. VIII, 604—606: Tum Troiana manus, tellure antiquitus orti—Euganeâ profugique sacris Antenor's oris;—nec non cum Venetis Aquileia superfluit armis.*

70) Въ этрусскихъ надписяхъ мы находимъ имя женское *Velesa* и родовое названіе *Velsi*, повторяющееся въ разныхъ формахъ: *Velsi*, *Velsial*, *Velsis* и т. д. (см. *Fabretti 1918, 1919*). Какой-то *Velesus* является и въ римской исторіи при царѣ Нумѣ (*Plutarch. Numa 5*).

71) См. особенно: *Liv. V. 33. (Tuscorum coloniâ) trans Padum omnia loca, excepto Venetorum angulo, qui sinum circumcolunt maria, usque ad Alpes tenere. Alpibus quoque ea (т. е. отъ этрусковъ) gentibus haud dubie origo est, maxime Raetis; quos loca ipsa offerant, ne quid ex antiquo, praeter sonum linguae, nec eum incorruptum, retineant.—Plin. III. 19. Raetorum et Euganeorum Verona... Raetos Tuscorum prolem arbitrantur a Gallis pulsos duce Raeto. Verso deinde Italiam pectore Alpium Latini inris Euganeae gentes, quarum oppida XXXIII enumerat Cato. Ex iis Triumprilini, venalis cum agris suis populus, dein Samuni и т. д.* Тамъ же слова альпійскаго трофея *Алуста*. *Genes Alpinae devictae Triumprilini Samuni и проч.* Имена этихъ эвгальскихъ колѣвъ сохраняются до сихъ поръ въ альпійскихъ долинахъ: *val di Trompia* и *val Samonica*.

72) *Eu — ganei*: онъ соответствуетъ древне-арійскому предлогу *a* и, поздѣе сокращенному славянами въ *y*; во второй части слова мы предполагаемъ арійскій корень *gan*, слав. *гон* — ударять, гнать.

73) *Птох. III, 1. § 32. Βεχουνην, οἱ εἰσιν ἀπὸ δόσεως Ὀβενετίας. Ὀβαννία Κάφρακα, Βρέθηνα, Ἀνάβιον (ἢ Ἀναβίον)*. Эти мѣста нынѣ, какъ кажется, называются: *Fane*, *Caravaggio*, *Brentonico* и *lugo d'Egna*, — первое недалеко отъ Вероны къ сѣверу, три послѣднія въ южной отъ вѣности Тироля (Триентскомъ краѣ). Ср. о тождествѣ Птолемеевыхъ *Бехуполь* съ эвгальскими, *Forbiger, Handbuch der alten Geogr. III. 560*.

74) *Servius in Aen. I, 243. Antenor non Illyricum, non Liburniam, sed Venetiam tenuit. Ideo autem Virgilius dicit Illyricos sinus, quod inde venit quidam Henetus (по другимъ чтеніямъ: Enetus, Venetus) rex, qui Venetiam tenuit, a cuius nomine Henetiam dictam, posteris Venetiam nominaverunt.* На этого же царя *Венета* указываетъ безымянный *равенскій космографъ*, составившій въ IX в. свою книгу по раз-

нымъ, болѣею частію древнимъ источникамъ: Ray. Cosmogr. IV, 30. Item in regione Veneciaram est civitas ipsa Venecia appellata, sed veteri more Venecia nuncupata, eo quod ita a quodam rege nominata est, quæ valde convicinatur cum Alino atque Tarbisio civitatibus, nec non Petavio urbe vetustissima.

⁷⁵⁾ Илиада, 3, 148—154.

⁷⁶⁾ Этотъ характеръ выдерживается и въ другихъ мѣстахъ Илиады, а также въ эпическихъ поэмахъ, которыя потомъ писались въ ея дополненіе. См. также Euripid. fragm. apud Athen. XV, p. 665:

Εἴ μοι τὸ Νεστόρειον εὐδύμοσον μέλος,

Ἀντήνορος δὲ τοῦ Φρυγῶς δοῖν θεός...

Здѣсь Антеноръ ставится на ряду не съ воинственными героями, а съ известнымъ въ Илиадѣ краснорѣчивымъ, но уже не владѣющимъ оружіемъ, старцемъ Несторомъ.

⁷⁷⁾ Поллбій (II, 17), не придававшій еще особеннаго историческаго значенія связи о троянскомъ происхожденіи италійскихъ венецовъ, замѣчаетъ просто, говоря объ эпихъ венецахъ, что «про нихъ составители трагедій сочинили много какихъ-то басенъ и рассказываютъ много диковиннаго». Страбонъ (XII, 1. § 53) указываетъ на Софокла, какъ на того писателя, который въ своей (до насъ не дошедшей) трагедіи «Взятіе Илиона» представилъ, что Антеноръ съ своими сыновьями сталъ во главѣ уцѣлѣвшихъ вѣстовъ и спасся съ ними во Фракію, откуда онъ затѣмъ привелъ ихъ въ «такъ-называемую Энетіку на Адриатическомъ морѣ».

⁷⁸⁾ Сравни вышеприведенный презрительный отзывъ Поллбія о «диковинахъ», сказанныхъ сочинителями трагедій про венецовъ. Страбонъ (XII, 3, § 8) замѣчаетъ, что «по мнѣнію, наиболее распространенному признается», что пафлагонскіе энеги, потерявъ своего вождя Пиалемена подъ Троєю, послѣ взятія этого города, перешли во Фракію и, скитаясь, прибыли, наконецъ, въ Италію: «*и некоторые же, прибавляетъ онъ, говорятъ, что и Антеноръ съ своими сыновьями участвовалъ въ этомъ походѣ и поселился въ углу Адриатики*». Самъ же Страбонъ (IV, 4. § 1) не считалъ вообще происхожденіе венецовъ изъ Малой Азіи вѣроятнымъ; а Діонъ Христомъ (Нис.) положительно отвергалъ, какъ незбѣность, мнѣніе о приходѣ Антенора съ энетами изъ-подъ Трои въ Италію.

⁷⁹⁾ Какъ известно, современные пурвисты упрекали Ливія въ «латавинствѣ» (latinitas), т. е. въ оборотахъ рѣчи, не чисто-римскихъ, въ которыхъ отзывалось его латавинское происхожденіе. Слѣдовало бы нашимъ ученымъ датпинистамъ изучить слогъ Ливія: можно сказать навѣрно, что эти чуждые обороты, которые ставились ему въ упрекъ, носятъ на себѣ отпечатокъ славянскаго склада рѣчи, и ихъ могло бы почувствовать только славянское ухо.

⁸⁰⁾ Liv. I, 1. Судя по словамъ Плинія, Катонъ (умершій въ 149 г. до Р. Хр.) пустилъ въ ходъ между римлянами мнѣніе о троянскомъ происхожденіи венецовъ: Venetos Troiana stirpe ortos auctor est Cato (III, 19). Вслѣдъ за нимъ тоже утверждалъ Корнелій Непотъ (Plin. VI, 2). Stromna, quo loco Enetos adicit Nepos Cornelius, a quibus in Italia ortos cognomines eorum Venetos credere postulat. Затѣмъ сказанія объ Антенорѣ повторилъ: Виргилій (Aen. I, 242 и слѣд.), Силий Италикъ (VIII, 604), Юстинъ (XX, 1), Элианъ (Nat. Anim. XIV, 8), Аврелий Викторъ (I, 1) и др. Что, впрочемъ, и римляне не совѣтъ забыли, что Антеноромъ былъ замѣненъ вождь, называвшійся Венетомъ, показываютъ приведенныя выше слова комментатора къ Виргилію, Сервія. Замѣтимъ еще, что въ подтвержденіе сказки о прибытіи родоначальника венецовъ изъ-подъ Трои, указывали на мѣстность венецкаго побережья, называвшуюся «Троянскою волостью»; говорили, будто она это она получила оттого, что мѣсто, гдѣ Антеноръ ступилъ на берегъ, онъ назвалъ Троєю (Ливій: in quem primum egressi sunt locum, Troia vocatur, raquoque inde Troiano nomen est). Если, какъ нѣтъ повода въ томъ со-

мѣваться, была такая мѣстность на венецкомъ берегу, то пня это могло, конечно, считаться весьма убѣдительнымъ доказательствомъ троянскаго происхожденія венецовъ; между тѣмъ «трояне» есть самое обыкновенное въ славянскихъ земляхъ названіе: въ одномъ Царствѣ Польскомъ мы находимъ 3 мѣстности Трояновъ, 1 Трояново, 3 Трояны, 1 Трояновце, 1 Трояновель; въ Чехіи тоже: Троя, Троянъ, Троявъ, Трояновъ и т. д.

⁸¹⁾ Dio Cass. LXII, 26 (Θρασίως) ἐν Παταρίῳ τῇ πατρίδι τραυφῶδιαν κατὰ τὴν πάτριον ἐν ἐορτῇ τινὶ τριακοταετηρίδι βλοκρινάμενος. Замѣчательно, что изъ христіанскихъ святыхъ Падуа усвоила себѣ Антонія, который считается покровителемъ этого города и пользуется тамъ необыкновеннымъ почитаніемъ. Въ день св. Антонія бывають въ Падуѣ, на главной площади, конскія скачки, начало которыхъ, по рассказамъ жителей, восходитъ до глубокой древности. Нѣтъ ли въ этомъ Антоніи какого-нибудь отголоска прежняго Антенора?

⁸²⁾ Въ древне-болгарскихъ памятникахъ словомъ *чета* переводятся: *φάλαγγς, τάγμα, τάξις, συμμορία, φρατρία* (см. словари Востокова и Милляничя); хоругацка *чета* — отрядъ войска, полкъ; сербск. *чета* — отрядъ и т. д. Корень въ древне-индійск. глаголѣ *чи, чн-на-ми* — собираю, причастіе *чита-с* — собранный въ рядъ (*gereiht, geschaart*).

⁸³⁾ Tacit. Ann. XVI, 21. Thraesa Patavi, unde ortus erat, ludis cetastis a Troiano Antenore institutis habitu tragico cesinerat. Это названіе *ludi cetasti* сильно мучило ученыхъ издателей и комментаторовъ Тацита, и они придумывали разные чтенія, чтобы замѣнить это непонятное названіе. Обыкновенно вмѣсто «*cetastis*» подлинника, попрамяють «*cesticis*», производя имя патавійскихъ игръ отъ кожаныхъ «цестовъ», которыми обвивали себѣ руки для кулачнаго боа. Незбѣность толкованія очевидна: такой человекъ, какъ Трасея, едва ли выступилъ бы на кулачномъ бою, да еще съ пнѣемъ «въ трагическомъ образѣ», какъ говорить Тацитъ. Гораздо проще объясняется дѣло, если, принявъ пня *cetasti*, какъ это и очевидно, за туземное венецкое названіе, мы произведемъ его отъ слова *чета*, въ смыслѣ собранія, отряда, дружины. Подлинность чтенія «*cetasti*» подтверждается найденною у древняго Аюна надписью, въ которой мы находимъ это слово въ сокращеніи: *cetaes.*, и гдѣ рѣчь идетъ, очевидно, объ играхъ, хотя не все въ этой надписи понятно.

q. magniviv, g f. fab

ferox

lus. epidixib. et. cetaes. I. II. III. in

greg. vetvrian quae. et. ivni

orvm. a. a. dicavit. evras. VIII

et. pertic. vncinor. XII. n. CCL. IX;

(Katanesich, Geogr. epigr. I. 171. Historia di Padova di Sertorio Orsato 100).

⁸⁴⁾ Ovid. Metam. I. 750 и слѣд.; Hygin. 154; Nonnos 38, 108—435. Послѣдній эпизодъ обязанъ быть, вѣроятно, своимъ происхожденіемъ необыкновенному обилію лебедей на р. По и ея рукавахъ и вообще на водахъ венецкаго края. Сравни. Serv. ad Aen. XI, 457: Padusa, pars est Padi; nam Padus licet unus sit fluvius, habet tamen fluenta plurima o quibus est Padusa, quae quibusdam locis facit paludem, quae plena est cygnorum. Claudian. epist. ad Sevēnam: olor iferi ab amne Padi.

⁸⁵⁾ У Гомера Фазтопъ есть просто эпитетъ самого солища. Гезіодъ, въ своей Теогоніи, называетъ Фазтона сыномъ зари, похищеннымъ влюбленною въ него Афродитой; но въ другой, приписываемой тому же Гомеру, поэмѣ, судя по словамъ поздѣйшаго писателя Гигина, Фазтопъ является съ чертами сходными съ тѣмъ сказаніемъ, которое потомъ установилось о немъ; но объ Эриданѣ тогда еще не было рѣчи, какъ видно изъ замѣчанія того же Гигина, что первый изъ грековъ упомянулъ объ этой рѣкѣ Ферекидъ (жившій отъ 600 до 515 г. до Р. Хр.).

⁸⁰⁾ Herod. III. 115. Геродотъ приводитъ это мифіе, но объявляетъ при этомъ, что онъ съ своей стороны ему не вѣритъ, такъ какъ имя Эриданъ ему кажется греческимъ, сочтеннымъ какии-нибудь поэтомъ, да и онъ не встрѣчалъ никого, кто могъ бы удостовѣрить, какъ очевидно, что въ той сторонѣ Европы есть дѣйствительно море. Этотъ отзывъ Геродота объясняется тѣмъ, что онъ вообще не имѣлъ свѣдѣній о странахъ средней и западной Европы (ср. выше примѣч. 40).

⁸¹⁾ Сложеніе словъ: ара или ари, являющагося въ славянскомъ ярий и сроднаго древне-индійскому ара, быстрый, ари, жадный (т. е., собственно, стремительный), враждебный, и дамъ въ смыслѣ «рѣка», слово, о которомъ было говорено выше (см. гл. I).

⁸²⁾ Древніе ставили янтаръ на ряду съ драгоценными камнями, которымъ, какъ извѣстно, приписывались разныя таинственныя и лечебныя свойства. Въ этомъ отношеніи янтаремъ особенно дорожили греки: у римлянъ (вѣроятно, вслѣдствіе ихъ близкихъ сношеній съ венецианцами, у которыхъ янтаръ сдѣлался столь обыкновенною вещью, что янтариныя украшенія носили въ деревняхъ) онъ потерялъ значеніе и, по крайней мѣрѣ во времена Плинія, въ I вѣкѣ по Р. Хр., вышелъ изъ моды; въ силу янтара вѣрили тогда уже одні женщины: см. Plin. XXXVII, 2.

⁸³⁾ Plin. XXXVII, 3. Adfertur (succinum) a Germanis in Pannoniam maxime, et in de Veneti primum, quos Enetos Graeci vocaverunt, fama rei fecere proximique Pannoniae et agentes circa mare Adriaticum. Обиліе янтара, являющагося въ венецианской области, видно изъ того, что, по словамъ Плинія (тамъ же), въ его время поселеніи края за Падомъ (т. е. венецкой области и вообще верхней Италіи) носили янтариныя ожерелья преимущественно какъ украшеніе, но отчасти и какъ цѣлебное средство: янтаръ считался лѣкарствомъ отъ желтца и горловыхъ болѣзней, особенно распространенныхъ въ тѣхъ мѣстахъ.

⁸⁴⁾ Тождество русскаго баснословнаго камня латыря или алатыря съ янтаремъ и греческимъ *ήλεκτρον*, тождество, на которое первый, кажется, указалъ Надеждинъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Нельзя однако считать славянскаго слова заимствованіемъ отъ грековъ. Оба провозшли изъ общаго арійскаго корня раджъ (или арджъ, арчъ), блестящій, съ извѣстнымъ окончаніемъ тар, тра, означающимъ существо или предметъ, производящій какое-нибудь дѣйствіе. Въ греческомъ видѣтъ и префиксъ и (древне-индійск. предлогъ а), который можно бы было признать и въ русскомъ алатырь, олатырь, если бы эта форма не казалась позднѣйшимъ искаженіемъ въ выговорѣ слова, сдѣлавагося непонятнымъ, такъ какъ въ стихѣ о Голубиной книгѣ и въ былинахъ является простая форма латырь (камень-латырь, латырь-море, о чемъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ). Разница между греческимъ и славянскимъ словомъ та, что въ греческомъ сохранилась гортанная согласная корня передъ приставкою тра (*ή-λεκτρον*, съ которымъ, замѣтимъ кстати, совпадаетъ слово *ήλεκτρον*, блестящій, говоря о солнцѣ), у славянъ же эта согласная пропала: ла-тырь вмѣсто ла-к-тырь, точно также какъ въ древне-индійскомъ ра-тнамъ вмѣсто ра-к-тнамъ, жемчугъ, драгоценный камень (собств. блестящее). Что это слово латырь не было заимствовано отъ греческаго *ήλεκτρον*, а существовало у славянъ независимо, доказывается тѣмъ, что была и другая форма свалатырь (самосвѣтъ), сохраненная намъ Плиніемъ (XXXVII, 2), ссылающимся на греческаго писателя Филемона (III вѣка до Р. Хр.): «Philemon fossile esse (succinum) et in Scythia erui duobus locis, conditum atque coloris, quod vocatur electrum, in alio fulvom quod appellaretur sualiternicum». Такъ какъ собственно въ Скиѣи, т. е. около Чернаго моря, янтара нѣтъ, то нельзя сомнѣваться, что это послѣднее названіе *sualiternicum* (*свалатырникъ*) заимствовано было отъ славянъ или автоцелью.

⁸⁵⁾ Корень въ древне-инд. дахъ, жечь, литовское дегу, дегти, жгу, жечь. У славянъ корень дегъ измѣнился въ жегъ, но звукъ *d* сохраняется еще въ словѣ деготъ.

⁸⁶⁾ Эсхиль посвятилъ басню о Фаэтонѣ трагедію „Геллада“, до пастъ не дошед-

шую; Эврипидъ также пользовался этою басней для своей трагедіи „Фаэтонъ“, равнымъ образомъ утраченной.

⁸⁷⁾ Эсхиль отождествлялъ Эриданъ съ р. Родапомъ (Родою), но думалъ, что она впадаетъ въ Адриатическое море. Эврипидъ принималъ Эриданъ прямо за итальянскую рѣку (По). У Платона мы читаемъ имя рѣки Эриданъ (Critis III), но безъ всякихъ указаний на ея мѣстоположеніе. Еще болѣе двухъ сотъ лѣтъ послѣ Эврипида (около 200 г. до Р. Хр.) Аполлоній Родосскій опять-таки помѣщаетъ Эриданъ въ Италію, а Роданъ (Роду) принимаетъ за притокъ этого Эриданъ (см. Argon. IV, 505 — 628). Аполлоній приводитъ при этомъ мимоходомъ, что кельты (безъ сомнѣнія, въ Италію, гдѣ они уже находились въ то время, когда писалъ Аполлоній, около 200 л. до Р. Хр.), считали янтаръ за слезы Аполлона, несущіяся въ морской пучинѣ, слезы, которыя онъ проливаетъ безъ числа, когда, прогнавъ своего отца (т. е. небеснаго бога Зевса), принужденъ былъ покинуть небо и удалиться въ гиперборейскія, т. е. жители Сѣвера (Argon. IV, 611 — 617). И здѣсь мы видимъ ту же связь янтара съ солнцемъ (Аполлономъ — богъ солнца), и съ народомъ Сѣвера.

⁸⁸⁾ См. Полиб. II, 16: *Ὁ δὲ Πάδος ποταμὸς, ἐπὶ δὲ τῶν ποιητῶν Ἐριδανὸς φησὶ λούμενος... τὰλλα δὲ τὰ περὶ τοῦ ποταμοῦ τούτου ἱστοροῦμενα παρὰ τοῖς Ἕλλησι λέλειτο δὴ τὰ περὶ Φαέδοντα καὶ τὴν ἐκείνου πτώσιν, ἔτι δὲ τὰ δάκρυα τῶν αἰγείρων, καὶ τοὺς μελανείμονας τοὺς περὶ τὸν ποταμὸν οἰκοῦντας, οὓς φασὶ τὰς εἰσέτι νῦν φορεῖν τοιαύτας ἄπο τοῦ κατὰ Φαέδοντα πένθους, καὶ πᾶσαν δὴ τὴν τραχυλὴν καὶ τούτῳ προσοικνίαν ἔλην — ὑπερβησόμεθα.* Пондѣйшіе писатели иногда переносили Эриданъ въ область басинъ и отождествляли это имя съ самимъ Фаэтономъ: Serv. ad Aen. VI, 659: *Eridanum Aratus in coelo esse dixit, haud longe a coelo. Sic et in terris est, qui in Italia, id est in Venetia, Padus vocatur: quem alii etiam ad inferos volunt tendere, alii nasci apud inferos et exire in terras... Fabula haec est: Eridanus Solis filius fuit. Sic a patre impetrato curru agitare non potuit, et cum eius errore mandus arderet, fulminatus in fluvium cecidit; et tunc a luce ardoris sui Phaeton appellatus est et pristinum nomen fluvio dedit. Unde mixta haec duo nomina inter solis filium et fluvium invenimus.* Къ баснословному характеру Эриданъ относится, кажется, пословца, вошедшая въ употребленіе у Римлянъ: „de Mincio in Eridanum emigrare“, въ смыслѣ „перейти отъ вѣрнаго къ невѣрному“ (*Mincius*, или Мнучіо — притокъ р. Пады): см. Augustin, ad Dioscorum ep. 118 (Op. II, 250) *Non enim sic te prohibemus in incerto famae finem ponere, ut tanquam de Mincio in Eridanum emigres.*

⁸⁹⁾ См. объ этомъ Filiasi, I, 306 и слѣд. Между прочимъ, озеро минеральной воды, о которомъ единогласно твердятъ всѣ древніе писатели, уже не существуетъ. Изъ писемъ у Кассіодора (II, 89) видно, что уже въ то время (т. е. въ VI столѣтіи) Апеннинскія воды начинали засоряться; готскій король Теодорикъ хлопоталъ объ ихъ возобновленіи.

⁹⁰⁾ Догада о значеніи этого имени приведена выше, примѣч. 39

⁹¹⁾ Lucan, Pharsal: *Venetae ex ordine gentes — Atque Apono gaudens populus.*

Claudian. Idyll. Aponus:

Salve Praenoniae largitor nobilis undae,

Dardanii salve gloria magna soli,

Publica morborum requies, commune medentum

Auxilium, praesens numen, inempta salus.

⁹²⁾ Извѣстіе объ этихъ водахъ встрѣчается уже, какъ мы увидимъ ниже, въ книгѣ Аристотеля (или ему приписываемой, и во всякомъ случаѣ весьма древней) *περὶ ζωομασίων ἀκουσμάτων.*

⁹³⁾ Вода эта была такъ горяча, что жгтела, по словамъ Плинія, употребляли ее какъ кипятокъ, чтобы варить зелень, и она сводила шерсть со шкуры ошпаренныхъ ею животныхъ (Cassiodor. II, 39).

¹⁰⁰ Claudian., тамъ же: Alto colle minor, planis erectior arvis, etc. Сравни длинное описание этихъ минеральныхъ водъ у Кассиодора (II, 89) и поѣмку древнихъ показаній по выѣшней мѣстности у Флиаси (I, 290—329).

¹⁰¹ Plin. II, 102: Patavinorum aquis calidis herbae virentes innascuntur. Клаудианъ упоминаетъ о томъ же.

¹⁰² Filiasi I, 305.

¹⁰³ Aristotel. de mirab. auscult. 82. Ταύτας δὲ τὰς νήσους (т. е. ἤλεκτρίδας) φασὶ προελαχέναι τὸν Ἠριδαῶν ποταμὸν. Ἐπι δὲ λίμνη εὐκε πλείον τοῦ ποταμοῦ, ὕδωρ ἔχουσα θερμὸν etc.

¹⁰⁴ Орибаси (Collection médicale V, 3, по парижск. изд.), вышедшая изъ Руфа, жившаго около 100 л. по Р. Хр., говоритъ: αὐτὰς ὕδωρ ἐν Λεοντινοῖς ἔστιν, οὗ ἦν τις πίη, ἀποδυήσκει. τοῖον δὲ ἄλλο ἐν Φερεῶ τῆς Ἀρχαδίας ὃ καλοῦσιν ὕδωρ Στυγος, τοῖον δὲ ἄλλο ἐν Θερμῶ καὶ ἡ λίμνη ἦν Σαυρομάταις, ἣν οὐδὲ ὄρεῖς ἐπερτῆσαι ὀρθάνε. Последняя выраженія явно намекаютъ на сказаніе общезвѣстное.

¹⁰⁵ Греки считали цыгарокъ за превращенныхъ въ птицъ сестеръ Мелеагра.

¹⁰⁶ Plin. XXXVII, 2. Sophocles... (sucinum) ultra Indiam fluere dixit e lacrimis meleagridum avium Meleagrum deflentium.

¹⁰⁷ Jordan. 29; см. выше. прим. 13.

¹⁰⁸ Plin. III 16: nobili portu oppidi Tuscorum Atriae, a quo Atriacum mare ante appellabatur, nunc Hadriaticum.

¹⁰⁹ По некоторымъ указаніямъ, Венецкій край прикасался только съ востока къ Гардскому озеру; но иногда озеро это включалось въ землю венецовъ: Serv. ad Aen. X, 205. Venacus lacus est Venetiae, de quo fluvius nascitur Mincius.

¹¹⁰ Оттого граница эта опредѣляется позднѣйшими писателями такъ различно. Форбигеръ (Handbuch der alt. Geogr. III, 577) и др. считаютъ западною границу венецовъ р. Адизъ; Флиаси (Memorie storiche de Veneti, 2 изд. I 74) распространяетъ ихъ до Минчія; Маффеи (Verona illustrata) — до Кезия.

¹¹¹ Рѣка Адизъ, сохраняющая и въ равнинѣ какъ бы характеръ горнаго потока, замѣчательна своєю быстротою и шумнымъ теченіемъ, тогда какъ параллельный ей Минчій, выходящій изъ озера, течетъ совершенно тихо и спокойно. Эта противоположность двухъ сосѣднихъ рѣкъ замѣчена древними. См. въ особенности Claudian. Epithalam. Pallad. et Celerinae:

Undique concurrunt volucres, quaecumque frementem
Fermulcent Athesia cantu, quas Larius audit,
Quas Venacus alit, quas excoipit amne quieto
Mincius; creptis obnuduit unda querelis
Eridani ripas, et rauceae stagna Padusae
Diffugiens nudavit oior.

¹¹² Эти три формы употребляются древними писателями безразлично. Мы не знаемъ, произошло ли несходство ихъ отъ неодинаковаго произношенія этого имени у разныхъ туземныхъ народовъ, да и самое имя это темное; но, во всякомъ случаѣ, оно имѣетъ коренное сродство съ названіемъ другой рѣки въ Венецкомъ же краѣ, съ *Натисономъ* (имя *Nadisona*, по-словенски *Надлжа*), протекающимъ къ востоку отъ Авьлен.

¹¹³ Plin. III, 19. Raetorum et Euganeorum Verona.

¹¹⁴ Serv. ad Aen. X, 201. Origo Mantuanorum et a Tuscis venit, qui in Mantua regnabant, et a Venetis, nam in Venetia posita est. — Plin. III, 19. Mantua Tuscorum trans Padum sola reliqua. Sidon. Apoll. Epist. IX, 15. Venetam incessat Mantuam. Варгилій, уроженецъ Мантуя, говоритъ, что населеніе ея составляли три племени, вѣроятно вепеты, этруски и кромъ того умбры. Его комментаторъ Сервій приписывалъ, кажется, первенство за венецкою стихією въ населеніи Мантуя, потому что предводи-

теля мантуанской рати въ Энеидѣ, Окиа (Oenus—faidicae Mantus et Tusci filius amnis) опъ выдавалъ за вепета. Въ примѣчаніи къ словамъ поэта: «quingentos—quos patre Venaco velatus arundine glauca—Mincius infesta ducebat in aequora pinu» (Aen. X, 204—206) Сервій пишетъ: Venacus lacus est Venetiae, de quo fluvius nascitur Mincius. Jure ergo dux Venetus (рѣчь идетъ о вышеприведенномъ мантуанскомъ вождѣ Окиѣ) fuit ium provinciae suae depinxit in navi, quem Venaci filium, quia ex ipso habet originem, dicit.

¹¹⁵ Macrobi. Saturn V, 2. Unde enim Veneto, rusticis parentibus nato, inter silvas et frutices edruo, vel levis Graecarum notitia literarum.

¹¹⁶ Это слѣдуетъ заключить изъ теперешней разности нарѣчій, замѣчаемой между населеніемъ на востокъ отъ р. Минчія, т. е. веронезцами, и брешіанцами, ихъ сосѣдями къ западу. «Есть поразительное различіе въ произношеніи между брешіанцами и веронезцами, пишетъ Флиаси, а также въ нарѣчій тѣхъ и другихъ. Брешіанцы имѣютъ шероховатый и жесткій выговоръ, какъ и другіе жители Ломбардіи, а у веронезцевъ выговоръ мягкій и пѣкный, совершенно сходный съ нарѣчіемъ вичентинцевъ, надуанцевъ и остальныхъ венеціанцевъ»: Filiasi, I, 77 (сравни также Maffei, Ver. III, I, 12). По замѣчанію того же автора, пограничную черту между обоими нарѣчійми, ломбардскимъ и венеціанскимъ, составляетъ Гардское озеро на р. Минчія.

¹¹⁷ Восточная часть Альпійскаго хребта, тамъ, гдѣ оны ограничивалъ землю венецовъ, называлась въ древнѣйшее время *венецкими Альпами* и впоследствии, подъ римскимъ владычествомъ, получила имя юлііскихъ (Ann. Marc. XXXI, 16: Alpium Juliarum, quas Venetas appellabat antiquitas). Венецы, какъ видно по всему, заняли только равнину до подошвы этихъ горъ, приблизительно въ предѣлахъ выѣшней Венеціанской области. Нагорная страна осталась въ рукахъ туземнаго племени, которое обнимало общіиъ именемъ ретовъ и къ которому принадлежали и эвтаней. Самое подробное псчисленіе колийъ этого племени на Альпійскомъ трофее Августы (см. Plin. III, 20). О дикости альпійскихъ горцевъ въ древности мы имѣемъ множество свидѣтельствъ, которыя было бы лишнимъ помѣщать здѣсь. Приведемъ только одно, потому что въ немъ рѣчь идетъ о венецкомъ Атенорѣ. Serv. ad Aen. I, 243 примѣч. къ стихамъ: «Antenor potuit, mediis elapsus Achivis — Pylricos penetrare sinus atque intima tutus — regna liburnorum»: tutus: ideo tutus, quia Raeti Vindelici ipsi sunt Liburni, saevissimi admodum populi.

¹¹⁸ Границу между землею венецовъ и островъ составляла, по крайней мѣрѣ во времена римскаго владычества, мѣстность, называвшаяся Тимавомъ (Страб. V, 1 § 9), между выѣшнимъ г. Терлечемъ (а по-итал. Монфальконе) и станціей Набрежиной; о Тимарѣ см. ниже.

¹¹⁹ Плин. III, 21. Conventum Scardonitanum petunt Japydes et Liburnorum civitates XIII, e quibus Lacinienses, Stupinos, Burnistas, Olbonensis nominare non pigeat. Птолемей приводитъ въ числѣ городовъ Либурній *Слобллі*. Шафарикъ вполне справедливо отождествляетъ этотъ городъ съ Стояломъ, *Столловъ*, въ приморской Хорватіи, упоминаемымъ у Константина Багрянороднаго между Хльвномъ (нынѣ Ливно въ Босніи) и Тинномъ (нынѣ Книшъ въ Далмаціи); по положеніе его можетъ быть опредѣлено только приблизительно по этимъ указаніямъ.

¹²⁰ Это несомнѣнно доказывается какъ всѣмъ, что намъ извѣстно о характерѣ народовъ, обитавшихъ тамъ въ древности, такъ и совершенно не-славянскимъ типомъ именъ мѣстныхъ и личныхъ того края. Славяне, завлашые его въ VI или VII столѣтіи по Р. Хр., передѣляли эти имена на свой ладъ; но и самая эта передѣлка показываетъ, что славяне имѣли тутъ дѣло съ словами изъ чужого языка. Наконецъ, и самыя племена, населявшія этотъ край въ древности, носятъ названія совершенно чуждыя славянской рѣчи, кромѣ приведенныхъ выше стаупновъ.

¹²¹⁾ Страб. VII, 5 § 4. «Γένος κτιστικὸν ὁμοίως τοῖς ἄλλοις Ἰλλυριοῖς καὶ Θρακῶσι».

¹²²⁾ Strab. VII, 5 § X. Ливий (X, 2) говоритъ также, по поводу событій 301 г. до Р. Хр.: *Pyriti Liburnique et Istri, gentes ferae et magna ex parte latrociniis maritimis infames*. Свидѣтельство объ этомъ историческомъ характерѣ племенъ, владышкихъ восточнымъ берегомъ Адриатикъ, можно бы привести множество изъ всѣхъ писателей древности, которые только ихъ касались. См. въ особенности Polib. II, 8; Diodor. XV, 13; Appian. Илліра.

¹²³⁾ Время кельтскихъ завоеваній въ сѣверу и югу отъ Альпъ опредѣляется съ одной стороны тѣмъ, что эти завоеванія совершились *послѣ* времени, когда писалъ Геродотъ (450 лѣтъ до Р. Хр.) и должны были *предшествовать* нападенію кельтовъ на Римъ (390 или 388 г.), а также ихъ сношеніямъ съ Александромъ Македонскимъ (335 г.), когда они являютсѣ обладателями страны на сѣверъ отъ Адриатическаго моря. См. Conzen, die Wanderungen der Kelten, 102—104, гдѣ вполнѣ доказана несостоятельность предвѣстія Ливія, отдѣляющаго долгимъ срокомъ (200 л.) вторженіе галловъ въ Италію отъ ихъ нападенія на Римъ. По извѣстію, сохраненному Аппіаномъ, вторженіе въ Италію случилось въ 392 году до Р. Хр. (97-я олимпиада); показанія о нападеніи на Римъ колеблются между 390 и 386 годами.

¹²⁴⁾ О томъ, что карны принадлежали къ кельтскому племени, мы имѣемъ свидѣтельства несомнѣнныя (см. Conzen 54). Впрочемъ самое имя ихъ кельтское и значить до сихъ поръ у кельтовъ: скала.

¹²⁵⁾ Нилѣншее населеніе альпійскаго предгорья и ближайшихъ къ Альпамъ равнинъ въ восточной части Венеціанской области (Удінскою или, по-славянски, Виземскою краѣ), отъ границъ славянскаго племени по р. Сочѣ (Изонцо) до р. Ливенцы, говоритъ особымъ романскимъ нарѣчіемъ, рѣзко отличающимся своими шероховатыми звуками отъ мягкаго, плавнаго нарѣчія венеціанскаго. Это нарѣчіе такъ называемое фриульское или фуриянское. Весьма вѣроятно, что оно обозначаетъ собою потомковъ карновъ, также какъ нарѣчіе венеціанское — потомковъ венецовъ. Въ самой Крапинѣ кельтскіе карны исчезли подъ новою волною славянскою, захлынушею эту страну въ VI вѣкѣ до Р. Хр.

¹²⁶⁾ Вотъ слова, каковыми греческій историкъ Діодоръ (писавшій въ I-мъ вѣкѣ до Р. Хр.) характеризуетъ этотъ народъ, бытъ котораго долженъ былъ имѣть самое рѣшительное вліяніе на венецовъ, вытѣснившихъ его изъ сѣверо-восточной Италиі: «Тиррены (такъ называли греки этрусковъ), въ древности отличавшіеся своимъ мужествомъ, владѣли обширною страню и построили много значительныхъ городовъ. Также обладали они большими морскими силами и долго властвовали на морѣ, давъ свое имя омылающему (западный) берегъ Италиі морю. Стараясь объ усовершенствованіи пѣшаго строя, они изобрѣли военную трубу;... чтобы возвысить власть военачальниковъ, окружили ихъ жезлоносцами (листорамы), дали имъ сѣдальце изъ словеной кости и мантию, окаймленную пурпуромъ. Чтобы удалить отъ себя шумъ толпы служителей, придумали строить портики у домовъ... Особенно зашамалили они письменностью, изученіемъ природы и боговъ (*φυσιολογίας καὶ θεολογίας*) и болѣе всѣхъ людей выработали прорицаніе по молвіи... Обладая страню плодородною, они не только живутъ въ довольствѣ, но имѣютъ даже излишки, позволяющіе наслажденія и роскошь. Два раза въ день изготовляютъ они себѣ обильную трапезу и, не говоря о столь ставится множество серебряныхъ ковшей; прислуживаетъ не малое число рабовъ, изъ которыхъ одни отличаются красотю, другіе щеголяютъ богатствомъ одеждъ болѣе чѣмъ пристойно рабскому сословію...» (Diodor. V, 40).

¹²⁷⁾ Скивъ Хіосскій, ст. 375—390. — Скивъ (писавшій около 90 г. до Р. Хр.), самъ указываетъ, что онъ почерпнулъ свое описаніе Адриатическаго поморья у Тео-

помпа (живнаго въ 374—305 г.), и потому его показанія относятся въ этомъ случаѣ по времени сего послѣдняго. Онъ прибавляетъ, на счетъ климатическихъ особенностей венецскаго края, что страна эта замѣчательна внезапными переѣвами въ воздухѣ, особливо лѣтомъ, вихрями, грозами и смерчами. Справедливость этого наблюденія подтверждается и теперь: см. Филіасп, II, 8.

¹²⁸⁾ Страбонъ V, 1 § 4, 5.—Влажность и теплота климата имѣли конечно послѣдствіемъ и то, что венецскій край изобиловалъ насекомыми. Изобиліе это было таково, что существовало народное мнѣніе, будто сами деревья въ землѣ венецской порождали изъ себя червей. Augustinus contra Faustum VI (t. VIII, p. 150): animalium corpora, quae non de concubitu oriuntur, sicut sunt innumerabilia genera vermium, quorum nonnullos vulgo edunt quaedam Venetiae regiones ex arboribus patos.

¹²⁹⁾ См. выше примѣч. 123. Вторженіемъ галловъ, совершившимся около 400 г., этрусскіе были оттѣснены далеко отъ границъ венецовъ.

¹³⁰⁾ До сихъ поръ въ странѣ венецкой, въ Патавіи, Виченцѣ, Атестѣ, а также въ Адриіи и Веронѣ, найдено до 27 намятниковъ съ остатками письменъ ермекскихъ (см. Fabretti, Glossarium italicum, inser. Italiae superioris n. n. 13—40, и Mommsen, die nordetruskischen Alphabete). Но изъ нихъ только 7 или 8 представляютъ два или вѣскольکو иф-ныхъ словъ. Слова эти писаны буквами, весьма похожими на этрусскія, и по звукамъ показываютъ, насколько можно судить при такомъ недостаточномъ матеріалѣ, сходство съ надписями, найденными въ Тироли, Тессинѣ и другихъ альпійскихъ странахъ. Это заставляетъ думать, что надписи венецскаго края принадлежатъ нарѣчію первоначальнымъ, сроднымъ этрускамъ и альпійскимъ ретаемъ, жителей этой страны, или такъ называемыхъ эвгалеевъ. Вѣроятно, что венецы, при завоеваніи сѣверо-восточнаго угла Италиі не обладавшіе знаніемъ письменъ и на той ступени развитія, на которой они остались, не ощущавшіе особенной потребности въ грамотѣ, прибѣгали въ случаяхъ необходимости къ письменности туземцевъ. Извѣстна только одна, найденная близъ Гардскаго озера, надпись, которая вовсе отличается по характеру отъ эвгалеискихъ. Первые четыре строки представляютъ слова:

T E T V M V S
S E X T I
D V G I A V A
S A | X | A D I S ;

затѣмъ идутъ двѣ строки, писанныя совершенно оригинальными, непонятными письменами.—Подробности о всѣхъ этихъ надписяхъ см. въ вышеприведенномъ сочиненіи Моммзена.

¹³¹⁾ Такъ извѣстная въ исторіи имена Arrius, Raetus, Saecina происхожденія этрусскаго, какъ видно по сравненію этихъ именъ съ именами на этрусскихъ гробницахъ (см. эти имена въ словарѣ Фабретти). Впрочемъ, нѣтъ причинъ полагать, что сами роды, носившіе ихъ, были изъ Этрурлі. Имена могли быть заимствованы, какъобычай, варяги и т. под. Съ другой стороны замѣтимъ, что на вѣсколькихъ этрусскихъ гробницахъ встрѣчаются имена Venete, Venetia, Venetial.

¹³²⁾ Подъ греческимъ именемъ Тирреновъ.

¹³³⁾ Романингъ, Storia documentata di Venezia I, 18.

¹³⁴⁾ Прежде кельтовъ начало такого движенія съ запада на востокъ было сдѣлано греческими племенемъ, но не сплошными массами, а отдѣльными колоніями, выселявшимися на берега Малой Азіи, на побережье Чернаго моря и т. д.

¹³⁵⁾ Liv. V, 34. Iustin. XXIV, 4. См. Conzen, die Wanderungen der Kelten.

¹³⁶⁾ На одновременность указываютъ какъ разсказъ Ливія и Трога Помпелъ (въ извлеченіи Юстина), такъ и приведенныя выше хронологическія данныя.

¹³⁷⁾ Страб. IV, 6 § 10.

¹³⁸⁾ Liv. V, 37. invisitato et inaudito hoste ab Oceano terrarumque ultimis oris bel-

lum cisme. Намештiе галловъ на Италию, Норикъ и Илирийскiя земли въ IV вѣкѣ до Р. Хр. имѣетъ такъ много сходнаго съ позднѣйшимъ вторженiемъ кимбровъ и теутоновъ, извѣстнымъ намъ по весьма подробнымъ и совершенно достовернымъ описанiямъ, что всякое сомнѣнiе насчетъ огромности и везальности этого завоеванiя устраняется.

¹³⁹⁾ Полибій, V, 17.

¹⁴⁰⁾ Liv. X, 2. semper autem eos in armis accolae Galli habebant.

¹⁴¹⁾ Полибій, II, 18.

¹⁴²⁾ Excerpto Venetorum angulo, qui sinum circumcolunt maris, такъ выразился Ливій (V, 33) о владѣнiяхъ этрусковъ въ верхней Итали, доставшихся потомъ галламъ.

¹⁴³⁾ Полиб. II, 18. (Κέλται) κατέσχον αὐτὴν τὴν Ῥώμην, πλὴν τοῦ Καπιτωλίου, γενόμενον δ' ἀντιστάσεως, καὶ τῶν ὀθενέτων ἐμβαλόντων εἰς τὴν χώραν αὐτῶν, τότε μὲν ποιησάμενοι συνθήκας πρὸς Ῥωμαίους, καὶ τὴν πόλιν ἀποδόντες, ἐπανάβηον εἰς τὴν οἰκίαν.

¹⁴⁴⁾ Полибій, тамъ же. Послѣ вторженiя венетовъ, по словамъ того же историка, произошли у галловъ междоусобныя войны, и сверхъ того «нѣкоторые изъ живущихъ у Альпъ народовъ вооружались на нихъ и часто собиравались противъ нихъ общими силами» (Polyb. II, 18). Въ виду того, что намъ говоритъ Ливій о постоянной враждѣ венетовъ противъ галловъ, нельзя сомнѣваться, что они принимали участiе въ этихъ предпрiятiяхъ.

¹⁴⁵⁾ Какъ напр. побѣду Камилла надъ галлами, которая оказывается чистымъ вымысломъ: см. Mommsen, röm. Gesch. I, 306, Contzen, 117.

¹⁴⁶⁾ Память объ этой дружбѣ высказывается, между прочимъ, и въ римской поэзи, дѣлающей венетовъ вѣрными поборниками родоначальника римлянъ Энея въ его войнахъ съ вождями этрусковъ и другихъ племенъ Итали. См. Serv. in Aen. VII, 715; IX, 505.

¹⁴⁷⁾ См. выше, § IX.

¹⁴⁸⁾ Diodor. XV, 13.—Лиссъ, вѣнѣ Алексiю или по-славянски Лешъ, въ сѣверной Албани, у впаденiя въ море р. Дринъ (въ древн. Дрилонъ); Фаръ — на островѣ того же племени, что вѣнѣ Лесниа, по-славянски Хваръ.

¹⁴⁹⁾ Страбонъ, V, I § 4; сравн. ниже, примѣч. 186.

¹⁵⁰⁾ Рѣка эта и въ старину называлась также Brentesia (Messal. Aug. 10: Brentesia, idem ac Medoacus maior flumen Patavinum urbem praetervehens). Нѣкогда Brenta текла черезъ самый городъ Патавiи, находившiйся, какъ кажется, у слиянiя ея съ рѣчкой Бакльоне (древн. Medoacus minor или Reno). Въ настоящее время слиянiе это отошло ниже Патавiи: теперешняя Падуа стоитъ на одномъ Бакльоне. См. топографическiя подробности у Филіаси, т. II, гл. 7. По объясненiю того же Филіаси, спартанцы вѣхали въ пылѣющую laguna di Chioggia и оттуда въ устье Brenta. Описанiе Ливiа, по его словамъ, черта-въ-черту соответствуетъ этой мѣстности. Имя Медоуака осталось за однимъ изъ вѣздовъ въ лагуну, въ которую втекаетъ Brenta, въ формѣ Malatruacus или Medotruacus (въ средне-вѣковыхъ памятникахъ), вѣнѣ Malatrucco.

¹⁵¹⁾ Ливiй, X, 2.

¹⁵²⁾ Теополиа, изъ котораго черпалъ Скиппъ Хиосскiй, см. выше примѣч. 127.

¹⁵³⁾ Скиппъ Хиосскiй, висящая въ тузѣ изъ Теополиа, въ этомъ мѣстѣ (ст. 375 и слѣд.) какъ будто говоритъ вообще о населенiи края при Адриатикѣ, но тутъ же описываетъ его природу, его постоянно влажный климатъ и т. д., такими словами, которыя могутъ относиться только до венецкой страны, и затѣмъ переходитъ къ извѣстiю, что у венетовъ считается 50 городовъ.

¹⁵⁴⁾ Страб. V, I, § 7.

¹⁵⁵⁾ Главныхъ рукавовъ или протоковъ считали семь (Mela II, 4; Plin. III, 16, гдѣ

они исчислены). Лагуны въ мѣстности, гдѣ сѣверный рукавъ Пада, fossae Philistinae, соединялся каналами съ низовьями Адиги, т. е. около впаденiя Венеци, назывались «семью морями» verum maria (Plin. тамъ же; Herod. VIII, 7). Судя по словамъ Плинія, каналы въ этихъ мѣстахъ были сдѣланы еще этрусками, т. е. первоначальными обитателями края, предшествовавшими венетамъ: omnia ea Flavia fossa, quam primi a Sagi fecere Tursi egesto amnis impetu per transversum in Atrianorum paludes quae septem maria appellantur, nobili portu oppidi Tuscorum Atriae, a quo Atriatium mare ante appellabatur quod nunc Adriaticum. Подробную топографію низовьевъ Пада со всеми его рукавами и каналами по древнимъ свидѣтельствамъ сравнительно съ настоящимъ положенiемъ края читатель найдетъ у Филіаси, томъ II, гл. 2, 3, 4.

¹⁵⁶⁾ Страб. V, I § 5.

¹⁵⁷⁾ Страбонъ, тамъ же.

¹⁵⁸⁾ Servius in Georg. I, 262 *Lintres*: fluviales naviculas. Sane non sine ratione lintrium meminit, quia pleraque pars Venetiarum fluminibus abundans, lintribus exercet omne commercium, ut Ravenna, Altinum, ubi et venatio et aucupia et agrorum cultura lintribus exercetur.

¹⁵⁹⁾ Plin. H. N. XXI, 12.

¹⁶⁰⁾ Sidon. Apollin. Ep. I, 5: cursoriam (sic navigio nomen) ascendi.

¹⁶¹⁾ Virgil. Georg. I, 262: cavat arbore lintres.

¹⁶²⁾ Collegium nauarum antiscensium: надпись въ Веровскомъ музеѣ.

¹⁶³⁾ См. обо всемъ этомъ подробности у Филіаси, I, 171. 202. II, 35.

¹⁶⁴⁾ Такъ было по крайней мѣрѣ во время Римской имперiи. См.: Сидонiя Аполлинарiа, который, отправляясь изъ Галліи въ Равенну, послѣ перѣзда черезъ Альпы, сѣлъ на Тячнiй въ скорородку (cursoria) съ греблемъ-венетомъ (venetus remex); этотъ гребель доставилъ его до Брикселлы (Brixilla), гдѣ сбѣжился другимъ судозаваномъ (Sidon. Apoll. ep. I, 15).

¹⁶⁵⁾ Veneti... proximique Pannoniae et agentes circa mare Adriaticum, говоритъ Плиній (XXXVII, 2).

¹⁶⁶⁾ Страб. V, I § 8. *ἀνεῖται δ' ἐμπόριον τοῖς περὶ τὸν Ἰστρον τῶν Ἰλλυρῶν ἔθνεσιν*. Здѣсь имя илирийцевъ принято, разумѣется, не въ смыслѣ этнографическомъ, а какъ общее, употреблившееся особенно тогдашней римскою администраціею, обозначеніе народовъ между Альпами и среднимъ теченiемъ Дуная.

¹⁶⁷⁾ Страбонъ, тамъ же. — О цвѣтущемъ состоянiи Аквилеп, которая въ эпоху римскихъ императоровъ сдѣлалась вторымъ послѣ Рима городомъ Итали, объ ея обширной торговлѣ мы имѣемъ много свидѣтельствъ. Такъ, между прочими, Геродiанъ, по случаю осады Аквилеп Максиминомъ въ 238 г., говоритъ, что это былъ «весьма большой и многозводный городъ, который, находясь у моря, служилъ для Итали и всѣхъ народовъ Илириса рынкомъ, гдѣ произведенiя материка, привозимыя сухимъ путемъ или по рѣкамъ, нагружались для отвоза за море, а къ народамъ материка отправлялись заморскіе товары и также вино, производившееся въ изобилiи окрестной страной» (Herod. VIII, 2). См. также ишер. Юліана (Orat. II, p. 71). Anson. Clag. urbes. Aquileae:

Nona inter claras Aquileae cieberis urbes,

Itala ad Illyrios obiecta colonia montes,

Moenibus et porta celeberrima....

¹⁶⁸⁾ Martial. X, 93, говоритъ объ Эуганейскихъ берегахъ Гелікаона (Гелікаонъ былъ по Илиадѣ одинъ изъ сыновей Антенора), т. е. о Патавинскомъ краѣ:

Si prior Euganeas, Clemens, Heliconis oras

Pictaque pampineis videris arva jugis,

Perfer Atestinae pondum vulgata Sabina.

чвстности иногда родники, иногда рѣку, иногда озеро, тамъ находившіеся. См. Liv. XXI, 3, 6: ad lacum Timavi. Virgil. Aen. I, 242:

Antenor potuit, mediis elapsus Achivis
Phryicos penetrare sinus atque intima tutus
Regna diburnorum, et fontem superare Timavi,
Unde per ora novem vasto cum murmure montis
It mare proruptum et pelago premit arva sonanti.

Claudian. de III Consul. Honorii, v. 120: Phrygii numerantur stagna Timavi.
Plin. III, 18 amnis Timavos Auson. Clar urb. XIV aequoreo non plenior amne
Timavus. Клавдіанъ (de VI consul. Honorii, 196), псчисляя венецкія рѣки (Venetos amnes) говорить: velox Athesis tardusque meatu Mincius inque novem consurgens ora
Timavus.

Въ настоящее время не видно семи (или десяти) отдѣльных родниковъ Тимава; они слились, такъ что осталось всего два, которые по-прежнему образуютъ широкій потокъ, имѣющій весьма короткое теченіе, но судоходный до самой своей вершины. Онъ находится въ $\frac{1}{4}$ часа расстоянія отъ мѣстечка Дѣвнъ (итальянски Дуино), лежащаго между г. Терлечемъ (итал. Монфальконе) и станціею желѣзной дороги Набрежнѣной. Мѣстность эта совладаетъ, въ настоящее время, съ этнографическою границею словенцевъ и итальянцевъ, у сѣвернаго угла Триестскаго залива. У итальянцевъ, тутъ живущихъ, описанный нами потокъ сохраняетъ свое древнее наименование: *Тимаго*; словенцы обыкновенно называютъ его *Штиванска вода*, сокращенно вѣсего Шентпавска вода, но церкви св. Іоанна, находящейся близъ источниковъ. Въ этой же мѣстности есть два озера, но неизвѣстно, которое изъ нихъ обозначалось у древнихъ нодъ именемъ Тимавскаго; одно, ближайшее къ потоку, поменьше, называется теперь *Езеро при Саблицу*; другое, подалше, довольно больше — *Езеро Добердобско*, отъ имени деревни Доберъ-добръ (т. е. Добрый-дубъ), лежащей у озера. Свѣдѣнія эти сообщены намъ уроженцемъ той мѣстности, г. Маршичемъ, профессоромъ въ Горницѣ. Сравни также Флиасъ, I, 485 и слѣд. Объясненія Каталича (Orb. antiq. I, 425), полагавшаго Тимавъ западиѣ, близъ устья Сочи (Σονχο), основаны на недоразумѣніи.

¹⁹¹⁾ Страб., V, 1, § 8. О значеніи Гермъ въ Аргосѣ и Артемиды въ Этоліи, см. Preller, Griech. Mythologie, I, 125, 235. II, 303.

¹⁹²⁾ Приведемъ здѣсь сказаніе, сохраненное Страбономъ и относящееся къ священнымъ ромамъ вешего на Тимавѣ. Былъ человекъ, изъ числа знатныхъ, отличавшійся своею самомадѣянностью и подсмѣивавшійся падъ вѣровавшему въ священное значеніе этихъ роцъ. Онъ встрѣтился случайно съ охотниками, державшими волка въ сѣтяхъ. Они въ шутку предложили ему взять волка на поруки и обѣщали выпустить его изъ сѣтей, если онъ заплатитъ за убытки, которые волкъ сдѣлалъ бы причинять. Тотъ согласился. Тогда волкъ, получивъ свободу, загналъ къ своему издѣвателю на ковылину прекрасный табунъ лошадей, ненитыпныхъ тавра. Тотъ взялъ лошадей себѣ, паложилъ на нихъ тавро, изображавшее волка. Этихъ лошадей прозвали «волконосцами» и они отличались не только красотою, сколько быстротою. Наслѣдники человека, который ихъ такимъ образомъ приобрѣлъ, сохраняли знакъ тавра и имя породы, сдѣлавшейся знаменитою, и, чтобы она велась только у нихъ, положили за правило никогда не отчуждать кобылъ этой породы.

¹⁹³⁾ Страб., V, 1, § 8: см. выше примѣч. 185.

¹⁹⁴⁾ См. Scylax, 16. Ὀυβρικοί... τοῦτο δὲ τὸ ἔθνος τιμᾷ Διομήδην, εὐεργετηθέν ὑπ' αὐτοῦ καὶ ἱερὸν ἔστιν αὐτοῦ. Есть объ этомъ и множество другихъ свѣдѣтельствъ.

¹⁹⁵⁾ Страб., VI, 3, § 9, ἐκείνοι (Ἐνετοί) παρὰ σφισὶ πῶς τὴν καταστροφὴν αὐτοῦ μηθεύουσιν ἢ ἀποθεύουσι καλοῦσα.

¹⁹⁶⁾ Изъ намековъ Марціала видно, что съ Тимавомъ соединилось также какое-то сказаніе, относимое къ Кастору и къ его коню Киллару (IV, 25):

Aemula Baianis Aluni litora villis
Et Phaestontei conscia sylva rogi;
Quaeque Antenoreo Dryadum pulcherrima Fauno
Nupsit ad Euganeos Sola puella lacus;
Et tu Ladaeo felix Aquileia Timavo,
Hic ubi septenos Cyllarus hausit aquas:
Vos eritis nostrae portus requiesque senectae,
Si juris fuerint otia nostra sui.

Также въ другомъ стихотвореніи (VIII, 28) Марціалъ спрашиваетъ у своей тогги, «считали ли оцы, изъ шерсти которыхъ она соткана, многочисленныя русла Тимава, откуда нѣкогда пилъ звѣздоносецъ Килларъ?».

An tua multiformis numeravit lana Timavum,
Quem plus astrifero Cyllarus ore bibit?

Въ выписанномъ выше стихотвореніи, Марціалъ умопвщаетъ также о какой-то Солѣ, повидимому, одной изъ нимфъ венецкаго края: «такъ, гдѣ у Эгпанейскихъ озеръ, говоритъ онъ, прекраснѣйшая изъ дриадъ, дѣва Сола сочелась съ антеноровымъ (т. е. пагавинскимъ) фалломъ». Мы ничего больше не знаемъ объ этомъ мифѣ.

¹⁹⁷⁾ Liv. X 2. Rostra navium spoliisque Laconum in aede Iunonis veteri fixa, multi supersunt qui viderunt Patavi.

¹⁹⁸⁾ См. ниже примѣч. 202. Жрецы упоминаются въ нѣсколькихъ запискахъ надписяхъ, принадлежавшихъ венецкому краю (см. Каталича Istriae adcol. geogr. I, 259, гдѣ приведены эти надписи). Хотя встрѣчающіяся въ нихъ жрецескія должности (pontifex; augur; quindescimviri sacris faciundis и т. д.) принадлежать іерархіи римлянъ, однако существованіе храма въ Патавіи еще задолго до римскаго владычества заставляетъ предполагать, что вереты и тогда уже имѣли своихъ жрецовъ, къ которымъ потомъ римляны употребилися въ Римѣ титулы.

¹⁹⁹⁾ Особенно прославился жрецъ и прорицатель Апонскаго оракула Корнелій, про котораго разсказывали, будто бы онъ въ день Фарсальской битвы между Цезаремъ и Помпеемъ, находясь въ Патавіи, видѣлъ передъ собою и обличалъ народу ходъ сраженія и наконецъ провозгласилъ побѣду Цезаря. Ant. Gell. XV, 18. Quo C. Caesar et Cn. Pompeius die per civile bellum signis conlatis in Thessalia conflixerunt, res accidit Patavi in Transpadana Italia memorari digna. Cornelius quidam sacerdos, et nobilis et sacerdotii religionibus venerandus et castitate vitae sanctus, repente mota mente conspiciere se procal dixit, pugnam acerrimam pugnari ac deinde alios cedere, alios urgere, caedem, fugam, tela volentia instaurationem pugnae, impressionem, gemitus, vulnera, proinde ut si ipse in proelio versaretur, coram videre sese vociferatus est ac postea subito exclamavit, Caesarem vicisse. О томъ же Луканъ, Pharsal. VII:

Euganeo, si vera fides memorantibus, augur
Colle sedens, Aponus terris ubi fumifer exit
Atque Antenorei dispergitur unda Timavi:
«Venit summa dies, geritur res maxima, dixit,
Impia concurrunt Pompeii et Caesaris arma» etc.

²⁰⁰⁾ Клавдіанъ говоритъ объ Апонѣ:

Publica morborum requies, commune medentium
Auxilium, praesens nomen, incempta salus.

Ср. также описаніе этого источника у Кассіодора Ep. II, 39.

²⁰¹⁾ Claudian. Idyll. VI (Aponus):

Turbidus impulsu venti quum spargitur aër,
Glaucaque fumiferae terga serenat aquae,

Tunc omnem liquidam vallem mirabere fundi:

Tunc veteres hastas, regia dona, micant.

202) Это видно изъ разсказа Светонія объ императорѣ Тибериѣ, обращавшемся къ Апопекому оракулу: Suet in Tib. 14: mox, cum Illurcium petens (Tiberius) iuxta Patavium adisset Geryonis oraculum, sorte tracta, qua monebatur, ut de consultationibus in Aponi fontem talos aureos iaceret, evenit, ut summum numerum iacti ab eo ostenderent; hodieque visuntur sub aqua hi tali. Мы должны упомянуть, что еще въ походѣ III вѣка по Р. Хр., императоръ Клавдій (268 — 270) спрашивалъ будущее у Апонскаго оракула и получалъ отъ него, по словамъ историка (Trebell. Pollio c. 10), откровение о судьбѣ своей, своего брата и потомства. Требеллій Полліонъ даже приводитъ эти изреченія. Другой историкъ того же времени упоминаетъ также объ «Апонскихъ жребіяхъ» (Arpeninae — читай Aponinae — sortes), служившихъ оракуломъ императору Аврелиану (270 — 275): см. Flav. Vopiscus in Egitto c. 3.

Изъ вышесказанныхъ выше словъ Светонія видно, что Апонскій оракулъ соединялся съ именемъ Геріона. Геріономъ называли известное въ греческой мифологій чудовище, крылатое, о трехъ головахъ, оберегавшее на дальнемъ западѣ стадо похищенное у Солнца, — словомъ, олицетвореніе темной и враждебной силы, существо, которое, можетъ быть, слѣдуетъ отождествить съ славянскимъ Змѣемъ-Горынычемъ. По греческимъ сказаніямъ, Гerkулеcъ пошелъ побороть это чудовище и освободить стадо Солнца. Къ странствованію Гerkулеcа, когда онъ черезъ землю кельтовъ и скивоувъ возвращался домой съ освобожденнымъ стадомъ, греки призывали много мѣстныхъ сказавій (напр. о происхожденіи скинскаго народа, о чемъ въслѣдствіи, и мн. друг. См. Preller Griech. Myth. II, 202 — 216); такимъ образомъ можно объяснить сочетаніе имени Геріона съ оракуломъ въ Венецкомъ краѣ. Тамъ показывался какія-то борозды въ скалахъ и называли ихъ слѣдами Гerkулесова паша. Клавдіанъ (Idyll.) говорить объ Апонѣ:

Prætere grandes effosso marmore sulci
Saucia longinquo limite saxa secant;
Herculei (sic fama refert) monstrantur aratri
Semita, nec casus vomeris egit opus.

203) Cassiodor. Ep. II, 39. Sed non his tantum beneficiis Antenorea terra foecunda est. Inferet et alia, quæ multo grandius obstupescas. Corda illa (ut ita dixerim) montium in vicemsecretarii, negotia contentiosa distinguunt. Nam si quis forte pecus furatum pilis nativis solito more spoliare præsumpserit, undis ardentibus frequenter immersum, necesse est, ut antea decoquat, quam emundare prævaleat. O vero secretarium iure reverendum! quando in his aquis non solum sensum, sed etiam verum constat esse iudicium, et quod humana nequit altercatione dissolvi, fontium datum est aequitate definiri.

204) Тамъ же. Sed ut ipsum quoque lavacrum mundius redderetur, stupenda quaedam continentis disciplina in undam, qua viri recreantur, si mulier descendat, incenditur, Срав. Martial. VI, 43: fontes Aponi rudes puellis.

205) О томъ, какъ одѣвались венецы и о домашней обстановкѣ ихъ быта почти ничего неизвѣстно. Историкъ Венецій, Романинъ говоритъ, что, судя по изображеніямъ древнихъ памятниковъ, венецы носили шляпы и короткіе волосы; прочее, что разсказываетъ Романинъ (I, 15), будто ихъ костюмъ былъ похожъ на азиатскій, съ широкими шароварами и т. п., основано на чистомъ недоразумѣнн: Романинъ приписалъ къ венецамъ извѣстіе о сигиллахъ, вѣтви персидскаго шенепп, которая не имѣетъ съ ними ничего общаго. Римскій сатирикъ Ювеналъ (Sat. VIII) упоминаетъ о «жестокомъ венецкомъ куколѣ» или калашовѣ» (contentusque ille Veneto duroque cucullo). Такого рода головной уборъ, по словамъ Романина, сохраняли въ слѣдствіи жители Венеціанскихъ острововъ, гдѣ долгое время и знать и простой народъ носили калашоны. Тотъ же историкъ, ссылаясь на то, что у римлянъ слово *venetus* стало

употребляться въ смыслѣ голубого, полагаютъ, что голубой цвѣтъ былъ любимымъ у венецовъ и находятъ тому замѣчательное подтвержденіе въ томъ, что еще въ XII вѣкѣ венеціанцы носили одежду преимущественно голубого цвѣта. Мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ греческихъ писателей извѣстіе, будто жители побережья Эриана (р. Ио) носили черное платье, въ знакѣ траура по Фаэтонѣ (Polyb. II, 16. Scymn. v. 400. Plutarch. Moral. de numinis vindicta, 12); но трудно рѣшить, была ли это просто видимость греческой фантазіи, или дѣйствительно венецы любили темный цвѣтъ въ одеждѣ, и это послужило поводомъ къ баснѣ объ ихъ траурѣ. Полибій высказывается такъ, какъ будто самый фактъ ношенія черной одежды признавался имъ за вымыселъ: τὰλλα δὲ τὰ περὶ ποταμῶν τούτων (Πάδου) ἱστορούμενα παρὰ τοῖς Ἑλλήσι, λέγουσιν ὅτι τὰ περὶ Φαιθόντα καὶ τὴν ἐκείνου πτώσιν, ἔτι δὲ τὰ δάκρυα τῶν ἀλιείρων, καὶ τοὺς μελαννίμονας τοὺς περὶ τὸ ποταμὸν οἰκοῦντας, οὗς φασὶ τὰς ἐσθῆτας εἶσθαι νύκτωρ φορεῖν τοιαύτας ἀπὸ τοῦ κατὰ Φαιθόντα πένθους, καὶ πάσιν δὲ τὴν τραυκίην, καὶ ταύτῃ προσκομιθεῖν ἄληθ... ἔπερδήσο μεθα.

Переходя отъ одежды къ цвѣтѣ, мы можемъ указать только на самую отрывочную извѣстія. Если вѣрить Марціалу, венецы даже при извѣстномъ столѣ начинали обѣдъ съ мелкой рыбы, которой и теперь множество въ лагунахъ, въ родѣ искарл: XIII, 88:

In Venetis sint lauta licet convivio terris,
Principium coenae gobius esse solet.

Сравн. Colum. de re rust. VIII, 17: exiguus gobio. Рыбу венецы умѣли готовить каковыю-то особеннымъ способомъ, сохранявшимъ ея природный цвѣтъ: Lamprid. Heliogab. 23. Pisces semper quasi in marina aqua cum colore suo coctos conditura veneta comedit.

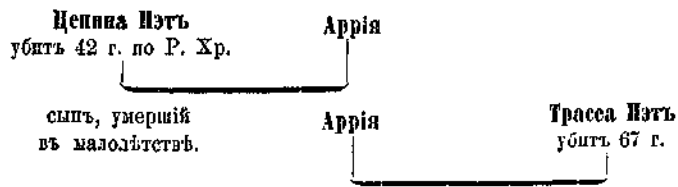
206) Можно привести только одну отрывочную черту, именно, что венецы, или по крайней мѣрѣ жители волости Andes близъ Мантин (in pago qui Andes dicitur, qui est a Mantua non procul), гдѣ родился Virgilius, венець по происхожденію, садилъ въ землю, при рожденіи младенца, ростокъ тополя. Donat. de Virgillii vita: virga populea, more regionis in puerperis eodem statim loco depacta.

207) Plin. jun. Ep. I, 14. Habet Minucius avium matremam Serranam Proculam e municipio Patavino. Nosti loci mores. Serrana tamen Patavinis quoque severitatis exemplum est.

208) Martial. XI, 17.

Tu quoque nequitas nostri lususque libelli
Uda puella leges, sis Patavina licet,
Erubuit, posuitque mecum Lucretia librum;
Sed coram Bruto: Brute, recede, — leget.

209) Патавинское происхождение этой семьи несомнѣнно доказываютъ сохранившіеся надгробные памятники рода Петовъ и рода Арріевъ, которымъ она принадлежала съ мужской и женской стороны. Нѣсколько такихъ памятниковъ открыты въ Патавіи, одинъ въ венецкомъ же городѣ Опитергій (Historia di Padova di Sertorio Orsato, 55, 56). О патавинскомъ происхожденіи Трацевъ Пата свидѣтельствуютъ также Тацитъ и Dioвъ Кассій. Для наглядности представляемъ слѣдующую родословную таблицу:

Фаннія
замужемъ за Гельвидіемъ Прискомъ, неполитанцемъ, который убитъ 73; умерла послѣ 96 г.

²¹⁰⁾ Нѣсколько подробностей изъ жизни Аррія старшей сохранены Плиніемъ м. (Ер. III, 16). Особенно знаменита ея смерть. Въ царствованіе императора Клавдія (въ 41 г.) мужъ Аррія, Цецина Пэтъ, принадлежавшій къ числу высшихъ римскихъ сановниковъ, былъ приговоренъ къ смерти въ попыткѣ возстановитъ республиканское правленіе и древнюю свободу. По обычаю того времени, ему, какъ знатному римлянину, было предоставлено исполнить надъ собою приговоръ. Онъ уже взялъ въ руки кинжалъ, но не доставало рѣшимости, онъ колебался. Видя это, Аррія выхватываетъ у него кинжалъ, ударяетъ себя въ грудь, выдерживаетъ кинжалъ и подаетъ мужу со словами: „Пэтъ, не больно“ (Pate, non dolet). См. Plin. Ер. III, 16, Martial. I, 14; Tac. Annal. XVI, 34; Dio Cass. LX, 16.

²¹¹⁾ Тацитъ (Annal. XVI, 21) называетъ его „virtutem ipsam“. Martial. IV, 54: Divitiar Stipro, Thraesa constantior ipso. Плиніи м. (Ер. VIII, 22) говоритъ о немъ, vir mitissimus et ob hoc quoque maximus. Его мужественная и честная оппозиція Нерону, кроткое спокойствіе, съ которымъ онъ принялъ приговоръ смерти, его прощаніе съ Арріей, его предсмертное воззваніе „Юпитеру-освободителю“, все это столь извѣстно изъ Тацита, что мы этого здѣсь не повторяемъ.

²¹²⁾ Plin. Ер. VII, 19. Тацитъ (Ann. XVI, 34) рассказываетъ, что жена Трасея, Аррія младшая, пыталась послѣдовать примѣру своей матери и окончить жизнь виѣтъ съ мужемъ, но Трасея убѣдилъ ее пощадить себя для дочери, которой она оставалась единственною опорой. Дочь ея Фаннія была выдана за Гельвидія Приска, чловѣка достойнаго вступитъ въ родство съ Трасеей, который нашелъ въ немъ круга по своему сердцу и послѣдователя своихъ благородныхъ убѣжденій (Tac. Hist. IV, 5). Прекрасную характеристику Фаннии и ея матери мы находимъ въ вышеприведенномъ письмѣ Плинія младшаго.

²¹³⁾ Какъ слышна была связь этого семейства съ родиной, видно уже изъ того, что Трасея, уже римскій сенаторъ и притомъ одинъ изъ знатнѣйшихъ сенаторовъ Рима, не пренебрегъ ѣхать въ Патавію, чтобы принять участіе въ тамошнемъ старинномъ народномъ праздникѣ (см. выше примѣч. 81, 83).

²¹⁴⁾ Macrob. Saturnal. I, 11. Asinio Pollione acerbe cogente Patavinus, ut pecuniam et arma conferrent, dominisque ob hoc latentibus, praemio servis cum libertate proposito, qui dominos suos proderent, conatat servorum nullum, victum praemio, dominum prodidisse.

²¹⁵⁾ Полибій II, 23, 24. Страб. V, 1 § 9.

²¹⁶⁾ Röm. Gesch. I, 527.

²¹⁷⁾ Въ вѣнцѣ Истріи.

²¹⁸⁾ Sil. Ital. Punic. VIII, 590, 606. XII. 212. Въ несчастной для Рима битвѣ при Каннахъ (216 г.), съ особеннымъ геройствомъ сражался, по словамъ Силія Италика, венецскій вождь Педіахъ, „который велъ свой родъ отъ Антенора и съ которымъ среди родовъ венецскихъ (Venetae ex ordine gentes) не могъ сравниться никто, подымаясь ли онъ на войну или кротко предавался музамъ и уединенной жизни ученаго и пѣснопѣвца“.

²¹⁹⁾ См. Моммзена, Röm. Gesch. I, 637 и въ другихъ мѣстахъ.

²²⁰⁾ Полибій II, 35. Этотъ характерстическій отзывъ помѣщенъ имъ при описаніи въ 225 г. первой войны съ боіами и инсубрами въ сѣверной Италиі.

²²¹⁾ Liv. XXXIX, 22, 54. „Neque illos recte fecisse, quam in Italiam venerint, oppidumque in alieno agro, nullius Romani magistratus, qui ei provinciae praeesset, permisso, aedificare conati sint; neque senatui placere, deditos spoliari... Alpes prope inexsuperabilem finem in medio esse“.

²²²⁾ Strab. V, 1 § 8): ἐπιτεχισθὲν τοῖς ὑπερχημένοις βαρβάρους. Ср. Liv. XLIII, 1: Aquileiensem... coloniam... novam et infirmam... inter infestam nationem Istrorum et Illyriorum. Пограничное положеніе Аквилей было причиной, что ее причисляли то къ венец-

скому краю (Ливій XXXIX, 22), то къ Карніи (Плиніи III, 18. Стр. III, 1 § 29). Но что Аквилей принадлежала точно къ владѣніямъ венецковъ, явствуетъ изъ того, что Тимавское святилище, лежавшее отъ нея дальше къ востоку, по всѣмъ безъ исключенія свидѣтельствамъ, входило въ составъ венецской земли. Потому, когда Страбонъ, который совершенно справедливо называетъ Тимавъ пограничнымъ мѣстомъ венецковъ со стороны Истріи (V, 1 § 9), тутъ же говоритъ, что «Аквилея находится вмѣстѣ венецскихъ предѣловъ» (§ 8: ἐξω δ' ἐστὶν τῶν Ἑνετικῶν ὄρων ἢ Ἀκυληία), то это или простое недоразумѣніе, или Страбонъ хотѣлъ выразить, что Аквилей въ административномъ отношеніи была отдѣлена отъ венецскаго края: послѣднее предположеніе весьма вѣроятно, какъ потому, что Аквилей составляла римскую колонію, такъ и потому, что ея значеніе, какъ большого складочнаго мѣста для торговли, могло требовать, чтобы этотъ городъ выдѣленъ былъ изъ общаго управленія венецкой области.

²²³⁾ Впослѣдствіи, тоже для обороны отъ истровъ и отъ заальпійскихъ племенъ, основаны были въ восточной полосѣ венецскаго края, называвшейся также Карніей, новыя колоніи Конкордія и Forum Julii (нынѣ Чивидале, по-славянски Старо-мѣсто); но внутри страны венецковъ не было учреждено ни одной римской колоніи, и лишь въ царствованіе Нерона посланы почему-то римскіе поселенцы въ венецскій городъ Атину (Julii Frontini de coloniis: Atina, muro ducta, colonia: deduxit Nero Claudius Caesar).

²²⁴⁾ Ливій XLI, 27.

²²⁵⁾ Mommsen, Corpus inscript. latin. I, 153, № 547, 548 и 549.

²²⁶⁾ Часть исторіи Ливіи, обнимающая періодъ съ 218 по 179 г., сохранялась въ цѣлости, а именно только въ продолженіи этого времени могло совершиться подчиненіе венецковъ Риму.

²²⁷⁾ Hor. III. 3. in Venetia, quo fere tractu Italia molissima est.

²²⁸⁾ Herodian. VIII. 3: χηροὶ δὲ τινες ἐδιδόντο τὰς δὴ τοῦ ἐπιχωροῦ (рѣчь идетъ объ Аквилей) θεοῦ γίγνη ἐπισχροῦμένου. Βέλιν δὲ καλοῦσι τοῦτον, ὄβρονσι τε ὑπερφωῖς, Ἀπόλλωνα ἐν αὐτοῖς. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ, и въ томъ числѣ г. Георгіевскій въ своей книгѣ: «Галлы въ эпоху Кайя Юлія Цезаря» приняли этого Бѣлина за кельтскаго бога. У кельтовъ Цезарь въ числѣ второстепенныхъ боговъ приводитъ и Аполлона, замѣчая только, что онъ «отговяетъ болѣзни» (В. G. VI, 17); но, какъ называли кельты этого бога, мы не знаемъ; въ извѣстныхъ намъ надписяхъ, принадлежавшихъ кельтскому краю, имя Бѣлина или Белена не встрѣчается. Напротивъ того, многочисленныя надписи, найденныя въ Аквилей, Градѣ и около нинѣшней Венеціи показываютъ, что Бѣлинъ былъ мѣстнымъ богомъ этой страны; но, конечно, никто не станетъ выдавать жителей Аквилей, Града и венецскаго края за кельтовъ. Тертуліанъ называетъ Бѣлина богомъ нориковъ (Apolog. с. 24) Unicusque eіam provinciae et civitati suus deus est... ut Noricis Belenus etc. Ad Nation. II, 8. Belenium Noricum (deum). Это свидѣтельство указываетъ также не на галльское, а на славянское происхожденіе Бѣлина, ибо главное населеніе Норика, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, составляли славяне. Единственное указаніе на то, что Бѣлинъ извѣстенъ былъ и галламъ, мы встрѣчаемъ у Авзонія, а именно: Profess. IV (Attius Paterna):

Tu Baiocassis stirpe Druidarum satus

Si fama non fallit fidem,

Beleni sacratum ducis e templo genus.

Idem, Profess. X.

Nec reticebo senem

Nomine Phoebicium,

Qui Beleni aeditaus

Nil opis inde tulit;

Sed tamen, ut placitum
 Stipe satus Druidum
 Gentis Aemericæ,
 Burdigalæ cathedram
 Nati opera obtinuit.

Но эти слова Авзония не опровергаютъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что поклоненіе Вѣлину принадлежало, собственно, венецкому краю и Норнику. Можно предположить только, что галлы, владѣвшіе долгое время Норникомъ, заимствовали Вѣлина отъ тамошнихъ коренныхъ жителей-славянъ и что эпитетъ путемъ Вѣлина сдѣлался извѣстенъ и въ Галліи. Или, быть можетъ, колонія венецовъ, которая, какъ будетъ показано въ своемъ мѣстѣ, переселилась въ гальскую Арморю, перенесла туда и своего бога? Храмъ Вѣлина, о которомъ говоритъ Авзоній, находился именно въ Арморіи (въ мѣстности, гдѣ теперь Вауекъ, городъ древняго колѣна Валогассовъ, въ Нормандіи).

Что Вѣлея или Вѣлинь былъ дѣйствительно главнымъ народнымъ божествомъ венецовъ въ Италіи, подтверждается тѣмъ, что ему, судя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, воздвигнуто было въ ихъ странѣ наибольшее число памятниковъ. На это же указываетъ и выраженіе Геродіана, что ему особенно (или «чрезвычайно», *επερρωδῆς*) поклоняются жители Аквилы. Этому значенію Вѣлина, какъ высшего бога венецкаго, не противорѣчитъ то, что римляне отождествляли его съ Аполлономъ, т. е. съ богомъ второстепеннымъ; въ этомъ отношеніи древніе руководствовались преимущественно вѣдшими признаками, атрибутами боговъ, а не значеніемъ и степенью власти, которая имъ приписывалась. Такъ, напр., Цезарь называетъ главнымъ бога, которому поклонялись галлы, Меркуриемъ, хотя Меркурій былъ весьма неважнымъ лицомъ въ римскомъ сонмѣ боговъ, но потому, что Цезарь находилъ въ признакахъ высшаго гальскаго божества (Теутата) сходство съ представленіями римлянъ о Меркуріи (см. В. G. I, VI, 17). Такимъ же точно образомъ, безъ сомнѣнія, и главный богъ венецовъ сдѣлался Аполлономъ. Самое названіе *Вѣлинь* или *Вѣленъ* указываетъ на то, что это было божество свѣтлое, — вѣроятно тотъ же представитель свѣтлаго начала, какъ *Вѣль-богъ*, котораго мы находимъ у другихъ славянъ. Такъ какъ по основному, существенному своему значенію Аполлонъ былъ также богомъ солнца и свѣта (см. Preller, Griech. Myth. I. 182), то отождествленіе Вѣлина съ Аполлономъ еще болѣе подтверждаетъ это предположеніе. — Кромѣ приведеннаго извѣстія Геродіана, о поклоненіи Вѣлину свидѣлствуютъ, какъ замѣчено выше, надписи, найденныя въ венецкомъ крайѣ. Богъ тѣ, которая напечатана Катанчичемъ (*Istri adcolagus geographia vetus* т. I). *Belino sac* (на островѣ Градѣ, стр. 180); другая такая же (тамъ же стр. 208); *Beleno aug. sac.* (т. е. *Beleno angusto sacravit*; въ Аквилѣ, стр. 200); *Beleno aug.* (тамъ же); *Belen. aug.* (тамъ же); *Belin. aug. sac.* (тамъ же, стр. 208); *Belino aug. sacrum* (тамъ же, стр. 207); *Beleno aug.* (въ Венеціи, стр. 185); *Beleno* (въ Аквилѣ, стр. 199); другая то же *Beleno* (тамъ же, стр. 216); *Belino* (тамъ же, стр. 209); *Apollini Beleno aug.* (въ Венеціи, стр. 185); *Apollini Beleno* (въ Аквилѣ, стр. 201); *Apollini Beleno aug.* (тамъ же, стр. 218); *Domno B. sacrum* (чит. *Domno Beleno*; въ Аквилѣ, стр. 210); *Fonti Beleno* (тамъ же, стр. 208); *Fonti B.* (чит. *Beleno*; въ Венеціи, стр. 185). Замѣчательны эти двѣ послѣднія надписи, посвященныя «источнику Вѣлену». Имя Вѣлена слышно до сихъ поръ въ названіи деревни у развалинъ Аквилы, Белинья (*Beligna*).

²²⁹ Надпись въ Венеціи: *bono (deo) Brontoni*. Другая надпись, въ которой упоминается тоже божество, найдена въ Римѣ: *Jovi sacro Brontonti* (Катанч., стр. 185). Имя этого божества представляетъ нѣкоторое сходство съ албанскимъ словомъ *Перендѣ* или *Перидѣ*, Богъ; но ни то ни другое для насъ необъяснимы. Впрочемъ,

названіе «Brontoni» сравнивали съ греческимъ *βροντία* — гремя и съ этрусскимъ словомъ *fruntas*, которое въ одной двуязычной этрусско-латинской надписи, соответствующей, по видимому, слову *fulgurator* (Fabretti п. 69; см. его же подъ сл. *fruntas*).

²³⁰ «Deo Gavio pat» надпись въ Джемонѣ, въ Венеціанской области, Катанч., стр. 215. Не есть ли имя это старинная форма причастія отъ корня *гов-ѣть*, чтить, поклонно, тождественнаго, кажется, съ древне-индиск. *ху* (*vaṣto hu*) дѣлать возлияніе, жертвоприношенія, откуда причастіе *хута* (см. *huta*) тотъ, кому приносятъ жертвы, съ которыми сравниваютъ готское *Guth*, древне-нѣмец. *Got*, богъ? Совершенно загадочны для насъ еще два мифологическія названія, встрѣаемыя на надписяхъ венецкаго края, именно: *Fonio* въ двухъ аквильскихъ надписяхъ (тамъ же, стр. 214: 1) *Foniois sacer* *Seia. Ionis mag. d. d.* и 2) *Annia M. f. Magna. et Scia-lonis. et. Cornelia. Ephire Magistrac. b. d. porticvm. restitverunt adicvlam. Fonionis*), а также *Cuslanus* въ веронской надписи (тамъ же стр. 186 и Fabretti, Glossar. 974: *Cuslano sac. L. Octavivs C. f. Crassvs L. C. Octavi L. f. Martialis. et. Maser*. По звуку, имя *Cuslanus* напоминаетъ славянск. (чешск.) *кѣсло* — цародѣйство; но этимологія слѣшкомъ сомнительна, тѣмъ болѣе, что надпись найдена у Вероны, стало быть въ мѣстности, населенной отчасти этрусками, и потому нельзя съ увѣренностью считать это божество за венецкое.

²³¹ Maratori II, p. 84, Vita S. Aureliani (въ Agnell, *liber pontificalis*): *De hoc denique viro (Aureliano) non potui aliqua facta reperire, nisi tantum res quas Ursiana ecclesia in territorio Comaclensi in loco qui dicitur Ignis et Bajas, idem idolo-gium nomine, non longe ubi ecclesia b. Mariae de Pado vetere sita est, ipse adquisivit* Здѣсь мы видимъ прямое указаніе на дѣйствительныя мѣстности (лежавшія близъ устья По, гдѣ нынѣ Комакко), которыя были названы по азычскимъ божествамъ: имя *Ignis* здѣсь очевидно замѣнило славянское *огнь* (мы знаемъ, что римляне, при боготвореніи огня, иногда не давали ему этого простаго названія); *Bajas*, какъ кажется, объясняется сохранившимся доселѣ въ славянскомъ (хорутанскомъ) нарѣчій словомъ *бая*, въ смыслѣ жребій, чары, обаяніе, словомъ, имѣющимъ обширное родство во всѣхъ глѣняхъ языка славянскаго. Такимъ образомъ, можно бы полагать, что у венецовъ была богиня *Бая*, соответствовавшая римской *Фортунѣ*. — Памятникъ, въ которомъ мы читаемъ это любопытное извѣстіе, виситъ въ первой половинѣ IX вѣка; а жизнь епископа Аврелиана принадлежитъ VI вѣку (онъ былъ современникомъ папы Гормыздаса, 514 — 528 гг.).

²³² Liv. Epit. CX. Flor. Epit. IV. Lucan. Pharsal. IV, 402.

²³³ Сдѣлавшись полнымъ властелемъ Рима, Цезарь включилъ въ число сенаторовъ многихъ провинціаловъ даже изъ Испаніи и Галліи; итѣ сомнѣнія, что мѣстѣ съ ними приняты были въ сенатъ и важнѣйшіе изъ гражданъ Венецкаго края. Тацитъ рассказываетъ, что когда (въ 48 г. по Р. Хр.) сдѣлано было предложеніе принять въ сенатъ знатнѣйшихъ лицъ Галліи, то римскіе консерваторы восклицали: «зачѣмъ ли съ насъ еще, что венецы и пусурбы вторглись въ сенатъ! Хотятъ ли насъ сдѣлать совсѣмъ плѣнниками въ толгѣ нидемцевъ» (*an parum quod Veneti et Insu-bres curiam ingrederint, nisi ceteris alienigenarum, nisi carpitavit inferatur?*). Напротивъ того, императоръ Клавдій, защищая предложеніе, говорилъ сенату, между прочимъ: «съ тѣхъ поръ именно водворилось у насъ дома прочное спокойствіе и вѣдннн дѣла наши стали процвѣтать, когда транснаданцы (т. е. жители края между По и Альпами, стало быть венецы и ихъ сосѣди) приняты въ число гражданъ» (Tacit. Annal. XI, 23, 24).

²³⁴ Страб. V, 1 § 7.

²³⁵ Характеристиченъ въ этомъ отношеніи рассказъ Тацита о томъ, какъ жители городонъ около Пада были возмущены, когда одинъ изъ ихъ соотечественниковъ, уроженецъ венецкаго города Вицетин (*Visenza*), Децима Аліенъ, полководецъ императора

Вителлиа, звалися къ нимъ въ «варварскомъ» одѣяніи, цвѣтномъ плащѣ и штанахъ, и какъ они обжалыся, что онъ въ этомъ видѣ осмѣливался держать рѣчь передъ людьми, облаченными въ римскую тогу (Hist. II, 20).

²³⁶⁾ Такъ мы замѣтили славянское слово въ латинской надписи, найденной въ Авеллеѣ. Въ то время, когда писалъ свою географію Помпоній Мела (въ царствованіе императора Клавдія, 41 — 54 г.), венеты, вмѣстѣ съ ихъ сосѣдями къ сѣверо-востоку карнами, еще не причислялись, какъ кажется, къ народамъ собственно италійскимъ: Mela II, 2: sinistra parte (Italiae) Carni et Veneti colunt Togatam Galliam; tum Italicis populi, Picentes, Fregentani, Daunii, Apuli, Calabrig, Sallentini. Память о венетахъ, какъ имѣвшихъ нѣкогда особую народность и особый языкъ, можно найти еще въ IV в. по Р. Хр., въ сочиненіяхъ императора Юліана: Orat. II, p. 71.

²³⁷⁾ Страб. V, 1, § 10. Cp. Julian. imp. Orat. II p. 72. *Ἔστι δὲ ἐν αὐτῇ* (говоря о странѣ Приальпійской) *τὸ τε τῶν Εὐρετῶν ἔθνος καὶ Αἰγυῆς τινες καὶ τῶν ἄλλων Γαλατῶν οὐ φραγλῆ μοίρα. τὰ μὲν ἀρχαῖα σφῶν δούματα σώζειν (οἱ Ρωμαῖοι) οὐ δύκωλον, τῇ κοινῇ δὲ τῶν Ἰταλῶν ἐνυχορεῖν κατηράχουσαν.*

²³⁸⁾ См выше примѣч. 92.

²³⁹⁾ Подробное исчисленіе извѣстныхъ въ римской исторіи лицъ, уроженцевъ венецкой земли, можно найти въ IV томѣ сочиненія Филіаса, гдѣ помѣщенъ радъ главъ объ этихъ лицахъ, подъ заглавіемъ «Veneti celebri».

²⁴⁰⁾ Что славяне, въ началѣ среднихъ вѣковъ водворившіеся въ Венеціанскомъ краѣ, считались у туземцевъ за чужихъ, видно, между прочимъ, изъ мѣстныхъ названій какъ напр. riva dei Schiavoni въ Венеціи, деревня Slavonia, нѣсколько на югъ отъ Эсте, древняго Атесте (означена на картѣ Патавинскаго края, приложенной къ книгѣ Historia di Padova di Sertorio Orzato); villa de Slavoni, находившаяся близъ laguna di Carpula или Caorle; урочище Schiavonia близъ лагуны по направленію къ Мольяно (Филіасъ, V, 288); Ravian Schiavonesco, станція желѣзной дороги на западъ отъ Удине; Sclavonico, деревня на югъ отъ Удине; Schiavonia, деревня у р. Пиаве на югъ отъ Фельтре и т. дал.

Линнеусъ.

